Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Маркина Людмила Леонидовна

ПАССИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Дудко Игорь Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА 22

1.1. Конституционно-правовая природа активного и пассивного избирательного права 22

1.2. Нормативное содержание пассивного избирательного права 49

1.3. Юридическая конструкция пассивного избирательного права 74

ГЛАВА 2. ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА, ПРЕДЕЛЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ 93

2.1. Пределы пассивного избирательного права 93

2.2. Ограничения пассивного избирательного права 111

2.3. Пределы осуществления пассивного избирательного права 155

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 180

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств как теоретического, так и практического характера. Прежде всего значение избранной темы определяется ценностью и востребованностью в конституционном правопорядке современной России демократических процедур управления делами общества и государства, формирования органов публичной власти, важностью эффективного конституционно-правового регулирования избирательного процесса и обеспечения прав его участников; фундаментальным характером и значимостью избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся одним из важнейших элементов их конституционно-правового статуса, существенным условием функционирования народного представительства и народовластия в целом, а также ценностью устойчивой конституционно-правовой практики их реализации.

Другие обстоятельства можно квалифицировать как объективно существующие факторы, действие которых актуализирует данную тему, формирует новые задачи для науки конституционного права, выявляет проблематику содержания ранее полученных научных результатов. К таким обстоятельствам можно отнести:

высокую динамику конституционно-правового регулирования общественных отношений, связанных с организацией, проведением выборов, реализацией пассивного избирательного права, а также соответствующую российскую и зарубежную практику, требующую научного осмысления как процесса, так и результата соответствующих преобразований. За период с 2002 года по настоящее время произошли значительные изменения избирательного законодательства и практики проведения выборов, в том числе в части осуществления пассивного избирательного права гражданами Российской Федерации. Получили развитие новые способы и условия реализации пассивного избирательного права, его ограничения. Их законодательное нормирование

неоднократно изменялось, в том числе под влиянием судебной практики. В результате конституционной поправки 2020 года содержательно трансформировались конституционные ограничения исследуемого права;

расширение использования при организации и проведении выборов в Российской Федерации технологических инноваций, влияющих на реализацию пассивного избирательного права;

адаптацию организационно-правовых механизмов подготовки и проведения выборов к экстраординарным условиям, возникшим вследствие различного рода кризисных ситуаций (пандемии, стихийного бедствия, специальной военной операции и др.), повышение интенсивности их применения в связи с участившимися случаями возникновения кризисных ситуаций;

трансформацию нормативного содержания пассивного избирательного права. В частности, расширение объема образующих его правомочий, а также ограничений данного права, усложнение их материальной, процедурной и процессуальной сторон;

появление и воспроизводство новых практик злоупотребления пассивным избирательным правом и формирование объективной потребности противодействия им.

Отечественное законодательство, судебная и правоприменительная практика не отражают в полном объеме проблематику пассивного избирательного права на настоящем этапе, что во многом обусловлено динамичным характером избирательного законодательства. За пределами научного поля зрения также остается вопрос относительно юридической конструкции пассивного избирательного права.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется имманентно присущим ей свойством устойчивой научной и практической значимости, ценностью и фундаментальностью права, являющегося ядром данного исследования, а также действием объективных факторов, обусловливающих динамику развития конституционно-правового регулирования реализации гражданами Российской Федерации принадлежащего им пассивного

избирательного права. Существенное значение имеет и общегосударственная потребность в эффективных правовых механизмах, обеспечивающих функционирование и воспроизводство демократической системы, удовлетворение которой во многом достигается посредством расширения, систематизации и углубления научного знания по данной проблематике.

Степень научной разработанности темы. Вопросы природы, сущности и понятия пассивного избирательного права становились предметом изучения А. Я. Авилова, Н. С. Бондаря, В. В. Водовозова, А. В. Должикова, Ф. Клерк (F. Le Clerc), С. Д. Князева, Е. И. Колюшина, Н. М. Колосовой, О. В. Кузнецовой, А. А. Макарцева, М. С. Матейковича, Л. А. Нудненко, М. А. Смирновой, И. А. Стародубцевой, А. О. Филатовой, К. Фири (C. Phiri), В. И. Червонюка, В. А. Черепанова, В. Е. Чурова, С. В. Шевердяева, А. В. Шемелина, А. М. Шериева, Б. С. Эбзеева и др.

Международным стандартам, нормативному содержанию, пределам и ограничениям пассивного избирательного права в различные временные периоды уделено внимание в трудах С. А. Авакьяна, А. С. Автономова, Р. Алекси (R. Alexy), Р. Т. Биктагирова, М. В. Варлен, В. Н. Волченко, М. Галлахер (M. Gallagher), С. А. Голубка, А. Г. Головина, А. Джонс (A. Jones), И. Г. Дудко, С. В. Евдокимова, С. Жоссо (S. Josso), С. Затагич (S. Zatagić), В. В. Игнатенко, А. В. Игнатова, С. Д. Князева, А. И. Ковлера, В. В. Комаровой, М. Ю. Куликова, Е. И. Колюшина, М. С. Матейковича, П. Митчела (P. Mitchell), Н. А. Михалевой, К. Морриса (C. Morris), С. В. Нарутто, М. О'Бойла (M. O'Boyle), Г. Д. Садовниковой, М. М. Силкиной, С. Н. Слободчиковой, Н. Е. Таевой, К. Уорбрика (K. Warbrick), Д. М. Худолея, В. В. Шведовой, Б. С. Эбзеева и др.

Вопрос о юридической конструкции пассивного избирательного права не получил комплексного теоретического осмысления. Фрагментарно он нашел отражение в работах С. А. Хвалева.

Среди диссертационных исследований, посвященных пассивному избирательному праву, можно выделить диссертации: Я. Д. Авилова «Реализация пассивного избирательного права на стадии выдвижения и регистрации

кандидатов на выборах в органы государственной власти Российской Федерации» (2024), В. Н. Волченко «Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации» (2004), П. А. Дуксина «Конституционные ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда» (2010), О. В. Кузнецовой «Реализация конституционного принципа равенства прав граждан России в пассивном избирательном праве» (2010), М. М. Силкиной «Конституционное право граждан России быть избранными в органы местного самоуправления» (2010), М. А. Смирновой «Конституционно-правовые ограничения пассивного избирательного права в Российской Федерации» (2012), А. О. Филатовой «Содержание и судебная защита конституционного права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации» (2018).

Несмотря на внушительную библиографию, свидетельствующую о стабильном интересе юридической науки к вопросам пассивного избирательного права, ряд принципиальных проблем, касающихся тех аспектов пассивного избирательного права граждан Российской Федерации, которые составили предмет диссертационного исследования, на доктринальном уровне до настоящего времени не решен. По ним отсутствует научный консенсус, который заменяет многообразие различных точек зрения и концептуальных гипотез, что объясняет обращение к соответствующим вопросам в диссертационном исследовании. Кроме того, некоторые, относительно устоявшиеся в юридической науке выводы и теоретические построения требуют переосмысления и актуализации сообразно современному социальному, политическому, правовому и технологическому контекстам, в которых складываются и развиваются общественные отношения, связанные с регулированием и реализацией пассивного избирательного права гражданами Российской Федерации. Современная практика организации и проведения выборов, складывающаяся как в России, так и за рубежом, формирует общегосударственную потребность в развитии юридической конструкции пассивного избирательного права, соответствующей

фундаментальным конституционным идеям о демократии, народовластии и свободных выборах.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с осуществлением пассивного избирательного права гражданами Российской Федерации.

Предметом диссертационного исследования являются теория и практика конституционно-правового регулирования пассивного избирательного права граждан Российской Федерации, включая цель и принципы данного права, его нормативное содержание, объем, имманентные пределы, системные ограничения, пределы и гарантии осуществления, а также изложенные в отечественных и зарубежных трудах доктринальные идеи и концептуальные подходы, раскрывающие сущностно-содержательную, формально-юридическую и практическую стороны исследуемого права.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном теоретико-правовом осмыслении пассивного избирательного права граждан Российской Федерации, выявлении закономерностей и современных тенденций его развития, интегративном обосновании правовой природы, нормативного содержания, объема, имманентных пределов, системных ограничений, пределов и гарантий осуществления, а также в разработке целостной юридической конструкции пассивного избирательного права, основанной на цели и принципах данного права.

Достижение этой цели предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

обосновать интегративное понимание единства конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права и выявить различные виды связей, обеспечивающих взаимодополняемость и взаимообеспеченность данных прав в рамках их интегративного единства;

определить нормативное содержание пассивного избирательного права через установление составляющих его взаимосвязанных правомочий, обусловленных закономерностями, тенденциями и динамикой развития

конституционно-правового регулирования исследуемого права на современном этапе;

разработать и предложить юридическую конструкцию пассивного избирательного права как идеальную модель, основанную на цели и принципах данного права и позволяющую путем сопоставления совершенствовать существующую нормативную основу регулирования пассивного избирательного права;

определить в рамках предложенной юридической конструкции пассивного избирательного права его объем, а также соотношение имманентных пределов данного права, его ограничений и избирательных цензов;

теоретически и эмпирически обосновать невозможность лишения гражданина пассивного избирательного права в отличие от конституционно допустимого ограничения такого права;

определить ограничения пассивного избирательного права и формализовать их в целостную и взаимосвязанную систему;

выявить на основе интегративного единства активного и пассивного избирательного права границы пределов осуществления пассивного избирательного права как в ценностно-целевом истолковании, так и в нормативном выражении, и предложить способы противодействия злоупотреблению пассивным избирательным правом.

Методологическую основу диссертационного исследования составили всеобщий диалектический метод познания и основанные на нем общенаучные и частнонаучные методы исследования – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, структурно-функционального анализа, исторический, логический, эмпирический, рациональный и системный подходы.

Применение диалектического метода позволило раскрыть природу и сущность образующих предмет исследования явлений, выявить интегративное единство активного и пассивного избирательного права, а также взаимосвязи, существующие между другими, включенными в предмет исследования

явлениями. Использование потенциала этого метода обеспечило возможность проследить динамику развития нормативного содержания исследуемого права, правового регулирования общественных отношений, связанных с его осуществлением, выявить закономерности и тенденции в развитии нормативного содержания этого права. Применение исторического и логического, эмпирического и рационального подходов позволило выйти на высокий уровень обобщения и концептуализации эмпирического материала. Употребление категорий диалектики, таких как «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», «общее» и «особенное» дало возможность сформировать непротиворечивую рациональную картину ограничений пассивного избирательного права, коррелирующую практике отечественного конституционализма, предложить критерий, позволяющий определить единство и различия ограничений пассивного избирательного права, пределов его осуществления и избирательных цензов.

Посредством формально-юридического метода изучались и анализировались положения Конституции Российской Федерации, международных правовых актов в сфере прав человека, других нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, составившие объект исследования. В некоторых случаях задействовался сравнительно-правовой метод, в результате чего было выявлено общее и особенное в характерных для отечественной и зарубежной доктрин идеях, теоретических построениях, интерпретациях правовых явлений, оказавшихся в фокусе внимания диссертанта при реализации задач исследования, международных и национальных стандартах пассивного избирательного права, а также в составе правомочий, образующих нормативное содержание пассивного избирательного права в российском и зарубежных измерениях.

Метод правового моделирования использован при разработке юридической конструкции изучаемого права, обоснования предложений по противодействию новым практикам злоупотребления пассивным избирательным правом.

Структурно-функциональный анализ был задействован в процессе изучения структуры нормативного содержания пассивного избирательного права, связей между его элементами.

Применение системного подхода позволило выявить системные изменения в нем, обосновать вывод о системном характере множества ограничений пассивного избирательного права.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных философов: В. И. Аршинова, В. Г. Буданова, Г. Гегеля, И. Канта, В. Г. Левина, Платона, И. Стенгерс, В. С. Степина, Д. Юма. Ее большую часть образуют труды отечественных правоведов, специалистов в области теории государства и права, конституционного и гражданского права: С. А. Авакьяна, Н. Г. Александрова, С. С. Алексеева, В. М. Баранова, Н. С. Бондаря, С. Н. Братуся, Г. А. Гаджиева, В. М. Горшенева, В. Д. Зорькина, О. С. Иоффе, Д. А. Керимова, С. Д. Князева, А. И. Ковлера, Е. И. Козловой, В. М. Корельского, Н. М. Коркунова, О. Е. Кутафина, В. В. Лазарева, О. В. Лучина, А. В. Малько, Н. И. Матузова, Г. Мейера, Л. А. Морозовой, А. М. Осавелюка, В. Д. Перевалова, А. Е. Постникова, Н. Н. Тарасова, Ю. А. Тихомирова, Е. Н. Трубецкого, Т. Я. Хабриевой, Н. Н. Черногора, А. Ф. Черданцева, В. Е. Чиркина, М. А. Шаргородского, Г. Ф. Шершеневича, К. В. Шундикова, Б. С. Эбзеева и др.

Нормативную правовую основу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты в сфере прав человека и гражданина, их охраны и защиты, международные договоры Российской Федерации, законы Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации; постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили: материалы судебной и иной правоприменительной практики судов Российской Федерации, в том числе решения Конституционного Суда Российской Федерации, акты Верховного Суда Российской Федерации, постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики судов Российской Федерации, акты Европейского Суда по правам человека; методические и аналитические материалы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; доклады, заключения, аналитические материалы консультативных органов при международных организациях.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном теоретико-правовом исследовании пассивного избирательного права граждан Российской Федерации, основанном на выявлении закономерностей и современных тенденций его развития и правового регулирования с позиции интегративного обоснования правовой природы, нормативного содержания, объема, имманентных пределов, системных ограничений, пределов и гарантий осуществления исследуемого права.

В настоящей диссертации автором предложена юридическая конструкция пассивного избирательного права как идеальная модель, основанная на цели и принципах данного права и позволяющая путем сопоставления совершенствовать существующую нормативную основу правового регулирования пассивного избирательного права, объединять ограничения исследуемого права в единую и динамичную систему, определять границы пределов его осуществления и разрабатывать эффективные способы противодействия злоупотреблению пассивным избирательным правом.

Научная новизна находит свое выражение также в основных **положениях, выносимых на защиту и отражающих результаты исследования:**

1. Обосновано, что активное и пассивное избирательное право имеют общую конституционно-правовую природу, отражающую весь конституционный контекст, образующий правовые основания и институциональную основу демократической государственности, а также современного конституционного правопорядка. Активное и пассивное избирательное право представляют собой интегративное единство личного интереса и общего блага, требующее гармонизации от законодателя и правоприменителя. Интегративное понимание единства природы активного и пассивного избирательного права означает

взаимообусловленность субъективного права и конституционного бремени, что служит основанием для определения пределов пассивного избирательного права и его конституционно допустимых ограничений.

2. Обосновано, что интегративность конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права означает существование между ними сложной взаимообусловленной конституционной связи, основанной на взаимодополняемости и взаимообеспеченности данных прав и выраженной в одновременном существовании и взаимном наложении различных видов связей:

связи-объединения, выражающей их единую природу и общий результат – обеспечение участия граждан в конституционно-правовом механизме легитимации публичной власти;

причинной связи, имеющей комплексный характер и включающей причину и следствие, а также смену состояний. Данная связь не односторонняя, а обоюдонаправленная. Активное и пассивное избирательное право выступают по отношению друг к другу и причиной, и следствием. Время существования причины и время существования следствия перекрещиваются, их можно рассматривать как два вида состояний, а зависимость активного и пассивного избирательного права в их интегративном единстве – как смену состояний. Невозможность реализации одного из прав приводит к искажению свободных выборов как конституционной основы демократического государства;

соответствие между следствиями одной причины. Конституционное оформление демократического государства как монопричины, основанной на принципах народовластия и свободных выборов, обусловливает связанность, взаимодополняемость и взаимообеспеченность активного и пассивного избирательного права. Данные права происходят от одной причины, являются разными, но взаимосвязанными ее следствиями;

соответствие между следствиями разных причин. Активное и пассивное избирательное право имеют свое юридическое содержание и функциональное предназначение, организационно-правовой механизм осуществления. Их реализация относительно раздельная (организационно, процедурно, технически и

технологически), но локализованная во времени и в пространстве – в ходе организации и проведения свободных выборов (избирательного процесса), и ведет к общему результату (следствию) – формированию легитимных органов публичной власти.

3. Установлено, что пассивное избирательное право, существуя в сложной взаимообусловленной конституционной связи с активным избирательным правом, вместе с тем сохраняет определенную степень автономии, выражающуюся в собственном нормативном содержании и его развитии. Развитие нормативного содержания пассивного избирательного права влечет его внутреннюю трансформацию, которая проявляется в системных изменениях в части расширения состава и объема таких правомочий, с одной стороны, и сужением пределов обеспечиваемой им свободы, с другой.

Определено, что нормативное содержание пассивного избирательного права образует единство составляющих его взаимосвязанных правомочий, демонстрирующих черты субъективных прав, но не являющихся ими. Правомочия: быть выдвинутым кандидатом в порядке самовыдвижения или избирательным объединением; на финансирование своей избирательной кампании; на ведение предвыборной агитации; быть зарегистрированным кандидатом; обращаться в избирательную комиссию или в суд для защиты своего права; по назначению наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса; быть признанным избранным кандидатом; получить мандат, занять выборную должность.

Предложено дополнить нормативное содержание пассивного избирательного права указанием на правомочие, которое предполагает возможность не только воздержаться от использования рассматриваемого права, но и прекратить его осуществление на какой-либо стадии избирательного процесса, в частности, снять свою кандидатуру на выборах в течение определенного законодателем (в целях предотвращения злоупотребления пассивным избирательным правом) срока.

4. Разработана и предложена юридическая конструкция пассивного избирательного права как идеальная модель, позволяющая теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в избирательном законодательстве и в реальных избирательных правоотношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов рассматриваемого права. Данная модель включает следующие элементы: цель и принципы пассивного избирательного права; нормативное содержание пассивного избирательного права, объем, имманентные пределы, системные ограничения, пределы и гарантии осуществления исследуемого права.

Сопоставление идеальной модели с реально существующей является одним из способов оценки действующего правового регулирования и выявления потребности в его усовершенствовании. Предложенная конструкция может быть полезной как при создании новых правовых норм, так и при совершенствовании существующей нормативной основы регулирования избирательных правоотношений.

5. Установлено, что в качестве самостоятельных элементов в предложенной юридической конструкции пассивного избирательного права выступают объем, имманентные пределы и ограничения данного права. Объем исследуемого права определяется, с одной стороны, составом образующих его правомочий (содержанием), с другой – установленными пределами и ограничениями этого права.

Имманентные пределы пассивного избирательного права вытекают из сущности данного права и определяются как объективные границы конституционно признаваемой и защищаемой свободы граждан, установленные и образуемые сложной взаимообусловленной конституционной связью активного и пассивного избирательного права, нормативным содержанием последнего, составом, образующих его правомочий.

Ограничения пассивного избирательного права – явление внешнее по отношению к исследуемому праву, которое предложено понимать как конституционно допускаемые изъятия правомочий, образующих нормативное

содержание пассивного избирательного права, уменьшение объема возможности гражданина выдвинуть свою кандидатуру на выборы в органы публичной власти, быть зарегистрированным кандидатом и быть избранным. Такого рода изъятия ведут к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности. Подобный подход определяет, во-первых, общность природы и сущности ограничений пассивного избирательного права и избирательных цензов, определения их как родового явления и его видового проявления, во-вторых, отличия ограничений пассивного избирательного права от условий его осуществления – предусмотренных избирательным законодательством действий, которые необходимо совершить при реализации пассивного избирательного права для избрания в органы публичной власти и на выборные публичные должности.

6. Установлено, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен пассивного избирательного права. Данное право может быть допустимо ограничено, что не является тождественным лишению права. Соответственно, нельзя признать состоятельными попытки: постулирования в доктрине возможности лишения гражданина пассивного избирательного права; введения в понятийно-категориальный аппарат доктрины конституционного и избирательного права, а также в материальное содержание соответствующих элементов системы российского права понятия «приостановление» пассивного избирательного права в качестве обозначения сущностно отличающегося от ограничения этого права явления.

7. Выявлено, что существующие ограничения пассивного избирательного права образуют открытую, динамичную, демонстрирующую тенденцию к усложнению систему, включающую:

общие (распространяющиеся на выборы всех уровней) и специальные (обеспечивающие выборы определенного уровня) ограничения пассивного избирательного права;

ограничения, которые не могут быть отменены или изменены ввиду их прямого конституционного установления, и те, существование и содержание

которых зависит от воли законодателя в конституционно допустимых пределах;

ограничения, связанные с обстоятельствами, возникающими исключительно на основании вступившего в законную силу судебного решения (признание лица недееспособным, судимость и др.) и те, которые предусматривают юридические факты, не требующие подтверждения решением суда (недостижение определенного возраста, наличие гражданства другого государства и др.). Связанность этих элементов проявляется в их взаимной согласованности (непротиворечивости), иерархической организации, соответствии нормативного содержания и правовой формы ограничений этого права единым критериям и требованиям, функциональном предназначении для сохранения баланса публичных и частных интересов в регулировании избирательных правоотношений.

8. Сделан вывод о том, что пределы осуществления пассивного избирательного права представляют собой обусловленную интегративностью конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права сферу (пространство) реализуемого гражданином права. Ее границы выявляются как в результате ценностно-целевого истолкования конституционных и иных нормативных установлений, так и через нормативную форму. К границе, которая может быть выявлена только в результате ценностно-целевого истолкования конституционных и иных нормативных установлений, относится требование добросовестного осуществления исследуемого права в соответствии с его назначением, а также его социальная и общегосударственная функции.

К границам, имеющим нормативное выражение, можно отнести:

систему принципов пассивного избирательного права, производную от конституционных принципов демократии, народовластия, свободных выборов, осуществления прав и свобод человека и гражданина без нарушения прав и свобод других лиц и принципов, обеспечивающих реализацию исследуемого права в избирательном процессе. К числу последних относятся принципы альтернативности (состязательности), открытости и гласности проведения выборов, допустимости различных избирательных систем, а также осуществления

субъективных избирательных прав на основе личного участия гражданина в избирательных действиях;

временные интервалы, ограниченные временем проведения выборов, в которые право может быть осуществлено;

дифференциацию выборов и вытекающие из особенностей каждого вида пределов права участвовать в них в качестве кандидата, а также предоставленными лицу средствами защиты принадлежащего ему пассивного субъективного права;

юридические факты, обозначающие рубежи (моменты) начала и окончания допустимого (дозволенного) осуществления правомочий, образующих содержание пассивного избирательного права;

конституционно допустимые формы и средства осуществления права;

состав и порядок совершения избирательных действий, посредством которых осуществляются эти правомочия.

9. Определено, что пределы осуществления пассивного избирательного права играют важную роль в нормировании реализации данного права. Данные пределы следует рассматривать в контексте их соотношения со злоупотреблением этим правом, которое формально не является правонарушением, однако направлено на воспрепятствование реализации прав других субъектов избирательного процесса, причинение вреда им и другим лицам. Цель пассивного избирательного права является одним из вариантов определения пределов его осуществления, превышение которых приводит к злоупотреблению данным правом.

С целью совершенствования правового регулирования избирательных правоотношений в части противодействия злоупотреблению пассивным избирательным правом предложено:

закрепить в федеральном избирательном законодательстве интегративный принцип недопустимости злоупотребления избирательными правами, являющийся частью общеотраслевого принципа добросовестности. Подобное закрепление в перечне принципов проведения выборов необходимо для

определения образа действий носителя пассивного избирательного права и других участников избирательного процесса, препятствующих выявлению действительной воли избирателя или искажающих ее. Естественно-правовое основание данного предложения вытекает из ч. 3 ст. 17, а позитивно-правовое – из ч. 2 ст.15 Конституции Российской Федерации;

дополнить уголовное законодательство в части нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения положением, устанавливающим ответственность за умышленные действия, связанные с нецелевым (личное обогащение, уклонение от уплаты налогов, страховых взносов, иные незаконные цели) использованием средств избирательных фондов. Реализация данного предложения позволит гарантировать добросовестное осуществление пассивного избирательного права в соответствии с его целью.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что работа формирует понимание конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права как сложного, взаимообусловленного интегративного единства, систематизирует и развивает доктринальные представления о нормативном содержании пассивного избирательного права, объеме, имманентных пределах, системных ограничениях, пределах и гарантиях осуществления исследуемого права. Автором предложена юридическая конструкция (идеальная модель) пассивного избирательного права, основанная на цели и принципах данного права и позволяющая путем сопоставления совершенствовать существующую нормативную основу регулирования пассивного избирательного права, выявлять системный характер его ограничений и определять эффективные способы противодействия злоупотреблению пассивным избирательным правом. Автором осуществлено комплексное теоретико-правовое осмысление закономерностей и тенденций развития пассивного избирательного права, что формирует основу для дальнейших исследований в области конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в целях: толкования юридических норм, устанавливающих конституционно-правовой статус выдвинутых и зарегистрированных кандидатов (списка кандидатов) и регулирующих общественные отношения, связанные с использованием этого права гражданами Российской Федерации; прогнозирования дальнейшего развития соответствующего правового регулирования и планирования законотворческой деятельности, нацеленной на его совершенствование; моделирования и принятия новых правовых норм, регулирующих избирательные правоотношения; обеспечения и защиты пассивного избирательного права граждан Российской Федерации в правоприменительной деятельности органов публичной власти; дальнейших научных изысканий по проблематике конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений; преподавания учебных дисциплин «Конституционное право России», «Избирательное право России».

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность научных результатов диссертационной работы основывается на всестороннем исследовании выполненных ранее научных трудов по проблематике пассивного избирательного права, использовании положений нормативных правовых актов, включая акты Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, в подготовке которых участвовал автор. Выводы и обобщения, сформулированные по итогам выполненного диссертационного исследования, а также разработанные на их основе предложения могут быть использованы в правотворческой деятельности при совершенствовании избирательного законодательства. Практико-ориентированные предложения и рекомендации будут востребованы в правоприменительной деятельности судов, избирательных комиссий и иных органов, входящих в единую систему публичной власти.

Диссертация подготовлена на кафедре конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), на которой она прошла рецензирование и обсуждение. Выводы и предложения диссертанта изложены в 9 публикациях в научных

изданиях, в том числе 7 в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных результатов диссертационных исследований. Они докладывались на научных и научно-практических форумах, в частности: Международной конференции «Электоральный суверенитет и международные стандарты» (г. Москва, ЦИК России, 15–16 марта 2024 г.); IX Юридическом форуме стран БРИКС (г. Москва, МГИМО МИД России, 19 сентября 2024 г.) и др.

Результаты исследования были использованы при подготовке проектов двенадцати актов ЦИК России, в том числе, постановлений: от 19 мая 2021 г. № 6/47-8 «Об обеспечении реализации избирательных прав кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения, при приеме окружной избирательной комиссией документов для выдвижения, регистрации, а также иных избирательных документов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва»; от 2 июня 2021 г. № 8/60-8 (ред. от 14 июня 2024 г.) «Об Инструкции о порядке формирования и расходования денежных средств избирательных фондов политических партий, региональных отделений политических партий, кандидатов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; от 17 мая 2023 г. № 115/903-8 «Об обеспечении реализации избирательных прав кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения, при приеме окружными избирательными комиссиями документов для выдвижения, регистрации, а также иных избирательных документов при проведении дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам»; от 19 июня 2024 г. № 173/1360-8 «О применении отдельных положений постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 года № 86/718-8 «Об особенностях голосования, установления итогов голосования в случае

принятия решения о проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд» и др.

Структура диссертации предопределена поставленными целью и задачами исследования, включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

1.1. Конституционно-правовая природа активного и пассивного избирательного права

Ставить перед собой цель «выявить», «установить» природу означенных прав излишне амбициозно и не вполне уместно, т.к. автор настоящего исследования не является первопроходцем в соответствующем научном поиске, который уже привел правоведов к существенным и признанным в научном сообществе результатам. Имеющееся доктринальное знание устраняет неизбежность заново, так сказать, с чистого листа, устанавливать природу избирательных прав. Выводы предшественников образуют достаточную основу для решения обозначенных задач. Определенную трудность создает некоторое несовпадение точек зрения ученых, что обуславливает необходимость не только в их осмыслении, но и проверке.

Для того, чтобы показать конституционно-правовую природу активного и пассивного избирательного права, необходимо, прежде всего, определиться, во-первых, с подходом к доктринальному освоению рассматриваемых явлений. Во-вторых, оценить и, возможно, интерпретировать теоретическую схему[1] их происхождения с учетом современных достижений юридической науки и конституционной практики.

Активное и пассивное избирательное право можно рассматривать в объективном смысле – как подсистему избирательного права, совокупность норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе выборов при осуществлении гражданами принадлежащих им в силу конституционно

[1] О теоретических схемах, их месте и роли в структуре научного знания см.: Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Минск: Беларуская навука, 2021. С. 95-103.

установленных возможностей избирать и быть избранными в органы публичной власти. Опыт такого изучения избирательных прав, в том числе каждого из них в отдельности, имеется[2]. Однако он мало что дает для уяснения конституционно-правовой природы и конституционной связи активного и пассивного избирательного права. Во всяком случае, такой путь ведет к существенному упрощению ответов на вопросы о происхождении, источнике(ах), причинах возникновения и развития избирательных прав, а также их месте в системе конституционного механизма рациональной организации публичной власти[3] и конституционного правопорядка. Более широкий простор для решения заявленных задач открывает осмысление избирательных прав в субъективном смысле этого слова – как субъективного (с некоторыми оговорками, которые будут приведены ниже) конституционного права гражданина[4].

В юридической науке признается и широко используется идея древних мыслителей о том, что ни одна вещь не возникает из небытия, все – из бытия (ничто ничего не производит, а сущее все производит)[5]. Этот постулат положен в основу многих объяснений государственно-правовых явлений и процессов, хотя в юридической доктрине нет общепризнанного определения природы чего-либо. Правовой природой нередко именуют либо внутреннее устройство явления или процесса, либо их суть. Автор настоящего исследования, солидаризируясь с

---

[2] См., например: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие / М.С. Савченко, Т.Ю. Дьякова и др. / под общ. ред. М.С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015; Махашев Р.Ю. Активное избирательное право: понятие и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2007. № 7; и др.

[3] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России). В книге: Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008-2012. Т. 3. М.: ЗАО «Гриф и К». 2013. С. 318.

[4] См., например: Авакьян С.А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015. С. 60; Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: «Деловой двор», 2014; Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М.: Норма, 2016. С. 67; и др.

[5] См.: Левин В.Г. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. № 2. С. 40.

другими учеными, исходит из того, что природа чего-либо есть его источник, базовые начала, причина, без которых это «что-либо» не может возникнуть, существовать, развиваться, а также занимать свое место в мире, отличаясь от окружающей среды[6]. Соответственно, в дальнейших рассуждениях конституционно-правовая природа избирательных прав отграничивается от их содержания и сущности, которые сами по себе не определяют, а лишь отражают природу этих прав. Принимая во внимание данную установку, обратимся к характеристикам природы избирательных прав, представленных в юридической доктрине.

При изучении доктринальных источников можно обнаружить несколько базовых идей, выступающих одновременно итоговым выводом в описании генезиса избирательных прав[7]. Их объединяет суждение о том, что активное и пассивное избирательное право имеют общую природу. Отличие же между ее описаниями, в которых соответствующие идеи развиваются их адептами, состоит в следующем. Одна часть известных объяснений связывает природу избирательных прав, как активного, так и пассивного, с определенным образом организованными (на основе фундаментальных принципов демократии, суверенитета народа и конституционализма) общественными отношениями, образующими конституционный порядок в демократическом государстве, в которых реализуется народный суверенитет[8]. Другая часть доктринальных репрезентаций природы избирательных прав фиксирует в качестве первопричины,

---

[6] См.: Перфильев В.В., Орлов К.А. Основные характеристики природы права: общетеоретический аспект // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 31.

[7] В данном случае речь идет о генезисе избирательных прав не в смысле исторической ретроспективы становления избирательных прав в практическом конституционализме, а в значении теоретического описания источника, причины, базового начала их происхождения.

[8] См., например: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России). С. 317–385; Черепанов В.А. Всеобщее избирательное право: за и против // Всеобщее избирательное право: за и против. Материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Выпуск 1. Отв. ред. В.А. Черепанов. Ставрополь: АГРУС ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019. С. 12-22; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005; Эбзеев Б.С. Государство в социокультурной системе России: непрерывность, суверенитет, базовые смыслы // Государство и право. 2025. № 5. С. 95–113.

источника рассматриваемых прав отдельные элементы механизма функционирования и воспроизводства (свободные выборы, референдум) конституционного порядка или компоненты общеправового режима, устанавливающего юридический механизм участия индивида в управлении государством (непосредственно или через посредство свободно избранных представителей)[9]. Иными словами, в первом случае природу избирательных прав ищут путем глубокого анализа идейной основы и политико-правовой среды, формирующих необходимость и востребованность этих прав, во втором – посредством установления их общего корня в виде «материнского» права, в качестве которого определяют право гражданина участвовать в управлении делами государства[10], составляющего ядро политического и конституционно-правового статуса гражданина. В последнем случае избирательные права нередко соотносят с правом на участие в управлении делами государства как формой реализации последнего.

Некоторые исследователи в поисках конституционно-правовой природы избирательных прав анализируют исключительно закрепляющие их конституционные установления[11]. Такая исследовательская «стратегия» имеет

---

[9] См., например: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. С. 249, 250; Конституционное право России: учебник для вузов / Л.В. Андриченко, Р.Ч. Бондарчук, В. А. Виноградов, и др. / под ред. В.А. Виноградова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 228; Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права // Государство и право. 2014. № 3. С. 5; Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В.В. Комаровой. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009; Виноградов В.А., Масленникова С.В., Мазаев В.Д. Конституционное право России: учебник. М.: Эксмо, 2022. С. 421.

[10] См.: ст. 21 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1988. 10 декабря; П. «b» ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (принят Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291; ч. 1 ст. 32 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Конституция Российской Федерации // URL: www.pravo.gov.ru, (дата обращения: 6 октября 2022 г.)

[11] См., подробней: Авилов Я.Д. Реализация пассивного избирательного права на стадии выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в органы государственной власти Российской Федерации. Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2024; Филатова А.О. Содержание и

свои резоны, принимая во внимание то обстоятельство, что Конституция Российской Федерации является нормативной моделью организации общества и формой конституционного правопорядка, вобравшей в себя выработанные мировой практикой конституционного строительства, ставшие универсальными идеи и ценности конституционализма, а также демократические правовые образцы, утвердившиеся в процессе конституционного развития, в том числе, России. Поиск смыслов конституционных установлений на основе методологии юридической науки способен привести к значительному научному и практическому результату, в чем убеждает практика Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, одна из идей и, соответственно, вывод о природе избирательных прав выражена в констатации их происхождения из *демократии*[12], которая в данном контексте рассматривается правоведами, с опорой на европейский исторический опыт и Конституцию России, в разных ее проявлениях как:

политический режим (совокупность приемов и способов формирования и функционирования государственной власти и ее институтов[13]) и элемент формы государства[14];

состояние государственной жизни[15];

способ солидаризации воли различных частей народа[16];

рациональная организация политического процесса и обеспечения политического единства народа в условиях политического плюрализма и обусловленной им конкурентности самой демократии**,** детерминирующая органическое единство и конституирование равноценных по своему значению и

судебная защита конституционного права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2018; и др.

[12] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317; Senada Zatagić. A Neglected Right. Prospects for the Protection of the Right to be Elected in Bosnia and Herzegovina. 2022. P. 37.

[13] См., подробней: Осавелюк А.М. Государственный режим как способ реализации формы правления: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 1. С. 12-16.

[14] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317.

[15] Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 568.

[16] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 318.

занимаемому в системе демократии месту как прямой, так и представительной демократии. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях отразил понимание демократии в ее конституционном закреплении не в смысле господства народа, основой которого могла бы быть его единодушная воля, а в значении рациональной организации политического процесса и обеспечении политического единства народа в условиях политического плюрализма и обусловленной им конкурентности самой демократии[17];

форма и способ ограничения государственной власти, право на которую предоставляется только на время и пределы которой установлены Конституцией[18].

Прослеживая генезис избирательных прав в данной логике, можно заключить, что избирательные права «прорастают» из демократии, фундаментальным основанием которой является суверенитет народа[19], через особую государственно-правовую личность народа[20], включающую способность

---

[17].См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона "О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон "О референдуме Российской Федерации"» (СЗ РФ. 2003. № 25. Ст. 2564) и от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона "О референдуме Российской Федерации" в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» (СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1741).

[18] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317-327.

[19] Народный суверенитет в современном практическом конституционализме – это организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение. Его смысл – в юридической институализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах. В условиях демократической правовой государственности он означает верховенство и полновластие народа, его независимость от любой иной власти, носит правовой характер и является частью конституционного правопорядка (см.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317-385).

[20] Волей народа, совпадающего в координатах современной демократии с избирательным корпусом, легитимируется та модель организации социального порядка, которая проектируется конституцией. Народ, понимаемый как общность, образуемая всей совокупностью граждан, обладающих избирательной правосубъектостью, выступает первичным субъектом конституционных правоотношений. На этой идее, составляющей содержательную характеристику народного суверенитета, которая приобрела значение универсального конституционного принципа, основывается конституционный правопорядок. В конституционном праве он предстает не только в качестве государствообразующего субъекта и источника власти, но и особой государственно-правовой личности, обладающей как правоспособностью, так и дееспособностью. Ему принадлежат некоторые неотъемлемые права, перечень которых, нормативное содержание и формы реализации установлены конституцией. В

быть единственным источником власти и носителем суверенитета, иметь и осуществлять право на власть, свободные выборы[21], а также через народное представительство[22], выступающее в качестве атрибутивного элемента современной демократической организации власти, являющееся частью механизма государства[23].

Даная схема достаточно общая, вследствие чего она в несколько упрощенном виде отражает воззрения ее адептов на генезис избирательных прав в их авторской интерпретации. Она отражает систему, связи в которой на самом деле не столь прямолинейны. Данная оговорка особенно уместна, если рассматривать демократию как сложную саморазвивающуюся систему[24], которая усложняется под воздействием внешней среды – в ней образуются новые уровни ее организации, оказывающие обратное воздействие на ранее сформировавшиеся уровни, перестраивая их, в результате чего система обретает новую целостность, а также формируются новые параметры порядка, новые программы саморегуляции системы, обеспечивающие ее воспроизводство[25]. История европейского конституционализма дает для этого фактические основания. В то же время приведенная репрезентация генезиса избирательных прав позволяет обозначить своеобразные реперные точки, необходимые для осмысления их природы.

их числе право: на власть, свободные выборы, равноправие с другими народами и самоопределение и др. (см.: Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 546-557; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации).

[21] Эти права опосредуют первичные отношения между народом и государством, определяют их правовые состояния и неотделимы от существующего общественного и государственного строя как отражения демократического социального и правового порядка (см.: Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 546-557).

[22] См.: Садовникова Г.Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития. Дис. … докт. юрид. наук. М., 2013.

[23] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 319.

[24] Данное утверждение основывается на выводах отечественных правоведов и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, характеризующих демократию как развивающуюся систему. См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317 и др.

[25] Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М.: Отделение общественных наук РАН, Секция философии, политологии, социологии и права, 2018. С. 24.

В конституционной модели, воплощенной в практике российского конституционализма, суверенитет народа реализуется посредством институтов прямого народного волеизъявления (институтов демократии). Свободные выборы, являющиеся неотъемлемым элементом современной демократии и одной из важнейших содержательных характеристик народного суверенитета, выступают способом и формой: определения персонального состава парламента и избрания главы государства, тем самым периодической легитимации волей народа конституционного строя государства; практического воплощения принципа верховенства воли народа[26]; формирования народного представительства; передачи народом избранным им органам права на осуществление от его имени публичной власти; персонификации выборных органов, государственных и муниципальных должностей, замещаемых посредством голосования; управления народом делами государства и участия граждан в этом процессе, а также контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления; реализации конституционных избирательных прав граждан, особенности которой определяются в современном демократическом обществе политическим плюрализмом и обусловленной им конкурентностью демократии. Наряду с этим свободные выборы являются важнейшим элементом механизма взаимодействия общей воли народа и множества частных воль граждан как субъектов избирательных прав и волеобразования большинства[27].

Поиск природы избирательных прав в этом ключе с опорой на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации[28] привел исследователей[29] к следующим выводам.

---

[26] См.: Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 45.

[27] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 326; Слободчикова С.Н. Свободные выборы в новом конституционном цикле Российской Федерации // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2. С. 18-21; Она же. Свободные выборы как избирательный стандарт. М.: Юстицинформ, 2022; и др.

[28] См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 1997 года № 9-П; «По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия» // СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3145; от 25 апреля 2000 № 7-П

1. Избирательные права составляют неотъемлемый элемент демократии, точнее, плюралистической демократии[30], базирующейся на многопартийности[31], борьбе мнений, взглядов, политических пристрастий.

2. Они являются атрибутивным свойством гражданина как сочлена государства и носителя частицы учредительной власти народа, легитимирующей саму организацию государства и принципы его деятельности, а также персональное «наполнение» избираемых народом государственных институтов[32]. Они относятся к основным правам и свободам, носят всеобщий и равный характер, являются важнейшим элементом его конституционного статуса в демократическом правовом государстве.

3. Избирательные права – это права политические[33] и публично-правовые. Они занимают центральное место в конституционно-правовом механизме

«По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2000. № 19. Ст. 2002; от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622; и др.

[29] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379-385.

[30] Следует учитывать, что существуют различные модели демократии (см., например: Ishiyama J.T., Kelman T., Pechenina A. “Models of democracy” in the book by J.T. Ishiyama and M. Breuning (eds.) “Political Science of the 21st Century: a Reference guide” (2011, SAGE publications). P. 267; O'Connell, R. (2020). Law, Democracy and the European Court of Human Rights. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781139547246. P. 5-32.

[31] См.: Володина С.В. Многопартийность как основа конституционного строя России. Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

[32] См. также: Должиков А.В. Юридическая природа основных избирательных прав и проблемы их реализации // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2008. № 1. С. 13.

[33] В отечественно юридической науке предпринимались попытки обоснования вывода о естественной природе избирательных прав граждан. В качестве аргументации данной позиции использована, во-первых, связь наличия у гражданина избирательных прав с тем обстоятельством, что он является частью народа, носителем суверенитета и единственного источника власти, передающего право на ее осуществление государственным и муниципальным органам. Во-вторых, тот факт, что любые акции гражданского неповиновения, направленные против тоталитарного политического режима, пользуются поддержкой мирового сообщества (см.: Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С.

политической свободы. Как и все политические права и свободы они являются продуктом государственного правопорядка, а не производными от свойств человека, присущим ему от рождения. Избирательные права принадлежат гражданину как носителю частицы народного суверенитета, реализуемого им в форме участия в управлении делами государства либо непосредственно, либо в различных формах политического самоопределения (политические партии и иные общественные объединения) в целях удовлетворения политических интересов. В этом смысле избирательные права представляют собой права индивидуальные[34]. Они не относятся к числу так называемых абсолютных прав[35] (право на жизнь, свобода совести, право на судебную защиту своих прав и свобод и др.), которые не могут быть ограничены ни при каких условиях. Эти права могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В то же время избирательные права гражданина как первичного субъекта этих прав не могут умаляться фактом непринадлежности отдельных избирателей к общественным объединениям[36].

4. Особенность избирательных прав заключается в том, что они содержат в себе одновременно элементы субъективного права и социальной функции (так же как права занимать публичные должности, быть присяжным заседателем, состоять на военной службе и т.п.). В них соединяются два начала – индивидуальное и коллективное, личное и публичное. Это означает, что

27-28). Эта точка зрения не получила широкой поддержки в научном сообществе и не составляет в настоящее время серьезной конкуренции доктринальным воззрениям о политической природе избирательных прав.

[34] В отечественной юридической науке предпринимались попытки отнесения избирательных прав граждан к коллективным правам (см.: Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики; Волченко В.Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. Наук. Ростов – на – Дону. 2004. С. 20-21; и др.). См. подробней параграф 2 главы 1 настоящего исследования.

[35] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 г. Дело «Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии». Жалоба 9267/81. Пункт 52 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 532-540.

[36] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 384.

избирательные права, с одной стороны, представляют собой субъективные конституционные права, пределы которых четко очерчены Конституцией, а возможности законодателя в их урегулировании существенно сужены. С другой стороны, избирательные права по сути своей являются социальной функцией гражданина как сочлена государства, отправляемой им в интересах государственно-организационного общества[37]. Эта функция состоит в осуществлении власти от имени народа, воля которого составляет основу организации и функционирования публичной власти в современном демократическом, правовом государстве. Ее реализация обеспечивает устойчивое функционирование политической системы и тем самым гарантирует установленный Основным законом социальный и правовой порядок. Таки образом, личность выступает одновременно в двух ипостасях – субъекта права и ассоциированного носителя государственной власти. Такое понимание позволяет под законодательное регулирование избирательных отношений подвести принцип общего блага.

5. В природе рассматриваемых прав заложен потенциал императива, суть которого отражена в принципе большинства. Его содержание может быть выражено тезисом «решение большинства обязывает всех остальных». Этот принцип, известный с древних времен и воспринятый теорией естественного права, нашел отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который подчеркнул, что воля народа, выраженная им на свободных выборах, определяется на основе демократического большинства, наличие которого необходимо для признания легитимности выборов[38];

---

[37] Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 573. Основание для данного вывода дают правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (см.: постановления от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области “О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области” в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948; от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[38] Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал данный вывод, основываясь на положениях статей 1 (часть 1), 3 (части 1, 2 и 3), 32 (части 1 и 2) и 46 (части 1 и

6. Реализация избирательных прав требует активного участия государства и его органов, прежде всего законодателя и органов народного представительства субъектов федерации (в федеративном государстве), представительных органов местного самоуправления[39].

Некоторые исследователи, характеризуя природу избирательных прав, настаивают на их производности от *учредительной власти народа*[40]. Данный тезис В.А. Черепанов обосновывает следующим образом. «В основе конституционной модели организации общества, государства и публичной власти лежит принцип народовластия, согласно которому народ как носитель суверенитета и единственный источник власти формирует верховные органы своей власти путем выборов. По этой причине граждане, образующие народ, обладают избирательными правами, посредством которых осуществляется высшее непосредственное выражение власти народа, называемое выборами»[41].

Не будем вступать в полемику с авторитетным ученым относительно сведения им формы высшего непосредственного выражения власти народа исключительно к выборам (без упоминания референдума, который согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации провозглашен высшим непосредственным выражением власти народа, наряду со свободными выборами). Есть основание рассматривать отсутствие упоминания о референдуме как одной из конституционно установленных форм высшего непосредственного выражения

---

2) Конституции и сформулированной Судом позиции, в постановлениях от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1988. № 48. Ст. 5969; от 11 июня 2002 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда» // СЗ РФ. 2002. № 25. Ст. 2515.

[39] Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 569.

[40] См.: Черепанов В.А. Всеобщее избирательное право: за и против // Всеобщее избирательное право: за и против. Материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Выпуск 1. Отв. ред. В.А. Черепанов. Ставрополь: АГРУС ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019. С. 12-22.

[41] Там же.

власти народа не как принципиальную позицию ученого, а всего лишь как акцент, сделанный им в контексте рассуждений, представленных в использованной диссертантом работе. Отметим только, что «логика», в которой В.А. Черепанов устанавливает конституционно-правовую природу избирательных прав, является довольно распространенной как в отечественной, так и в зарубежной доктрине»[42].

Несмотря на то, что природа избирательных прав в данном случае связывается не с демократией, как это было показано выше, а с учредительной властью народа, В.А. Черепанов приходит к такому же выводу, как и ученые, позиция которых была приведена ранее, о частно-публичном характере избирательных прав: «…гражданин обладает избирательными правами не как единично обособленное физическое лицо (как это имеет место в отношении личных прав), а исключительно как составная часть единого социального организма – народа, выступающего единственным источником всей власти в стране. Поскольку посредством выборов народ как единое формирует свою власть, постольку основным целеполаганием выборов является формирование эффективной и ответственной публичной власти»[43]. Из этого, по мнению В.А. Черепанова, следует, что «осуществление избирательных прав, в первую очередь, подлежит рассмотрению как реализация публичного интереса, направленного на формирование эффективной и ответственной публичной власти, а личный интерес конкретного гражданина в принятии непосредственного участия в управлении делами государства с неизбежностью оказывается подчиненным публичному интересу и реализуется в границах, поддерживающих реализацию указанного публичного интереса»[44].

---

[42] См.: Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, 2020; Чиркин С.В., Лебедева Я.И. Стандарты избирательного права в позициях Венецианской комиссии Совета Европы и Европейского суда по правам человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 4. С. 5-19.

[43] Черепанов В.А. Указ соч. С. 12-22.

[44] Там же. См. также: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

Ряд исследователей, раскрывая природу избирательных прав, не без оснований связывают их с другим фундаментальным для конституционного правопорядка в демократическом государстве правом – *правом граждан участвовать в управлении делами государства,* как непосредственно, так и через своих представителей, закрепленного в ст. 32 Конституции Российской Федерации. Соответственно, избирательные права характеризуются как производные от него и рассматриваются в качестве формы конкретизации[45] или реализации[46] этого права[47]. Данный подход несколько упрощает, на наш взгляд, понимание природы избирательных прав, но в принципе, не ведет к возникновению неустранимых противоречий между выводами представителей этой точки зрения и утверждениями сторонников упомянутых выше воззрений на рассматриваемую проблему. К тому же он находит подтверждение в правовых

[45] См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 163.

[46] См.: Конституционное право России: учебник для вузов / Л. В. Андриченко, Р. Ч. Бондарчук, В. А. Виноградов, и др. С. 228; Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права. С. 5; Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В.В. Комаровой; Виноградов В.А., Масленникова С.В., Мазаев В.Д. Конституционное право России. С. 421. Липчанская М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование. Дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2012; Филатова А.О. Содержание и судебная защита конституционного права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 20; и др.

[47] Аргументы в поддержку такой интерпретации природы избирательных прав можно почерпнуть в нормативных правовых актах советской эпохи. Например, в статье 48 Конституции СССР 1977 г. содержалось положение о том, что граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, которое обеспечивается *возможностью избирать и быть избранными* в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства. Таким образом, право граждан избирать и право быть избранными не было поименовано как право, а сформулировано как возможность, обеспечивающая осуществления другого права.

позициях Конституционного Суда Российской Федерации[48], одновременно выступающих источником для соответствующих выводов ученых-юристов.

По мнению его адептов, право граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей основывается на конституционном принципе суверенитета народа, в соответствии с которым единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Точнее сказать, это право проистекает из народного суверенитета так же, как избирательные права согласно воззрениям сторонников интерпретации их происхождения из демократии или учредительной власти народа. Только при таком подходе избирательные права выводятся учеными не из народного суверенитета непосредственно, а через посредство более общего права – некоего промежуточного звена, передающего и распределяющего потенциал народного суверенитета более функционально специализированным с формально-юридической точки зрения субъективным правам граждан. Это не меняет принципиально представленной ранее общей картины происхождения избирательных прав, в том числе их характеристики как прав политических, также, как утверждение о том, что они проистекают из *права на свободные выборы*[49], встречающееся в зарубежной научной литературе[50].

---

[48] См., например: Определение от 2 июля 2009 года № 1036-О-О/2009 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Петрова Юрия Михайловича и Решетовой Надежды Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072009-n-1036-o-o-ob/. В нем, в частности, отмечено, что «по своей конституционной природе институт выборов представляет собой особую процедуру демократического формирования органов публичной власти и вместе с тем надлежащую форму реализации гражданами своих избирательных прав и тем самым права на участие в управлении делами государства через своих представителей (статья 32, часть 1 Конституции Российской Федерации), которая обеспечивается в том числе деятельностью избирательных комиссий – коллегиальных органов, призванных организовывать подготовку и проведение выборов и референдумов» (п. 3, абз. 1, 2).

[49] Для такой интерпретации природы избирательных прав есть свои основания, проистекающие из правовых позиций ЕСПЧ. Так, Суд в своем решении от 2 марта 1987 г. «Матье-Моэн и Клерфайт против Бельгии», жалоба 9267/81 (Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), 2 марта 1987 года) отметил, что подход Европейской Комиссии по правам человека с течением времени изменился (Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 532-540). От понятия «институционное» право на проведение свободных выборов (см. решение от 18 сентября 1961 г. о приемлемости жалобы № 1028/61,

Участие граждан в управлении своей страной, напрямую или через представителей, лежит в самой основе демократии, как бы она ни концептуализировалась[51]. Это участие обеспечивается в первую очередь «правом голоса и правом баллотироваться на выборах»[52].

Проведенный анализ обнаружил близость разных позиций правоведов относительно конституционно-правовой природы избирательных прав и наличие возможности воспринимать эту природу интегративно, так же, как и различные ее характеристики[53], с учетом всего конституционного контекста, образующего правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, конституционный механизм рациональной организации публичной власти и воспроизводства конституционного правопорядка. Эта природа обуславливает наличие сложной конституционной связи активного и пассивного избирательного права и, в то же время, в ней проявляется. Конституционная связь активного и пассивного избирательного права отражает не только природу, но и сущность этих прав, их единство и вместе с тем

дело X против Бельгии D.R. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 4. С. 338) Комиссия перешла к понятию «всеобщего избирательного права» (см., в частности, решение
от 6 октября 1967 г. о приемлемости заявления № 2728/66, дело X против Федеративной Республики Германии // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 10. С. 338), а далее, постепенно, к понятию субъективных прав участия: «права голоса» и «права выдвигать свою кандидатуру при выборах органа законодательной власти» (см., в частности, решение от 30 мая 1975 г. о приемлемости жалоб № 6745 и 6746/76, дело W, X, Y и Z против Бельгии // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 18. С. 244). При этом Суд согласился с этой концепцией.

[50] См.: Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the “Educated” Class? Journal of African Law. 2022. Vol. 66. Issue 3. P. 419 – 438. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-african-law/article/right-to-run-for-election-in-zambia-a-preserve-of-the-educated-class/8F35BAF70D0881C1A0308222368C2974.

[51] Замечание общего порядка No 25 Комитета ООН по правам человека: Ст. 25 (Участие в государственных делах и право голоса), право на участие в государственных делах, право голоса и право на равный доступ к государственной службе (принято 12 июля 1996 года), п. 1 // http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom25.html

[52] См.: Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the “Educated” Class?

[53] Об интегративном подходе к праву и государственно-правовым явлениям см., например: Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20-29; Он же. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решениях суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5-18; Черногор Н.Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления. М.: Юриспруденция, 2007; и др.

известную функциональную автономию. Выявление этой связи служит существенным условием успешного решения познавательных задач, обусловленных целью и предметом настоящего исследования, а также предпосылкой научной характеристики конституционно-правовой природы пассивного избирательного права.

Философы выделяют пять видов связи, пять значений, в которых термин «связь» употребляется в повседневном и научном мышлении: 1) объединение; 2) причинная связь; 3) связь состояний; 4) соответствие между следствиями одной причины; 5) любое соответствие между сменами состояний независимо от их природы[54]. Все эти виды связи, за исключением последнего из перечисленных, можно обнаружить в отношении активного и пассивного избирательных прав.

Так, отношение между ними, обусловленное общей природой и подкрепляемое соответствующим конституционным регулированием, имеющим эту природу в качестве источника и императива, сопринадлежит обоим этим правам, в силу чего оно (отношение) объединяет их, образует одно из многого, создает целое из части[55]. Признание связи этого вида обнаруживается в доктринальных характеристиках избирательного права в его субъективном смысле (как индивидуального права гражданина). Активное и пассивное избирательные права представляют как: 1) стороны избирательного права[56]; 2) элементы его юридического содержания[57]; 3) компоненты конституционно-правового статуса гражданина, которые на выборах могут быть реализованы

---

[54] Левин В.Г. Указ. соч. С. 36-47.

[55] В этимологическом смысле: русское слово “связь” происходит от глагола «вязать», латинское «connection», перешедшее затем во французский и английский язык, – от глагола «necto» – «соединять», немецкое “Zusammenhang” – от “zusammen hangen” – “держать вместе” (приводится по: Левин В.Г. Указ. соч. С. 36).

[56] Так, Б.С. Эбзеев указывает, что избирательное право в его субъективном смысле – как индивидуального права гражданина имеет две стороны: а) активное избирательное право, т.е. право граждан России избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления; б) пассивное избирательное право, т.е. право граждан России быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, точнее право баллотироваться в выборные органы государственной власти и местного самоуправления (см.: Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 573).

[57] См.: Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М.: Норма, 2016. С. 67.

одним и тем же лицом одновременно[58]; 4) составляющие субъективного права гражданина – избирательного права, трансформирующего правовой статус его обладателя в статус иного индивидуального субъекта права (например, избирателя, кандидата)[59]; 5) формы, в которых может быть реализовано субъективное избирательное право[60].

Оригинальную позицию по этому вопросу занимает У.Ф. Хасанов. По его мнению, право избираться в органы публичной власти не входит в содержание избирательного права, оно представляет собой элемент совершенного другого права – права на доступ к публичной должности[61]. С этой точки зрения следует устанавливать конституционную связь не активного избирательного права с пассивным, а пассивного избирательного права с элементами права на доступ к публичной должности, которое, как представляется, имеет иную по сравнению с избирательным правом правовую природу. Ее характеристика, как и анализ отношения прав, на связанность которых как целого и части указал У.Ф. Хасанов, выходят за границы предмета, цели и задач настоящего исследования. В связи с этим ограничимся констатацией своей неготовности поддержать приведенную точку зрения и выражением солидарности с правоведами, подвергшими ее конструктивной критике[62]. Заметим лишь, что Конституционный Суд Российской

---

[58] В данном случае имеется в виду, что один и тот же гражданин на выборах может одновременно реализовать свое право избирать и быть избранным при наличии законодательно установленных оснований. (см.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие / М.С. Савченко, Т.Ю. Дьякова [и др.]; под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 7).

[59] См.: Князев С.Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации: проблемы теории и практики. Дис. … докт. юрид. наук. Владивосток, 1999. С. 242.

[60] См.: Авакьян С.А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. С. 60; Махашев Р.Ю. Указ. соч. С. 22; Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: «Деловой двор», 2014. Термин «форма» авторами напрямую не используется, но из контекста можно сделать вывод, что речь идет именно о форме реализации избирательного права.

[61] Хасанов У.Ф. Реализация международных избирательных стандартов в законодательстве субъекта Российской Федерации. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 15.

[62] См.: Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. С. 67.

Федерации указывал на неразрывную связь права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (которое, по смыслу статей 2 и 32 Конституции Российской Федерации не сводится к участию гражданина в выборах) с правом занимать публичную должность и тем самым осуществлять политическую власть[63]. Однако Суд не давал повода для отрицания взаимосвязанности активного и пассивного избирательного права.

Для интерпретации конституционной связи активного и пассивного избирательного права как объединения в целое есть нормативные основания (ст. 32 Конституции Российской Федерации). Данный подход демонстрирует в своих правовых позициях Конституционный Суд Российской Федерации[64]. Он также проявляется в практике Европейского Суда по правам человека и зарубежной научной литературе. Так, Клерк Фири настаивает на том, что «право на свободные выборы подразумевает два индивидуальных права: право голоса и право выставлять свою кандидатуру или баллотироваться на выборах[65], иначе именуемое правом на выдвижение политической кандидатуры[66]. Эти два избирательных права олицетворяют неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность прав человека, как это закреплено в Венской декларации и Программе действий 1993 г.[67]. В частности, право баллотироваться на выборах переплетается с правом голоса, «поскольку ограничения на выдвижение

---

[63] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[64] См.: Правовые позиции Конституционного Суда Российский Федерации по отдельным вопросам. Вопросы обжалования результатов выборов (информационно-тематическое собрание правовых позиций, подготовленное Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации). URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-voprosy-obzhalovaniia-rezultatov-vyborov/ (дата обращения: 05.04.2025) и др.

[65] Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 г. Дело «Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии». Жалоба 9267/81. Пункты 48–51; Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 марта 2006 г. Дело «Жданок против Латвии». Жалоба 58278/00. Пункт 102 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 10.

[66] Le Clercq “The emerging federally secured right”: Lubin v Panish 415 US 709 at 716 (1974). Indiana Law Review. 1975. Vol. 8. №. 4. С. 607-653; Jones A. Arguments in favor of political candidacy as a fundamental human right. Human Rights Law Review. 2016. Vol. 16. Issue 1. P. 29-54.

[67] Венская декларация и Программа действий (приняты 25 июня 1993 года), раздел I, пункт 5.

кандидатуры оказывают очевидное влияние на право голосовать за кандидатов по своему выбору»[68]. Таким образом, эти два права обычно следует рассматривать вместе… аксиомой является то, что без кандидатов не может быть выборов, а тем более свободных и честных выборов»[69].

В рассматриваемом отношении активного и пассивного избирательного права правоведы не фиксируют фактор времени и(или) последовательности установления связи. Это нетрудно заметить в приведенных тезисах, отражающих позиции ученых относительно связи указанных прав. Логика соединения частей в целое предполагает сначала материализацию прав гражданина избирать и быть избранным путем учреждения в Основном законе или иным образом и лишь затем объединение их в одно избирательное право, имеющее сложную юридическую конструкцию. Применение позитивистских воззрений при анализе текста ст. 32 Конституции Российской Федерации ведет именно к такому выводу, который, в принципе, не встречает возражений за тем лишь исключением, что итоговое соединение выглядит искусственной теоретической моделью. В практике избирательных правоотношений граждане, избирательные комиссии, суды и другие участники избирательного процесса сталкиваются с конкретным активным или пассивным избирательным правом и заключенными в нем правомочиями, а не с абстрактным субъективным избирательным правом. Философско-правовые изыскания фокусируют внимание познающего субъекта на природе избирательного права как целого, создающего возможность для конституирования его частей – права гражданина избирать и его права быть избранным. Интегративный подход к этой связи, о предпочтительности которого было заявлено выше при характеристике избирательных прав, ориентирует на признание прямой и обратной последовательности в формировании данного вида связи. Этот вывод имеет практическую ценность по той причине, что

---

[68] Le Clercq F. «The emerging federally secured right». См.: Lubin v Panish 415 US 709 at 716 (1974) (и др.). Indiana Law Review. 1975. Vol. 8. №. 4. P. 607-653.

[69] См.: Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the “Educated” Class? // Journal of Afrikan Low. 2022. Vol. 66. No. 3. P. 419 – 438.

последовательность от части к целому имеет прикладное значение для целей реализации гражданином конкретных правомочий, заключенных в активном и пассивном избирательном праве. Соответствующая интерпретация данной связи ориентирована в большей степени на граждан и коллективных субъектов избирательных правоотношений, таких как, например, политические партии. Обратная последовательность более применима в деятельности конституционного законодателя, творцов законов, конкретизирующих конституционные установления, а также субъектов конституционного нормоконтроля, в задачи которых входят адекватное отражение природы и сущности избирательного права в юридических нормах, обеспечение единства принципов его нормирования, выявление и развитие заключенных в этом праве смыслов. Примером отражения обратной последовательности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации служит его постановление от 15 января 2002 г. № 1-П[70].

Важным обстоятельством, проистекающим из соответствующей связанности активного и пассивного избирательного права, является ограничение свободы[71] этих прав в рамках целого. Люди в социуме, в котором действуют

---

[70] В нем Суд подчеркнул, что «подлинно свободные демократические выборы, осуществляемые на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, предопределяют, в частности, право любых лиц, отвечающих установленным избирательным законодательством условиям и выполнивших предусмотренные им требования, участвовать в выборах в качестве кандидатов и право других лиц свободно выражать свое отношение к ним, голосуя “за” или “против”» (Постановление Конституционного Суда от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626).

[71] В философии обоснована идея о том, что понятие свободы применимо к явлениям неживой природы. По мнению философов, свобода объектов неживой природы – такой же «предок» человеческой свободы, как и отражение, присущее уже неживой природе, – предок человеческого сознания. Именно отсюда следует вести родословную человеческой свободы (см.: Левин В.Г. Указ. соч. С. 36). Данная идея может быть экстраполирована на конституционно-правовую материю, элементы конституционного механизма воспроизводства демократии, конституционного правопорядка, в том числе избирательные права. Аргументы можно почерпнуть в приведенных выше и других правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Интерпретация связи субъективных конституционных прав, в том числе избирательных прав, с использованием категории свободы, имеющей в конституционном праве вполне определенное значение, с точки зрения юриста, особенно специализирующегося

нормативные регуляторы, с одной стороны, имеют гарантированную свободу, с другой стороны ограничены в ней. Это утверждение наглядно иллюстрирует положение ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации. Избирательные права в рамках анализируемой связи тоже не свободны. Она лишает их свободы в системе конституционных прав человека и гражданина, конституционном правопорядке, конституционно-правовом регулировании, что обнаруживается в том числе при толковании избирательных прав в процессе конституционного нормоконтроля.

Предположение о существовании причинной связи, как разновидности отношения активного избирательного права с пассивным избирательным правом, в первом приближении вызывает сомнения. Во-первых, этот вид связи характерен для отношения между объектами разного рода (нумерически различными). Избирательные права, напротив, имеют общую родовую и видовую природу. Такая связь скорее характерна для отношения избирательных прав с источником своего происхождения (в зависимости от его интерпретации) – демократией, народным суверенитетом, учредительной властью народа, правом граждан на участие в управлении делами государства. Во-вторых, в причинной связи две стороны: воздействующая, которую называют причиной, и испытывающая воздействие, именуемая следствием. Причина порождает следствие тем, что становится следствием[72]. Но одно из этих прав ни при каких обстоятельствах не становится другим. Каждое их них сохраняет свое нормативное содержание и функциональное значение в конституционном правопорядке и регулировании избирательных правоотношений.

на конституционном праве, выглядит несколько необычно. В то же время данная идея позволяет усилить акцент на системности и системных связях упомянутых явлений конституционно-правовой действительности в процессе их нормирования, реализации, ограничения и защиты, подкрепить методологию поиска смыслов конституционных установлений в правоинтерпретационной деятельности.

[72] Левин В.Г. Указ. соч. С. 40.

В-третьих, причина предшествует следствию во времени. Данная закономерность повторяется в сходных случаях[73]. В отношении рассматриваемых прав данное утверждение сложно проиллюстрировать и тем более обосновать в контексте генезиса, конституирования избирательных прав в конституционном правопорядке.

В то же время, опираясь на идеи философов, можно прийти к противоположному выводу. Условием причинной связи между двумя объектами является их подобие в платоновском смысле, то есть сходство в родовых признаках. Причем чем ближе эти признаки к видовым, в которых они различаются, тем богаче и содержательнее причинная связь между ними[74]. В случае с отношением между активным и пассивным избирательным правом данное условие имеет место, что открывает путь к поиску проявления причинно-следственной зависимости.

Мысль о том, что причина порождает следствие тем, что становится следствием, Гегель иллюстрирует следующим образом: «дождь – причина и мокрота – действие суть одна и та же существующая вода». Мокрота – это «другое» дождя, следствие – это «другое» причины[75]. Активное и пассивное избирательное право – суть избирательное право. Связи между ними – искусственно созданные людьми в процессе развития идей конституционализма и конституционного строительства. Причина и следствие в этом контексте таковы, «что идея одного из них определяет ум к образованию идеи другого»[76]. Возможность избирать и, соответственно, осуществления активного избирательного права появляется у гражданина вследствие существования возможности у него самого или других сограждан быть избранными в органы

---

[73] См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения. 2-е, доп. и исправл., изд.Т.1. М.: «Мысль», 1996. С. 222-223.

[74] См.: Платон. Софист 240 а. См.: Платон**.** Софист [диалог] / перевод, интерпретация, комментарии и приложения И.А. Протопоповой. Санкт-Петербург: Платоновское философское общество, 2019; Левин В.Г. Указ. соч. С. 41.

[75] Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. // Гегель Г. Сочинения / под. ред. А. Деворина и Д. Рязанова Т.1. М-Л., 1929. С. 156 и др.

[76] См.: Юм Д. Указ. соч. С. 222-223.

публичной власти. И наоборот – для того, чтобы иметь реальную, легальную возможность баллотироваться в качестве кандидата на выборах, получить депутатский мандат на осуществление от имени народа принадлежащей ему власти, необходимо появление (наличие) в конституционном механизме легитимации публичной власти права быть избранным. В связи с этим активное и пассивное избирательное право в их отношении друг к другу можно рассматривать как материальную, формальную и действующую причины[77].

Таким образом, причинно-следственная связь в характеризуемом отношении все же просматривается. Только она не односторонняя, а обоюдонаправленная, т.е. мы имеем дело не с односторонней причинной связью двух объектов, а с их взаимодействием, в чем усматривается одни из признаков причинно-следственной связи, названных Юмом смежность причины и следствия в пространстве и ее повторяемость в сходных случаях[78]. Активное и пассивное избирательное право выступают по отношению друг к другу и причиной, и следствием. Причина и следствие в данном случае одновременны. Время существования причины и время существования следствия перекрещиваются.

Дополнительным аргументом, поддерживающим этот вывод, может служить тот факт, что устранение одного из этих прав влечет исчезновение или как минимум растворение возможности осуществления другого, подобно тому, как устранение причины влечет исчезновение следствия. Наконец, нарушение активного избирательного права влечет нарушение пассивного избирательного права. Указание на данную закономерность, установленную Конституционным Судом Российской Федерации[79], как представляется, подкрепляет доводы в

---

[77] О содержательной характеристике этих причин в идеях Гегеля, Платона, Юма см.: Левин В.Г. Указ. соч. С. 36-47.

[78] Юм Д. Указ. соч. С. 222-223.

[79] В приведенном ранее постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П Суд подчеркнул, что незаконное лишение гражданина возможности участвовать в выборах в качестве кандидата приводит к искажению характера выборов как свободных не только для кандидатов, но и для избирателей, свобода волеизъявления которых может ограничиваться самим фактом лишения права голосовать за любого из законно выдвинутых кандидатов. См., также: Таева Н.Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению

пользу существования конституционной причинно-следственной связи между активным и пассивным избирательным правом. В свете изложенного причину и следствие можно рассматривать как два вида состояний, а зависимость активного и пассивного избирательного права в их отношении – как смену состояний, еще один вид их конституционной связи.

Признание факта существования этих видов связи (причинно-следственной и смены состояний), так же как и связи-объединения, имеет практическое значение, в том числе для достижения цели совершенствования конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений, юридической конструкции избирательного права, а также для отправления конституционного правосудия.

Следующий вид конституционной связи активного и пассивного избирательного права можно идентифицировать как связь между следствиями одной причины, главным признаком которой считается корреляция между состоянием разных объектов. Конституционное оформление демократического политического режима, означающего признание и практическое воплощение в конституционном правопорядке идеи народного суверенитета, права народа на свободные выборы, соответствующей политической правосубъектности граждан, включающей право участвовать в управлении государством непосредственно, а также через своих представителей и др., служит причиной, различными следствиями которой являются активное и пассивное избирательное право. Каждое из них имеет свое юридическое содержание и функциональное предназначение, организационно-правовой механизм осуществления. Но они происходят от одной причины, являются разными, но взаимосвязанными ее следствиями. Эта монопричинность обуславливает связанность, взаимодополняемость и взаимообеспеченность избирательных прав (активного и пассивного).

свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9. С. 1080-1088.

В философской мысли существует мнение, что корреляция – есть общий стержень, пронизывающий и причинную связь, и связь состояний, и связь следствий одной причины[80]. Проведенный анализ конституционной связи активного и пассивного избирательного права показал состоятельность данного умозаключения. Вместе с тем, он послужил основанием для выделения еще одного вида конституционной связи между активным и пассивным избирательным правом, который может быть поименован как соответствие между следствием разных причин. Как было отмечено, каждое из упомянутых прав имеет свое юридическое содержание и функциональное предназначение, организационно-правовой механизм осуществления. Их реализация относительно раздельная (организационно, процедурно, технически и технологически[81]), локализованная во времени и в пространстве – в ходе организации и проведения свободных выборов (избирательного процесса), ведет к общему результату (следствию) – формированию легитимных органов публичной власти, воспроизводству демократического механизма их образования и деятельности по осуществлению этой власти на основании делегированного народом права.

Принимая во внимание тот факт, что активное и пассивное избирательное право являются элементами данного механизма, можно констатировать связанность этих прав по причине общей цели их установления, а также включенности в соответствующий механизм и их интеграции в него в логике «конструктивного решения», составляющего его основу. Однако это не дает оснований для выделения других видов конституционной связи активного и пассивного избирательного права дополнительно к тем, которые были охарактеризованы выше. Существующие в упомянутом механизме связи демонстрируют присущие им черты и могут быть «квалифицированы», соответственно, как связь-объединение, причинно-следственная связь, связь состояний и др.

---

[80] См.: Левин В.Г. Указ. соч. С. 37.

[81] См.: Маркина Л.Л. Технологическая платформа правопорядка в сфере выборов (на примере Российской Федерации) // Образование и право. 2024. № 10. С. 100–107.

На основании осмысления поставленных в настоящем параграфе вопросов, приведенных доводов и «иллюстраций» можно заключить, что конституционная природа активного и пассивного избирательного права интегративна. В ней проецируется весь конституционный контекст, образующий правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, а также современного конституционного правопорядка[82].

Активное и пассивное избирательное право, будучи субъективным конституционным правом, осуществляемым личной волей и иждивением его обладателя, одновременно являет в себе качество тяготы, возлагаемой Конституцией Российской Федерации на гражданина. Реализуя активное избирательное право или выступая в качестве кандидата в депутаты или на иную выборную должность, гражданин служит обществу. Именно по этой причине в активном и пассивном избирательном праве синтезируются личный интерес и общее благо, поиск баланса между которыми возлагается на законодателя и правоприменителя, прежде всего суды, т.к. именно из этого баланса проистекает определение пределов активного и пассивного избирательного права и возможные ограничения пассивного избирательного права в соответствии со ст. 55 Конституции Российской Федерации. Данные выводы проистекают из положений ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации в ее взаимосвязи с конституционными принципами демократического государства, народного суверенитета и свободных выборов и референдума, а также ч. 1 ст. 32 Конституции о праве граждан на участие в управлении делами государства.

Конституционно-правовая природа активного и пассивного избирательного права интегративна, что обусловливает существование между ними сложной конституционной связи. Сложность этой связи состоит в одновременном существовании и взаимном наложении различных видов связей, в числе которых: 1) связь-объединение; 2) причинная связь; 3) связь состояний; 4) соответствие между следствиями одной причины; 5) соответствие между следствием разных

[82] См. Маркина Л.Л. Конституционно-правовая природа активного и пассивного избирательного права и ее интерпретация в современной юридической доктрине. С. 21-22.

причин. Доктринальное определение, дифференциация и интерпретация перечисленных видов конституционной связи активного и пассивного избирательного права имеет практическое значение для достижения целей конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений, конституционного нормоконтроля. Соответствующее научное знание может быть продуктивно использовано для выявления и развития заключенных в избирательном праве смыслов и эффективного совершенствования юридических конструкций как активного, так и пассивного избирательного права[83].

1.2. Нормативное содержание пассивного избирательного права

На основании исследовательских результатов, представленных в предыдущем параграфе, можно заключить, что пассивное избирательное право имеет демократическую природу[84], произрастает из конституционного контекста, образующего правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, а также конституционного механизма рациональной организации публичной власти и воспроизводства конституционного правопорядка. Оно опосредует первичные отношения между народом и государством, является одним из юридических средств, определяющих их правовые состояния, неотделимо от существующего общественного и государственного строя. В этом смысле пассивное избирательное право составляет неотъемлемый элемент демократии, является атрибутивным свойством гражданина как сочлена государства и носителя частицы учредительной власти народа, важнейшим элементом его конституционного статуса в демократическом

---

[83] См.: Маркина Л.Л. Активное и пассивное избирательное право: взаимосвязь и конституционное регулирование. С. 33–42.

[84] Право баллотироваться на выборах «неотъемлемо присуще концепции подлинно демократического режима» (Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2002 г. «Подколзина против Латвии». Жалоба 46726/99. Пункт 35. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2002. № 4. См. также: Джонс А. «Аргументы в пользу политической кандидатуры как основного права человека» (2016) 16/1 Human Rights Law Review 29 CrossRef Google Scholar at 29).

правовом государстве; в конституционном понимании представляет собой право основное, всеобщее и равное, политическое, публично-правовое, индивидуальное, относительное.

Характеристика пассивного избирательного права как права индивидуального дискутировалась в отечественной науке. Известны попытки идентифицировать его в качестве коллективного права. Анализ точек зрения сторонников такой характеристики пассивного избирательного права позволяет выделить в них две конкурирующие ключевые идеи. Одна из них состоит в определении пассивного избирательного права (права быть избранным в органы публичной власти) как права коллективного по причине невозможности его осуществления гражданином самостоятельно, вне реализации другими гражданами принадлежащего им активного избирательного права – т.е. без участия других субъектов (в отличие от индивидуальных прав, реализуемых личностью самостоятельно)[85]. Вторая заключается в разделении пассивного избирательного права граждан Российской Федерации на: 1) индивидуальное и 2) коллективное. Такое деление обосновывается в похожей с ранее приведенной позицией логике посредством апеллирования к положениям Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[86] (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ), согласно которым гражданин может реализовать свое право избираться (быть избранным) индивидуально, как кандидат – лицо, выдвинутое в установленном законом порядке в качестве претендента на замещаемую посредством прямых выборов должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или местного самоуправления, а также коллективно – в составе списка кандидатов, выдвинутых политической партией, избирательным блоком на выборах в законодательный (представительный) орган

[85] См.: Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: Проблемы теории и практики. С. 14, 26-27; Кузнецова О.В. Понятие и сущность пассивного избирательного права // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. С. 84; Силкина М.М. Конституционное право граждан России быть избранными в органы местного самоуправления. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11–12.

[86] СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

государственной власти или представительный орган местного самоуправления[87]. Общей чертой для обоих идей, на наш взгляд, является смешение (подмена) в формируемой их авторами рациональной картине пассивного избирательного права собственно рассматриваемого субъективного права и его конституционной природы, с одной стороны, и способов, а также форм его осуществления (индивидуально или коллективно), с другой стороны.

Конституционный Суд Российской Федерации однозначно указал, что право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право) по своей правовой природе является индивидуальным, а не коллективным правом[88]. Тем самым Суд, если не положил конец научной дискуссии по данному вопросу, то, во всяком случае, недвусмысленно официально выразил правовую позицию относительно понимания конституционной природы пассивного избирательного права, имеющую императивное значение как для федерального законодателя, так и для всех правоприменителей, препятствующую принятию юридически значимых решений в российском правопорядке на основе других интерпретаций природы данного правового явления. Это обстоятельство несомненно усиливает аргументацию отечественных правоведов, разделяющих и поддерживающих позицию Суда, к которым причисляет себя и автор настоящего исследования.

Некоторые юристы не без оснований характеризуют пассивное избирательное право еще и как комплексное (сложносоставное[89]) право[90]. Данный

---

[87] См.: Волченко В.Н. Указ. соч. С. 20–21. Представляется, что для такого деления пассивного избирательного права в его субъективном смысле нет никаких оснований. Приведенная точка зрения В.Н. Волченко базируется на смешении (подмене) собственно субъективного права и способов его осуществления (индивидуально или коллективно).

[88] См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 1997 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия»; от 25 апреля 2000 года № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”»).

[89] См.: Филатова А.О. Указ. соч. С. 23.

[90] См.: Лучин В.О. Избирательное право России / В.О. Лучин, В.Н. Белоновский, Т.М. Пряхина и др. / под ред. В.О. Лучина. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 200-218; Кузнецова О.В. Понятие и сущность пассивного избирательного права

тезис, на наш взгляд, не встречает возражений. Однако его следует сопроводить указанием на то, что, с точки зрения автора настоящей работы, комплексность пассивного избирательного права отражает не столько его природу, сколько юридическое содержание, а также его эволюцию.

Пассивное избирательное право содержит в себе одновременно элементы субъективного права и социальной функции. В нем соединяются два начала – индивидуальное и коллективное, личное и публичное. Соответственно, данное конституционно-правовое явление, с одной стороны, представляет собой субъективное конституционное право – возможность выдвигаться в установленном законом порядке для избрания депутатом, членом представительного (законодательного) органа государственной власти, органа местного самоуправления или выборным должностным лицом публичной власти и возможность быть избранным в соответствии с адекватно выявленным результатом непосредственного волеизъявления народа (населения) в лице необходимого большинства соответствующего избирательного корпуса[91]. С другой стороны, по сути своей является социальной функцией гражданина, состоящей в осуществлении власти от имени народа и отправляемой им в интересах государственно-организационного общества[92]. Ее реализация обеспечивает устойчивое функционирование политической системы и тем самым гарантирует установленный Основным законом социальный и правовой порядок.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации относительно конституционной природы избирательных прав[93],

---

в Российской Федерации // Вестник Поволжского института Управления. 2007. № 12. С.81-87; Филатова А.О. Указ. соч. С. 32.

[91] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 298. См. также: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 года № 1-П; Макарьев А.А. Социальное и индивидуальное в электоральной демократии: доктрина Конституционного Суда Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 1. С. 62-80.

[92] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года № 20-П.

[93] Там же.

пассивное избирательное право характеризуется еще и как всеобщее, равное, публично-правовое, что в современной доктрине не оспаривается[94].

Рассматриваемое право существует в сложной конституционной связи с активным избирательным правом и, вместе с тем, сохраняет определенную автономию. Степень этой автономии не следует преувеличивать[95], полноценная реализация активного и пассивного избирательного права возможна только в их тандеме[96]. И все же пассивное избирательное право имеет свое собственное нормативное содержание[97], функциональное предназначение, обеспечено организационно-правовым механизмом осуществления, а составляющие его правомочия реализуются гражданами относительно автономно (организационно, процедурно, технически и технологически) от использования активного избирательного права. К тому же по сравнению с активным избирательным правом оно имеет более дробное содержание[98], для этого права установлен более сложный правовой режим, в том числе предусматривающий широкий перечень ограничений[99] (при том что оно имеет общие с активным избирательными правом пределы[100]).

---

[94] Хотя определенные оговорки относительно всеобщности избирательного права вообще и пассивного избирательного права в частности присутствуют в публикациях, посвященных данной теме (см., например: Senada Zatagić. A Neglected Right. Prospects for the Protection of the Right to be Elected in Bosnia and Herzegovina. P. 29-54; Евдокимов С.В. Юридическая конструкция принципа всеобщего избирательного права и практика его реализации // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 230-237).

[95] Некоторые правоведы, на наш взгляд, излишне категорично утверждают, что пассивное избирательное право является самостоятельным конституционным избирательным правом граждан Российской Федерации (см.: Филатова А.О. Указ. соч. С. 20, 22).

[96] Избрание кандидата возможно тогда, когда за него проголосовало не менее установленного в законе числа избирателей.

[97] На содержательные различия активного и пассивного избирательного права указывают авторы Комментария к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 297. Аргументы, поддерживающие данную позицию, содержатся в определениях Верховного Суда Российской Федерации: от 4 марта 2004 г. № 45-Г04-11; от 4 марта 2004 г. № 45-Г04-12; от 23 октября 2003 г. № 56-Г03-21.

[98] См. подробней: Авакьян С.А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015.

[99] См.: Вешняков А.А. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов / Большаков С.В., Веденеев Ю.А., Вешняков А.А., Волкова О.Н., и др.; Отв. ред.: Вешняков А.А.; Науч. ред.: Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. М.: Норма, 2003. С.

Заметим, что при формулировании избирательного права в нормативных правовых актах, имеющих силу закона, пассивное избирательное право выделялось не всегда. Например, законодательство о выборах Российской империи периода 1905–1917 гг. не знало терминов «активное» и «пассивное» избирательное право. Использовалось словосочетание «право участия в выборах»[101], что, по мнению Р.Т. Биктагирова, означало совпадение активного (право избирать) и пассивного (право быть избранным) избирательного права[102]. Такое регулирование отражало подход законодателя к конституированию избирательных прав в государственно-правовой практике, выраженный в соответствующем юридико-техническом «клише», хотя понятия активного и пассивного избирательного права, понимаемых как «право выбирать и право быть выбираемым», были известны общественно-политической мысли и юридической доктрине[103].

Конституции и законодательство советского государства (РСФСР, СССР) уже содержали формулировки, в которых право избирать и право быть избранным

27-28. См. также: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г № 20-П.

[100] Для адекватного определения нормативного содержания активного и пассивного избирательного права граждан важное значение имеет разграничение пределов упомянутых прав и их ограничений. Пределы, именуемые также границами конституционного права на участие в выборах в качестве избирателя или кандидата, присущи этому праву имманентно. Они вытекают из самой сущности субъективного избирательного права и четко очерчены Конституцией, устанавливающей всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании. Исключение возможности участвовать в выборах для определенных категорий граждан посредством установленного в Конституции Российской Федерации соответствующего запрета, например, в отношении граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда (часть 3 ст. 32) называют отдельным случаем ограничения конституционного права (См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385).

[101] См.: Биктагиров Р.Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов Царской Думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3(29). С. 17.

[102] Там же.

[103] См., например: Водовозов В.В. Всеобщее избирательное право и применение его в России // Правовое государство и всенародное голосование (К реформе государственного строя России). Вып. II. Спб., 1906. С. 91–142. Цит. по: Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков / Авторы и составители: И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко / Под общ. науч. ред. Ю.А. Веденеева и И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2009. С. 507.

непосредственно упоминалось (правда не всегда как право, в некоторых случаях – как возможность[104]), как стороны или элементы некоего целого. Данная конституционная терминология утвердилась и в Конституции Российской Федерации[105], а также в законодательстве современной России – граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации). Как известно, Федеральный закон № 67-ФЗ (п. 27 ст. 2) содержит самостоятельные дефиниции активного и пассивного избирательного права. В частности, пассивное избирательное право определяется как право граждан Российской Федерации быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Приведенная выше лаконичная формулировка пассивного избирательного права имеет универсальное значение, является в своем роде «классической» в мировой конституционной культуре и практике как конституционного регулирования избирательных правоотношений, так и установления международных стандартов демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан. Например, право гражданина быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей, наряду с его правом голосовать, провозглашено в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Аналогичные положения содержатся в Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г. (ч. 2 ст. 1; п. «а» и «б» ст. 2) и других международных актах универсального и

---

[104] См.: ст. 48 Конституции СССР от 7 октября 1977 г.

[105] Такое разграничение давно принято в науке конституционного права. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Спарк, 2004. С. 163.

регионального значения. Таким образом, для выявления самостоятельного содержания пассивного избирательного права, которое официально именуется и определяется как право быть избранным, наряду с доктринальными предпосылками, имеются и формально-юридические основания.

Следует обратить внимание на тот факт, что в научной литературе формулировка «право быть избранным» подвергается критике. Многие правоведы, считают ее недостаточно точно отражающей сущность и нормативное содержание поименованного таким образом субъективного права[106]. Аргументация данного вывода включает следующие доводы:

1) в конституционной формулировке пассивного избирательного права как права быть избранным усматривается определенная заданность – автоматическая избираемость для всех граждан, желающих стать членами органов публичной власти, формируемых путем выборов. В то же время конституционный механизм образования этих органов, как и воспроизводства демократического политического режима в правовом государстве, не предусматривает такой заданности. Результат осуществления рассматриваемого права может быть как положительным (избрание), так и отрицательным (не избрание) для кандидата. Осуществление пассивного избирательного права зависит не столько от воли самого гражданина, сколько от воли субъектов активного избирательного права. Как было отмечено, избрание кандидата возможно тогда, когда за него проголосовало не менее установленного в законе числа избирателей[107];

2) праву гражданина быть избранным должна корреспондировать обязанность избирателей избрать данное лицо[108]. Такой обязанности ни в Конституции, ни в законодательстве не установлено. Наличие обязанности

---

[106] См., например: См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд. М.: Норма, 2005. С. 189; Волченко В.Н. Указ. соч. С. 19–20; Смирнова М.А. О пределах ограничений пассивного избирательного права. URL: https://clck.ru/NM8dS; Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 47.

[107] См. Волченко В.Н. Указ. соч. С. 19.

[108] См.: Маклаков В.В., Страшун Б.А. Конституционно-правовой статус человека и гражданина / Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть / Отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд. М.: Норма, 2005. С. 189.

избрать какое-то конкретное лицо просто в силу факта наличия у него права быть избранным противоречило бы самой природе демократического государства[109];

3) конституционная формула и законодательная дефиниция пассивного избирательного права граждан Российской Федерации не отражает в полной мере содержания права быть избранным, для реализации которого законодателем предусмотрен ряд активных избирательных действий кандидата[110].

В русле таких рассуждений исследователи заключают, что формулировка пассивного избирательного права должна быть иной, например, «право избираться»[111], «право быть избираемым членом представительных собраний»[112], право баллотироваться на выборах»[113], «право на выдвижение политической кандидатуры»[114].

Дополнительные аргументы в поддержку состоятельности рассматриваемого утверждения можно привести посредством рассмотрения нормативного содержания пассивного избирательного права в контексте его закрепления в международных правовых актах и современном избирательном законодательстве.

---

[109] Филатова А.О. Указ. соч. С. 21.

[110] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 47.

[111] См., например: Волченко В.Н. Указ. соч. С.11; Смирнова М.А. О пределах ограничений пассивного избирательного права. URL: https://clck.ru/NM8dS; Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 47. Представители британской юридической доктрины вкладывают в понятие пассивного избирательного права возможность (право) баллотироваться на выборах в качестве кандидата (См.: Caroline Morris. Parliamentary Elections, Representation and the Law. Hart Publishing, 2012. P. 43).

[112] См.: Чижков С.Л. Русская правовая и политическая мысль: Антология / Ред.-сост. С.Л. Чижков. М.: Летний сад, 2013. С. 702.

[113] Этот термин употребляется в документах международных экспертно-консультативных органов (см.: Руководящие принципы правового регулирования деятельности политических партий, принятые на 84-м пленарном заседании в Венеции 15–16 октября 2010 г. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)024-rus (дата обращения: 06.05.2025) и актах ЕСПЧ (см.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 г. Дело «Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии». Жалоба 9267/81. Пункты 48–51; Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 марта 2006 г. Дело «Жданок против Латвии». Жалоба 58278/00. Пункт 102).

[114] Клерк Ф.С. Ле «Возникающее право на участие в политической жизни, гарантированное на федеральном уровне» (1975) 8/4 Закон Индианы Rev 607Google Scholar at 625; Джонс А. «Аргументы в пользу политической кандидатуры как основного права человека» (2016) 16/1 Human Rights Law Review 29 CrossRefGoogle Scholar at 29.

Пассивное избирательное право юридически оформлено, структурно организовано, содержательно. Состояние оформленности, структурной организованности и содержательности не статично. Его динамика, с одной стороны, отражается в позитивном праве, с другой стороны, детерминирована им. Наблюдаемость этих взаимосвязанных процессов позволяет отслеживать и анализировать эволюцию нормативного содержания пассивного избирательного права.

Это содержание можно представить казуистически – посредством цитирования существующих юридических норм, а также абстрактно – путем обобщения многообразного правового материала, имеющегося в различных национальных юрисдикциях. Первый вариант предусматривает сбор фактологического материала на основе страноведческого подхода и ведет к описательности научных результатов. Второй нацеливает на обобщение многочисленных фактов и эмпирических данных, выявление общего, особенного и единичного в национальных практиках конституирования пассивного избирательного права, выражение и характеристику его нормативного содержания посредством устойчивых теоретических абстракций. Последний из названых вариантов наиболее популярен среди исследователей – практически все специалисты по данной теме формируют абстрактные схемы нормативного содержания пассивного избирательного права (основанные на эмпирических исследованиях отечественного, а также зарубежного конституционного и избирательного законодательства) и ими же оперируют. Резоны такого выбора очевидны. Соответствующая исследовательская стратегия позволяет выявить главное, всеобщее в нормативном содержании пассивного избирательного права, отделить его от частного и второстепенного, фиксировать, моделировать и прогнозировать эволюцию содержания рассматриваемого права.

При определении содержания пассивного избирательного права посредством построения абстракции в доктрине используются разные способы.

Первый состоит в экстраполяции общетеоретических положений о содержании и (или) структуре субъективного права на пассивное избирательное

право. Искомое содержание раскрывается через выделение и систематизацию образующих это право правомочий. Согласно распространенной в теории права точке зрения субъективное право включает: правомочие на собственные действия; правомочие на чужие действия (правомочие требовать определенных действий от других лиц – примечание мое – Л.М.), необходимые в тех случаях, когда субъективное право лица может быть осуществлено только при совершении определенных действий обязанным лицом; правомочия в виде притязания, т.е. возможности обращения к компетентным государственным органам с целью обеспечения принудительного исполнения определенной обязанности (это продолжение правомочия на чужие действия в случае несовершения обязанным лицом определенных действий)[115]. Известны также двух-[116] и четырехзвенные[117] теоретические схемы состава субъективного права, но они подвергаются справедливой, на наш взгляд, критике[118] и реже используются представителями отраслевых юридических наук при решении исследовательских задач.

Например, В.О. Лучин характеризует пассивное избирательное право как совокупность правомочий на собственные действия и правомочий требовать от другого лица исполнения обязанностей[119]. Данная точка зрения созвучна позициям ученых, которые в субъективном праве выделяли две возможности:

---

[115] Теория государства и права: Учебник для академического бакалавриата / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд. испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 344. См. также: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. С. 225; Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 3. С. 49; и др.

[116] См., например: Иоффе О.С., Шаргородский М.А. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 223; Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133; и др.

[117] См., например: Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. С. 342; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 84; Малько А.В. Теория государства и права: Краткий учебник. Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО Сарат. ГАУ, 2003. С. 93.

[118] См.: Шериев А.М. О сущности и содержании субъективного права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 60–63.

[119] Лучин В.О. Указ. соч. С. 200–218.

правомочие на совершение положительных действий и правомочие требования[120]. Правомочие обратиться в компетентный орган за защитой нарушенного права указывается адептами другого (второго из названных) подхода к определению содержания пассивного избирательного права. Так, Я.Д. Авилов включает в содержание пассивного избирательного права правомочие обращаться в избирательную комиссию или в суд для восстановления нарушенного права[121], а У.Ф. Хасанов и А.О. Филатова – правомочия кандидата: на возмещение вреда в результате бездействия избирательных комиссий; на возмещение судебных расходов на представителя; на обжалование норм федеральных и региональных законов в Конституционном Суде Российской Федерации[122].

Данный, своего рода классический, способ определения нормативного содержания пассивного избирательного права отличается от других целью, состоящей в выходе на обобщения высокого доктринального порядка. Его применение дает соответствующий результат – теоретическую схему с высокой степенью абстрактности. Она имеет ценность для теории конституционного и избирательного права, как, впрочем, и для практики. В условиях высокой динамики избирательного законодательства он позволяет сохранять содержательную модель пассивного избирательного права как в нормах позитивного права, так и в правосознании законодателей, правоприменителей и граждан. В то же время, сформулированные на основе его применения выводы не делают очевидной корреляцию между нормами избирательного законодательства и выделенными в этой модели правомочиями, что затрудняет ее использование в

---

[120] См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.А. Указ. соч. С. 223; Крашенинников Е.А. Указ. соч. С. 133.

[121] Авилов Я.Д. Указ. соч. С.56–57.

[122] См.: Филатова А.О. Указ. соч. С. 26; Хасанов У.Ф. Указ. соч. С. 15. Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенных рассуждениях ученых по неизвестным причинам не упомянуты реально существующие в силу конституционных установлений и норм законодательства возможности (правомочия) кандидата на обращение в избирательную комиссию и в суд общей юрисдикции. Вместе с тем стоит отметить, что «процитированные» предложения в некоторой части согласуются с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который указал на необходимость создания компенсаторных механизмов наряду со способами восстановления нарушенного пассивного избирательного права кандидата (см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П).

процессе практического осуществления гражданами, принадлежащего им пассивного избирательного права, равно как и в работе избирательных комиссий.

Второй способ заключается в систематизации правомочий, производных от установленных нормами позитивного права статусов избираемого лица (кандидата, зарегистрированного кандидата, избранного кандидата), структуры избирательного процесса и предусмотренных законом действий кандидата на каждой из них. Его применение нередко приводит к тому, что состав правомочий пассивного избирательного права представляется в виде совокупности определенных действий кандидата, результатом которых может стать избрание кандидата в органы государственной власти или местного самоуправления[123].

Раскрывая таким способом нормативное содержание пассивного избирательного права, правоведы, как правило, не фокусируют внимание на различии его содержания и структуры, порой смешивая их проекции при формулировании и обосновании доктринальных положений. Нельзя сказать, что это приводит к серьезным заблуждениям, абсолютно ошибочным выводам и полностью недостоверным репрезентациям нормативного содержания рассматриваемого права. Исследователи, по сути, проводят структурный анализ его содержания, соответственно, большинство сформулированных на его основе выводов отвечают требованиям объективности, истинности, коррелируют с практикой регулирования и осуществления пассивного избирательного права. И все же необоснованно «интегративное» использование категорий содержания и структуры в данном случае может послужить причиной недостаточной строгости и стройности научного знания о предмете исследования. Поэтому, прежде чем перейти к анализу существующих в правовой науке примеров применения данного подхода и соответствующих характеристик нормативного содержания пассивного избирательного права, оговоримся, что автор настоящего исследования исходит из признания следующих соотношения и взаимосвязи

[123] См.: Михалева Н.А. Правовой статус кандидата, зарегистрированного кандидата и его представителей // Электронный журнал «Демократия». Электронный режим доступа. URL: http://www.democracy.ru/library/learning/lectures/page7.html (дата обращения: 01.06. 2025).

содержания и структуры как инструментов оценивания внутренних параметров рассматриваемого права.

Нормативное содержание пассивного избирательного права образует единство составляющих его элементов и связей между ними. Как было отмечено, по признанию специалистов, элементами этого содержания являются правомочия, позволяющие реализовать ту возможность (меру возможного), которая заключена в рассматриваемом праве и им же предоставлена управомоченному лицу – гражданину. Структура этого права отражает способ связи правомочий, создающих возможность гражданину избираться в органы публичной власти, заложенную в праве последовательность их осуществления, следование которой необходимо для достижения цели установления соответствующего права[124]. Структура пассивного избирательного права отображает его содержание, в концентрированном виде представляет природу последнего[125], что, собственно, и делает структурный анализ содержания этого права в достаточной степени эффективным с методологической точки зрения и популярным среди правоведов.

Так, О.В. Кузнецова указывает, что пассивное избирательное право состоит из правомочий:

на выдвижение кандидатуры в порядке самовыдвижения или избирательным объединением;

на предвыборную агитацию, финансирование своей избирательной кампании;

на назначение доверенных лиц и других представителей;

на наблюдение за ходом голосования, подсчетом голосов избирателей;

на обжалование решений и действий избирательных комиссий[126].

---

[124] Выводы сделаны на основе применения философских интерпретаций категорий содержания и структуры. URL: https://studfile.net/preview/9566897/page:28/.

[125] Данный тезис основывается на идеях дореволюционных юристов (см.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. – 5-е изд., испр. и доп. Петроград: скл. изд. в юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1916. С. 115; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Изд. 8-е (без измен.). Санкт-Петербург: [Н. К. Мартынов], 1909. С. 152.

[126] Кузнецова О.В. Понятие и сущность пассивного избирательного права. С. 83.

В.А. Черепанов называет четыре правомочия, образующие содержание пассивного избирательного права:

правомочие быть выдвинутым кандидатом[127];

правомочие быть зарегистрированным кандидатом;

правомочие агитировать в свою поддержку;

правомочие быть проголосованным[128].

В интерпретации ряда ученых нормативное содержание пассивного избирательного права представлено следующим составом правомочий:

выдвигаться в статусе кандидата;

давать согласие на выдвижение иному субъекту выдвижения;

быть включенным в избирательный бюллетень;

право стать депутатом или иным выборным должностным лицом (занять выборную государственную или муниципальную должность) в случае победы на выборах[129].

Я.Д. Авилов структурирует содержание пассивного избирательного права граждан Российской Федерации посредством интеграции в нем следующих «основных» правомочий:

выдвигаться в качестве кандидата;

быть зарегистрированным кандидатом;

осуществлять сбор денежных средств на ведение (финансирование) избирательной кампании;

вести предвыборную агитацию;

обращаться в избирательную комиссию или в суд для восстановления нарушенного права;

---

[127] И.В. Лексин считает, что правомочием носителей избирательного права является выдвижение кандидата, включающее в себя действия субъектов выдвижения по приобретению статуса зарегистрированных кандидатов или списка кандидатов. См.: Лексин И.В. Выдвижение и регистрация кандидатов: обновленное законодательство и новые проблемы // Право и власть. 2002. № 12. С. 3–33. URL: https://clck.ru/NM8ku.

[128] См.: Черепанов В.А. Право выдвижения кандидатов в структуре избирательных прав граждан // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 49.

[129] См.: Борисов И.Б. Выборы в мире: избирательные цензы / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров / Под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2015. С. 16.

быть признанным избранным кандидатом;

занять замещаемую посредством выборов должность или получить мандат[130].

Приведенные теоретические схемы демонстрируют отсутствие единства мнений исследователей в части количественных характеристик нормативного содержания пассивного избирательного права, наименования составляющих его правомочий и, соответственно, научного консенсуса по этим вопросам[131]. Несмотря на указанные разночтения их объединяет способ формирования, общий подход к определению нормативного содержания пассивного избирательного права, а также одни и те же корреляции теоретических построений с нормами избирательного законодательства, институционализирующими и регулирующими избирательный процесс[132]. В этом смысле результаты, полученные на основе его применения, более практичны.

Третий способ предполагает характеристику содержания пассивного избирательного права через выделение в нем не правомочий, а самостоятельных субъективных избирательных прав кандидата[133].

Так, В.Н. Волченко полагает, что пассивное избирательное право осуществляется путем реализации гражданином не правомочий, а прав: быть выдвинутым, быть зарегистрированным и быть избранным. При этом она

---

[130] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 56–57. Американские ученые М. Галлахер и П. Митчелл в контексте рассмотрения вопросов реализации избирательных прав выделяют право на доступ к бюллетеню, которое имеют как кандидаты, так и политические партии (Michael Gallagher, Paul Mitchell. The Politics of Electoral Systems. Oxford University Press, 2005. P. 188). Упоминание о таком правомочии в структуре пассивного избирательного права или самостоятельном избирательном праве (в субъективном смысле слова) в российской доктрине не встречается. В то же время оно не меньше других отражает конституционную связь активного и пассивного избирательного права, о которой шла речь в предыдущем параграфе.

[131] О консенсусе в юридической науке см., например: Черногор Н.Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 96–108.

[132] Эти корреляции наглядно показаны в работах ученых, выводы которых были рассмотрены выше (см., например: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 53–56).

[133] В исследованиях, посвященных изучению конституционных прав человека и гражданина, такие утверждения встречаются достаточно часто. В частности, указывается, что характерная особенность этих прав состоит в том, что их содержание наполняется совокупностью других юридических прав (см., например: Тишин Р.В. Юридическая конструкция права на судебную защиту // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 777).

заявляет, что если гражданин не прошел до конца все стадии избирательного процесса в осуществлении пассивного избирательного права, не достиг избрания, то он не реализовал конституционное право быть избранным[134]. Данная логика, на наш взгляд, дает больше оснований для характеристики выделенных составляющих пассивного избирательного права в качестве взаимосвязанных правомочий, нежели самостоятельных прав. Соответственно, в приведенных рассуждениях содержится внутреннее противоречие, а сам тезис выглядит недостаточно обоснованным.

Эту же идею развивает С. Жоссо, который настаивает на необходимости разграничения права выдвижения лица и его права быть избранным (институт избираемости). Так, С. Жоссо считает, что право выдвигать кандидатуру (право баллотироваться или «кандидатствовать») и право быть избранным представляют собой два разных права. Первое из них материализует волю на выдвижение кандидатом своей кандидатуры и, с точки зрения С. Жоссо, имеет решающее значение для установления и поддержания основ подлинной демократии, управляемой верховенством права[135]. В то же время С. Жоссо признает наличие неразрывной связи между правом на выдвижение кандидатуры и правом быть избранным. Анализируя позицию С. Жоссо, другой правовед – Я.Д. Авилов – пришел к выводу о наличии противоречия в его рассуждениях и возможности рассматривать и характеризовать право на выдвижение кандидатуры в качестве составной части права быть избранным (точнее, права избираться, участвовать в выборах в качестве кандидата)[136].

Обосновывая вывод о комплексном характере пассивного избирательного права А.О. Филатова выделяет следующие его составляющие:

право быть избранным в федеральные органы государственной власти (право быть избранным Президентом Российской Федерации, право быть

---

[134] Волченко В.Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов – на – Дону, 2004. С. 19–20.

[135] См.: Josso S. Le droit à candidater aux élections législatives: Un droit malmené // Revue française de droit constitutionnel. P., 2013. № 94. P. 372.

[136] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 51.

избранным депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, право быть избранным членом Конституционного Собрания Российской Федерации);

право быть избранным в органы государственной власти субъекта Российской Федерации (право быть избранным высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, право быть избранным депутатом представительного (законодательного) органа субъекта Российской Федерации);

право быть избранным в органы местного самоуправления (право быть избранным главой администрации местного самоуправления, право быть избранным депутатом представительного органа местного самоуправления) [137].

Основываясь на таком представлении о содержании пассивного избирательного права А.О. Филатова характеризует его как родовое по отношению к образующим его правам. Данный вывод, по ее мнению, может способствовать обоснованию различий содержательных ограничений и гарантий каждого из упомянутых прав, а уточнение структурных элементов позволит обеспечить всестороннюю судебную защиту[138].

В. Мастор рассматривает не единичные права, а группы прав кандидатов на президентских выборах:

быть кандидатом;

проводить и финансировать выборную кампанию;

быть услышанным[139].

Как видно из приведенного обзора позиций исследователей, раскрывающих содержание пассивного избирательного права, и в этом сообществе правоведов тоже нет единства мнений. Идентификация правомочий, составляющих пассивное избирательное право, как самостоятельных прав имеет определенные методологические и эмпирические основания. Проявление законов диалектики, в частности закона перехода количественных изменений в качественные, отчетливо

---

[137] Филатова А.О. Указ. соч. С. 28.

[138] Там же. С. 27-28.

[139] Les droits du candidat à l'élection présidentielle Wanda Mastor Dans Pouvoirs 2011/3 (n° 138). P. 34.

демонстрирует избирательное законодательство[140], а также международные избирательные стандарты[141]. По мере усложнения избирательного процесса, детализации статусов кандидата и избирательных действий в нормах позитивного права происходит расширение состава правомочий, образующих содержание пассивного избирательного права, и усложнение их структурного и системного единства. Многим из них корреспондирует юридическая обязанность участников избирательного процесса, что создает самостоятельное содержание конкретных правоотношений и, соответственно, дает повод для рассмотрения тех или иных правомочий в качестве самостоятельных прав. Полагаем, что перспективным направлением в развитии и обосновании этой идеи является рассмотрение элементов содержания пассивного избирательного права в контексте соотношения части и целого. Применение методологии синергетики и теории сложных саморазвивающихся систем, о которых уже упоминалось выше, выявляет формирование новых уровней и параметров порядка в содержании и структуре пассивного избирательного права, что дает некоторые основания согласиться с представителями рассматриваемого подхода.

Относительно самостоятельным сюжетом в теме нормативного содержания пассивного избирательного права является вопрос о выделении в нем материального и процессуального аспектов. Предпосылки к этому созданы практикой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) и ее исследованиями правоведами. Процессуальную составляющую пассивного избирательного права и вытекающие из нее отдельные правомочия на каждой из

---

[140] См., например: Садовникова Г.Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 45–53; Избирательное право и процесс. Учебное пособие для магистров / под общ. ред. В.В. Комаровой, Г.Д. Садовниковой. М.: Проспект, 2022; Нарутто С.В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2022; Правовое регулирование выборов Президента Российской Федерации / под ред. С.В. Кабышева, Г.В. Минха. М.: ООО «Формула права», 2005; Чупилкина А.Ф., Шабаева Д.Х. Избирательное право в контексте правового государства: законодательное регламентирование и практическая реализация; и др.

[141] См., например: Босова Е.Н. Международные избирательные стандарты // Евразийская адвокатура. 2020. № 1(44). 79–95.

стадий выборов подчеркивают судьи ЕСПЧ[142]. Известно, что главным компонентом прав человека, который оценивается Судом и который призван обеспечивать пассивное избирательное право, – это защита процессуальной справедливости. Она должна осуществляться в ходе принятия решений местными властями по вопросам лишения кандидатов и их представителей прав, а также в части аннулирования результатов выборов[143]. Данное обстоятельство послужило доводом при обосновании Я.Д. Авиловым вывода о включении в содержание пассивного избирательного права правомочия на обращение в избирательную комиссию или суд для защиты нарушенного пассивного избирательного права[144]. Этот вывод не встречает возражения. Он соответствует общетеоретическим и отраслевым (имея в виду науку конституционного права) представлениям о содержании субъективного права, а также современному уровню развития и состоянию регулирования избирательных правоотношений как на национальном, так и на международном уровнях.

С. Жоссо акцентирует внимание на существовании в содержании права гражданина выдвигать свою кандидатуру (право баллотироваться или «кандидатствовать») процедурного (процедурных правил подачи заявления о выдвижении кандидата) и материального аспектов (правил, условий избираемости, применяемых к кандидату, подавшему заявление о выдвижении)[145]. Данная идея, безусловно, оригинальная, теоретически и практически значимая требует конкретизации в контексте рассматриваемого в настоящем параграфе вопроса. Тезис о наличии в содержании пассивного избирательного права материальных правомочий и правомочий, имеющих процессуальный характер, заслуживает поддержки. Этому есть свои подтверждения, в том числе,

---

[142] См.: Харрис Д., О' Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской Конвенции по правам человека / Пер. с англ. В.А. Власихин и др.; Науч. ред. А.И. Ковлер. М.: Развитие правовых систем, 2016. С. 1223.

[143] См., например: Namat Aliyev v. Azerbaijan, HUDOC (2010); Abil v. Azerbaijan, HUDOC (2012).

[144] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 50.

[145] Josso S. Le droit à candidater aux élections législatives: Un droit malmené // Revue française de droit constitutionnel. P., 2013. № 94. P. 372.

приведенные выше. Однако включать процедурные правила, например, подачи заявления о выдвижении кандидата, непосредственно в содержание соответствующего субъективного права гражданина, на наш взгляд, в корне не верно. Процедурные правила как таковые опосредуют поименованное субъективное право, обеспечивают его реализацию, но находятся за пределами его содержания, равно как условия избираемости, применяемые к кандидату.

В некоторых случаях в характеристиках нормативного содержания пассивного избирательного права наблюдается подмена объекта, а точнее – ипостаси, в которой это право рассматривается и, соответственно, содержательно характеризуется. Так, к числу неотъемлемых элементов содержания права гражданина быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления наряду с правомочиями относят ограничения этого права, его гарантии и конституционно-правовую ответственность кандидатов за несоблюдение требований, установленных конституцией и законодательством[146]. С такой интерпретацией содержательного аспекта изучаемого права трудно согласиться, т.к. она скорее должна быть отнесена к описанию института пассивного избирательного права (как совокупности юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе осуществления гражданами принадлежащих им в силу конституционных и законодательных установлений возможностей быть избранными в органы публичной власти) и его юридической конструкции. Попытки доктринальной идентификации упомянутых ограничений и гарантий в качестве компонентов содержания рассматриваемого права искажают реальную картину и способны дезориентировать не только граждан, но и правоприменителя, в том числе при установлении наличия или отсутствия фактов нарушения рассматриваемого права и их квалификации. В таком случае в содержание субъективного права необоснованно включаются элементы юридического механизма обеспечения его реализации.

[146] Филатова А.О. Указ. соч. С. 22, 28.

Весьма оригинальной представляется концепция некоторых зарубежных исследователей, согласно которым содержание «права на выдвижение совей кандидатуры» заключается в потенциале каждого человека быть политическим кандидатом. Оно включает: 1) ценности и интересы (достоинство, автономию, самовыражение, саморазвитие), на которых оно основано; 2) две обязанности государства – негативную и позитивную. Негативная обязанность государства заключается в том, чтобы воздерживаться от предъявления неоправданных квалификационных требований к кандидатам на выборные должности для защиты основного права на получение квалификации, а не прав тех, кто имеет квалификацию. Позитивная обязанность касается процессуального аспекта – общее равенство возможностей среди потенциальных кандидатов должно обеспечиваться путем создания справедливых избирательных рамок, в которых это право может быть реализовано[147].

Приведенная интерпретация содержания пассивного избирательного права, так же как и позиция А.О. Филатовой, необоснованно, на наш взгляд, расширяет отражающую это содержание теоретическую схему, включает в нее правовые феномены, находящиеся за пределами рассматриваемого права. Они могут быть определены, соответственно, как основания этого права (ценности[148]), его предпосылка, мотив, цель и результат использования управомоченным лицом (интерес[149]), а также как юридические гарантии[150] (обязанности государства) полноценного осуществления права быть избранным (в терминологии авторов – права «на выдвижение совей кандидатуры») – т.е. как компоненты юридического механизма, обеспечивающего юридическое бытие и практическую реализацию

---

[147] Приводится по: Senada Zatagić. A Neglected Right. Prospects for the Protection of the Right to be Elected in Bosnia and Herzegovina. 2022. P. 17, 41.

[148] О самостоятельности феномена ценностей в праве см., например: Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М.: Юрлитинформ, 2013.

[149] Относительная автономность интереса по отношению к субъективному праву убедительно доказана теоретиками права (см.: Васев И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория. Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011; Субочев В.В. Законные интересы: монография / под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008; и др.).

[150] О сущности и роли гарантий в правовом регулировании см., например: Шугрина Е.С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.

этого права, но не звенья, составляющие его содержание. Смещение содержания субъективного права и механизма (его частей) его функционирования в объективном праве, а также реализации создает ложные ориентиры как для граждан, так и для законодателя, а также правоприменителей. По этой причине характеризуемая концепция автором настоящего исследования не поддерживается.

Трудно не заметить, что практически во всех приведенных теоретических схемах нормативного содержания пассивного избирательного права отсутствует одна важная составляющая, имманентная пассивному избирательному праву, как одному из основных конституционных прав гражданина. Речь идет о правомочии воздержаться от использования права, отказаться от совершения действий, направленных на его реализацию, т.е. от его осуществления. Анализ конституционной природы пассивного избирательного права, заложенного в нем конституционного смысла, а также конституционного регулирования и международных избирательных стандартов показал, что никто не вправе принуждать субъекта осуществлять принадлежащее ему конституционное право быть избранным в органы публичной власти. Отказ гражданина от осуществления принадлежащего ему пассивного избирательного права не влечет прекращения самого права. Гражданин в этом случае отказывается не от права, а от его реализации. Отказ лица действовать определенным образом в пределах пассивного избирательного права не влечет за собой прекращение или ограничение этого права. Совершение действий, от реализации которых отказывается лицо, остается дозволенным[151]. Следовательно, гражданин не только свободен в активном использовании этого права, но и имеет возможность воздерживаться от его реализации, если по каким-либо причинам он заинтересован в этом или не имеет никакого интереса, удовлетворение которого связано с использованием права быть избранным в органы публичной власти.

---

[151] В данной логике специалисты в области цивилистических наук рассматривают содержание гражданских прав (см., например: Колесников О.П. Пределы субъективных гражданских прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 37–38).

В свете сказанного, полагаем, что нормативное содержание пассивного избирательного права образует единство составляющих его взаимосвязанных правомочий, демонстрирующих черты субъективных прав, но не являющихся ими: правомочие быть выдвинутым кандидатом в порядке самовыдвижения или избирательным объединением; правомочие на финансирование своей избирательной кампании; правомочие на ведение предвыборной агитации; правомочие быть зарегистрированным кандидатом; правомочие обращаться в избирательную комиссию или в суд для защиты своего права; правомочие по назначению наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса; правомочие быть признанным избранным кандидатом; правомочие получить мандат, занять выборную должность. Представляется также целесообразным дополнить предложенное теоретическое построение нормативного содержания рассматриваемого права указанием на соответствующее правомочие, которое предполагает возможность не только воздержаться от использования рассматриваемого права, но и прекратить его осуществление на какой-либо стадии избирательного процесса, например, снять свою кандидатуру на выборах в течение определенного законодателем (в целях предотвращения злоупотребления свободой участия в выборах) срока[152].

Как было отмечено, важным аспектом определения нормативного содержания пассивного права, его эволюции является установление пределов этого права. Проблема их определения и выяснения значения для эволюции нормативного содержания пассивного избирательного права заслуживает отдельного рассмотрения, что и будет сделано в рамках самостоятельного параграфа во второй главе настоящего исследования.

Осмысление нормативного содержания пассивного избирательного права в исторической ретроспективе[153] позволяет сделать вывод о том, что это

---

[152] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. С. 299.

[153] См.: Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю.А. Веденеева и Н.А. Богдаровой. Калуга: Калужский областной фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002; Белоновский В.Н., Белоновский А.В. Представительство и

содержание динамично и его формирование, возможно, еще не завершено. Эволюция конституционализма, конституционного правопорядка, международных избирательных стандартов и избирательного законодательства обусловила усложнение избирательного процесса, детализацию статусов кандидата, избирательных действий и процедур. По мере протекания этих процессов происходит расширение состава и объема правомочий, образующих нормативное содержание пассивного избирательного права, усложнение их структурного и системного единства. В составе правомочий, наряду с непосредственно выражающими его политическую природу, утвердились правомочия организационно-обеспечивающего характера, от существования и осуществления которых напрямую зависит реализация первородных, собственно политических правомочий и самого права в целом. Составляющие нормативное содержание пассивного избирательного права правомочия продолжают проявлять себя в этом качестве как части целого в единстве и взаимосвязи. В ходе их практической реализации в конкретных правоотношениях при совершении избирательных действий они демонстрируют черты субъективных прав. Данное наблюдение дает повод для констатации дуализма ипостасей элементов пассивного избирательного права. Эволюция рассматриваемого содержания привела к еще одной его метаморфозе – развитию дихотомии материальной и процессуальной сторон в нормативном содержании этого права[154].

выборы в России с древнейших времен до XVII века (теория, история, практика). М.: Приор, 1999; Водовозов В. Избирательное право в Европе и России. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1906; Ефремова Н.Н. становление избирательного права в России // Государство и право. 1988. № 3. С. 111–118; Кузьмина Т.И. Избирательное право в Российской Федерации: исторический и правовой аспекты // Сборник материалов конференции по вопросам теории и практики избирательного законодательства в связи с предстоящими выборами депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва (26 февраля – 20 мая 2016 г.). Геленджик: ФГБУ «Кубанский государственный университет», 2016. С.250–259; Волченко В.Н. Указ. соч.; Силкина М.М. Указ. соч.; Филатова А.О. Указ. соч. С. 22; Горылев А.И., Зеленов А.В. Особенности становления избирательного права в России // Вестник ННГУ. 2008. № 5. С. 186–194; Углов С.А. Эволюция избирательного права в России в XXI веке // Вопросы российской юстиции. Выпуск 24. С. 76–95; и др.

[154] См.: Маркина Л.Л. Нормативное содержание пассивного избирательного права. С. 2–13.

Результаты исследования позволяют констатировать формирование в нормативном содержании пассивного избирательного права новых структур и новых параметров порядка системных связей, а также наличие обратно-пропорциональной связи между расширением и усложнением нормативного содержания пассивного избирательного права, с одной стороны, и сужением пределов обеспечиваемой им свободы, с другой.

Указанные изменения обостряют противоречие между «знаковой форой» – традиционным наименованием «права гражданина быть избранным в органы публичной власти» – и реальным содержанием этого права.

1.3. Юридическая конструкция пассивного избирательного права

Вопрос о юридической конструкции пассивного избирательного права в правовой науке не раскрыт и даже не ставится. В фокусе внимания правоведов находится близкая к нему, но не тождественная проблематика – определение понятия, содержания и структуры рассматриваемого права. Юридическая конструкция этого права остается в тени изучения упомянутых аспектов соответствующей темы, а доктринальные представления о ней на сегодняшний день носят в большей степени интуитивный и фрагментарный характер. При том, что гносеологическое и прикладное значение юридических конструкций (вне зависимости от их отраслевой принадлежности) в правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности признано научным сообществом и практикующими юристами[155]. Юридические конструкции дают готовый типовой образец, схему, в которую облекается правовой материал. Они в определенной мере ограничивают пределы свободного усмотрения законодателя, предъявляя к нему требования соблюдать законы правовой логики, облекать его волю в заранее заданные мыслительные структуры. При толковании права конструкция служит средством познания его смысла,

[155] См., например: Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). Тема выпуска: «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине».

организации мыслительной деятельности интерпретатора. В процессе правореализации они выступают в качестве средства установления юридически значимых фактов, задавая набор тех обстоятельств, которые необходимы для правильного воплощения в жизнь правового веления. В ходе правоприменительной деятельности элементы юридической конструкции сопоставляются с фактическими обстоятельствами[156]. «Прикладывая» юридическую конструкцию к тем или иным общественным отношениям, правоприменитель решает вопрос о юридической квалификации этих отношений, о выборе правовой нормы, необходимой для их урегулирования[157]. В конце концов, содержание и логика правового регулирования выступают результатом правотворческого конструирования, с одной стороны, а с другой – материалом для конструирования интерпретационного, правоприменительного, доктринального[158].

Для восполнения указанного пробела в научном знании могут быть продуктивно использованы наработки теоретиков права[159], выводы представителей отраслевых юридических наук относительно содержания юридических конструкций различных субъективных прав (права собственности[160], права на судебную защиту[161], участия граждан в управлении

---

[156] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 293.

[157] Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117–118.

[158] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 291.

[159] Теоретики права являются лидерами среди правоведов в деле доктринального освоения темы юридических конструкций (см., например: Горшенев В.М. Указ. соч.; Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993; Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009; Тарасов Н.Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 18–25; Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова; и др.).

[160] См.: Александрина М.А. Формирование и развитие юридической конструкции субъективного права собственности // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2006. № 8. С. 84–91.

[161] См.: Тишин Р.В. Указ. соч. С. 762–769.

делами государства[162] и др.), а также результаты преломления общетеоретических разработок на избирательное право с целью создания или осмысления используемых для организации нормативного материала юридических конструкций[163].

Юридическую конструкцию пассивного избирательного права можно рассматривать в нескольких ракурсах.

Во-первых, как субстанциональную единицу конституционного и избирательного права (в объективном смысле слова), устойчивый, стабильный элемент этих правовых массивов, логическую форму, условную схему, в которую облекается нормативное содержание пассивного избирательного права[164]. Речь идет о типовой модели поведения лиц, которые в силу конституционных и законодательных установлений имеют юридическую возможность выдвигать свою кандидатуру на выборы и избираться в органы публичной власти. Данная модель предопределяется существующими нормами права и правовыми позициями судов (международных, высших национальных – конституционных, верховных и т.п.). Она обобщает наиболее существенные элементы пассивного избирательного права и представляет собой «схему», по которой создается и логически связывается нормативный материал[165]. Кроме этого, конструкция пассивного избирательного права, демонстрируя связи и единство всех элементов, позволяет познать окружающую его правовую реальность, в которой оно существует и осуществляется.

---

[162] См.: Широбоков С.А. Юридическая конструкция участия граждан в управлении делами государства // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 886–889.

[163] См.: Хвалев С.А. Юридические конструкции в избирательном праве: сущность, условия реализации и виды // Избирательное право. 2015. № 2. С. 2–7; Евдокимов С.В. Юридическая конструкция принципа всеобщего избирательного права и практика его реализации // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 230–237; и др.

[164] Данный тезис основан на выводах теоретиков права (см.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 297).

[165] В связи с тем, что модель представляет собой аналог объекта, ее изучение дает знание о самом объекте. Являясь моделью конкретного правового феномена, конструкция всегда представляет собой его упрощенный, огрубленный образ (см.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 297).

Во-вторых, как своеобразную правовую форму отражения действительности, которая создается в результате абстракции, служит средством достижения оптимального соотношения абстрактного и конкретного, общего и частного[166].

В-третьих, как комплекс правовых средств, образующий типизированную модель возможностей носителя этого права действовать по своему усмотрению[167].

В-четвертых, как средство юридической техники (правотворческой, правоинтерпретационой, правореализационной, включая технику правоприменения). Определяемая в качестве средства правотворческой техники конституционного и избирательного законодательства, юридическая конструкция пассивного избирательного права создает возможность наиболее оптимальным и логически выверенным образом формулировать нормативные предписания, придавать пассивному избирательному праву и его институту структурированность, рациональную организованность, формальную определенность, облекая правовой материал в заранее заданные, мыслительные правовые формы. По сути, речь идет о структурной модели, определенной комбинации элементов, которые законодатель и (или) субъект судебного правотворчества наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым поведение носителей этого права и общественные отношения в сфере его осуществления. Она служит условием придания образующим его и одноименный правовой институт нормам права логическую стройность, последовательность их изложения, предопределяет связь между ними, способствует полному и четкому упорядочению составляющих их предмет регулирования общественных отношений. Юридическая конструкция пассивного избирательного права проявляет себя также в качестве средства толкования права,

---

[166] Данный тезис сформулирован на основе текста: Беляев В.П. Юридическая конструкция. URL: https://bigenc.ru/c/iuridicheskaia-konstruktsiia-3a3add (дата обращения: 05.05.2025).

[167] Переверзев В.В. Юридическая конструкция как научная проблема // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-konstruktsiya-kak-nauchnaya-problema-teoretiko-pravovoy-aspekt.pdf. С. 116. Следует оговориться, что В.В. Переверзев писал о типизированной модели общественных отношений, без акцента на субъективном праве и его специфике.

осуществляемого международными судебными органами (например, ЕСПЧ), высшими судами государств (в частности, Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации), экспертно-консультативными органами (например, Венецианской комиссией, заключения которой упоминались в предыдущих параграфах), реализации этого права гражданами и иными лицами, наделенными этим правом в силу конституции и закона, в том числе при подготовке документов, необходимых для совершения избирательных действий, а также средства правоприменения, осуществляемого судебными органами, избирательными комиссиями и другими уполномоченными субъектами.

В-пятых, как средство познания нормативного материала, соответствующей правотворческой, правоинтерпретационной, правореализационной, включая правоприменительную, практики, обеспечивающее получение более обобщенных и углубленных знаний о конкретных реально существующих правоотношениях, а также юридическое закрепление пассивного избирательного права, условий и правовых механизмов осуществления, гарантий, ограничений и др. Речь идет о средстве, используемом в мыслительной деятельности познающих субъектов, работающих с правовым материалом в теоретической и практической плоскостях, позволяющем организовать заложенные в пассивном избирательном праве регулятивные свойства путем создания комбинаций правовых элементов[168].

При внимательном анализе представленных интерпретаций юридической конструкции пассивного избирательного права можно убедиться в том, что они не создают непреодолимых противоречий в ее доктринальной характеристике, как с феноменологической, так и с функциональной точек зрения. Обозначенные «ипостаси» рассматриваемой конструкции отражают различные стороны одного и того же объекта, явления и потом могут восприниматься интегративно. В обобщенном плане многообразие ракурсов, в которых может быть рассмотрена

[168] Дифференциация ракурсов, в которых может быть осмыслена юридическая конструкция пассивного избирательного права, во многом основана на Методических рекомендациях по использованию юридических конструкций в правотворчестве, науке и учебном процессе // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 902–905.

юридическая конструкция пассивного избирательного права, укладывается в два основных подхода. Первый предполагает ее восприятие и использование как средства познания, второй – как средства практической юриспруденции (правотворчества, правоприменения и др.), прежде всего, юридической техники. Их интегративное применение позволяет определить юридическую конструкцию пассивного избирательного права как разработанную доктриной и принятую юридическим научным сообществом идеальную модель, позволяющую теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов рассматриваемого права[169]. В ней органически сочетаются два начала: доктринальное и практическое, поэтому конструкция позволяет не только осмыслить пассивное избирательное право, но и целенаправленно, рационально воздействовать на правовую сферу его реализации[170].

Такое понимание юридической конструкции пассивного избирательного права, на наш взгляд, в достаточной степени отражает основные грани этого феномена, соединяя их в одной рациональной картине, и открывает возможность для ее применения в процессе решения как доктринальных, так и практических задач моделирования и конструирования нормативного материала, опосредующего участие граждан в избирательных правоотношениях в качестве субъекта права выдвигать свою кандидатуру на выборах и быть избранным в органы публичной власти.

Юридическую конструкцию рассматриваемого права следует отличать от его законодательной или нормативной конструкции. Юридическая конструкция пассивного избирательного права представляет собой идеальную модель структурного строения потенциально возможного, допустимого с точки зрения

---

[169] За основу взято определение юридической конструкции М.Л. Давыдовой (см.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 152).

[170] В данном случае творчески применены выводы теоретиков права (см.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 290).

позитивного права поведения субъекта, которому это право принадлежит[171], систему познавательных образов (понятий, суждений, умозаключений)[172]. Она служит формой отражения[173] реально существующего пассивного избирательного права (а также института пассивного избирательного права). Объективно существующая регуляторика является результатом применения юридических конструкций, а потому конкретные нормы права, образующие пассивное избирательное право и его институт, если следовать выводам теоретиков права, правильнее именовать законодательными или нормативными конструкциями[174]. Юридическая и законодательная (нормативная) конструкции пассивного избирательного права во многом совпадают, т.к. первую логично разрабатывать посредством репрезентации законодательной (нормативной) конструкции. В свою очередь законодатель воспринимает и использует доктринальные модели при создании юридических норм, которые впоследствии становятся источником для доктринальных построений. В то же время потенциально присущее различие юридических и законодательных конструкций объясняется, во-первых, локализованным во времени несовпадением должного, с доктринальной точки зрения, и сущего – имея в виду действующие правовые нормы. Юридическая конструкция как шаблон идеальна. Конкретная норма права или институт могут быть дефектными[175]. Во-вторых – возможной нетождественностью конвенций (конвенционной концепции)[176] относительно конструкции пассивного

---

[171] См.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма, 2012. С. 228.

[172] См.: Баранов В.М., Мареев Ю.Л. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 112–119.

[173] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 290.

[174] См.: Методические рекомендации по использованию юридических конструкций в правотворчестве, науке и учебном процессе // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 904.

[175] Хвалев С.А. Указ. соч. С. 5.

[176] Юридическая конструкция пассивного избирательного права имеет конвенциональную природу. Ее конвенциональность обусловлена, с одной стороны, идеальной природой («вымышленностью») этой конструкции, с другой стороны – общепризнанностью научным сообществом. Она не оторвана от реальности, хотя и является идеальной структурой. Есть правовые образцы и ориентиры, нормативно зафиксированные в международных правовых актах универсального и регионального уровней, а также в правовых позициях международных судебных органов (в частности, ЕСПЧ) и высших судов государств. Они служат мерилом

избирательного права, достигнутой в научном сообществе, с одной стороны, и в корпусе правотворцев, прежде всего, законодателей, с другой[177].

В идеале юридическая конструкция сначала создается доктриной и лишь затем используется в практической юриспруденции. Разработка юридической конструкции – это всегда плод теоретических изысканий. Способ или форма их дальнейшего существования может быть различной. Одни конструкции закрепляются в нормативно-правовых предписаниях. Другие – в текстах научных работ, что не отменяет их значения для юридической практики[178]. Но в реальности юридические конструкции, по замечанию признанных в науке о праве авторитетов, рождаются на первых порах спонтанно, в самой жизни и только впоследствии становятся объектом творчества правоведов и законодателя[179].

Применительно к избирательному праву юридическую конструкцию исследователи представляют в качестве «некоего всеобщего относительно универсального теоретического шаблона, применение которого в правотворческой деятельности дает возможность подбора подходящего и достаточного количества правовых средств и оптимального сочетания между собой в целях достижения эффективного правового регулирования отношений, связанных с организацией и проведением выборов»[180]. По мнению С.А. Хвалева, юридическая конструкция в избирательном праве представляет собой идеал, общеупотребимую шаблонную компоновку правовых средств. Она дает

истинности тех или иных доктринальных и нормативных построений. В то же время видение правоведов пассивного избирательного права в определенной мере субъективно. Именно поэтому разработанные доктриной юридические модели пассивного избирательного права могут существенно различаться. Содержание юридической конструкции пассивного избирательного права обусловлено, наряду с достигнутым уровнем правового мышления, объективными факторами, в первую очередь, уровнем развития реальных избирательных правоотношений. Являясь основой условной правовой реальности, формируя идеальную ткань пассивного избирательного права, его конструкция, тем не менее, жестко привязана к реальной действительности, к потребностям и запросам юридической практики.

[177] Конвенция, а точнее консенсус законодателей, достигается посредством законодательных процедур и находит выражение в законе (в широком смысле его понимания).

[178] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. С. 295.

[179] См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 280–281.

[180] Хвалев С.А. Указ. соч. С. 3–4.

представление об основных компонентах предполагаемой правовой регламентации отношений, связанных с организацией и проведением выборов, наличие которых обязательно как условие результативности соответствующей регламентации[181]. К тому же юридическая конструкция делает очевидным набор необходимых и достаточных правовых средств, гарантирующих качественное и, как следствие, эффективное регулирование избирательных отношений[182].

С этой точки зрения С.А. Хвалев предложил следующий состав компонентов юридической конструкции в избирательном праве:

1) компонент целеполагания, обозначающий цель и задачи потенциального правового регулирования избирательных отношений;

2) концептуальный компонент, включающий определение избирательных отношений, их аспектов, подлежащих правовой регламентации, а также формулирование основных начал, определяющих характер и направление потенциального регулирования, определение временных и территориальных условий действия соответствующего элемента системы избирательного права;

3) субъектный компонент, состоящий в определении субъектов избирательных отношений, подлежащих регулированию, формулировании их материальных прав и обязанностей;

4) описательный компонент, формулирующий специфичный понятийный аппарат потенциального правового регулирования, а также определение классификаций или видов явлений, процессов или предметов в избирательной сфере, по поводу которых предполагается правовая регламентация;

5) детерминирующий компонент, устанавливающий юридический факт (фактический состав), при наличии которого потенциальное правовое регулирование в избирательной сфере будет реализовываться;

---

[181] Хвалев С.А. Указ. соч. С. 4. Похожую точку зрения обосновывал В.М. Горшенев, отмечавший, что юридические конструкции представляют собой схемы, модели, типовые образцы, трафарет, используемые законотворцем для формулирования правовых норм, построения права, его систематизации, с их помощью возводится «скелет» права (Горшенев В.М. Указ. соч. С. 113–118).

[182] Хвалев С.А. Указ. соч. С. 4.

6) процедурный компонент, определяющий сроки (в случае необходимости) и процедуры реализации избирательных прав и обязанностей[183];

7) охранительно-гарантийный компонент, требующий формулирования особых механизмов защиты и восстановления нарушенных избирательных прав[184].

При этом автор данного «шаблона» для создания юридической конструкции сделал оговорку о том, что в его теоретическую схему включен полный перечень компонентов, свойственных юридической конструкции макроуровня, – т.е. избирательного права как подотрасли конституционного права[185]. Применительно к юридическим конструкциям элементов более низкого уровня (среднего и микроуровня) в системе избирательного права перечень таких компонентов более усеченный. Следовательно, компонентный состав юридической конструкции зависит от ее вида, а количество компонентов прямо пропорционально объему предполагаемой правовой регламентации[186].

Пример практической реализации заключенной в данной оговорке идеи обнаруживается в работах исследователей, фокусирующих свое внимание на вопросах юридического конструирования отдельных конституционных прав человека и гражданина. Так, например, Р.В. Тишин, характеризуя юридическую конструкцию права на судебную защиту, указывает на такие ее компоненты как:

---

[183] Хизов В.Е. Юридическая конструкция как средство познания // Бизнес, менеджмент, право. 2012. № 2. С. 133–137.

[184] Хвалев С.А. Указ. соч. С. 6–7. Близкие воззрения демонстрируют представители науки гражданского права. Например, по мнению М.Ю. Челышева, юридические конструкции являют собой конкретный способ закрепления в законодательстве разного рода правовых инструментов, которые в качестве составных элементов могут включать не только конкретные правовые средства, но и их определения, классификации, строение, механизмы функционирования, юридические процедуры и даже иные юридические конструкции и способы разрешения возможных коллизионных вопросов (См.: Челышев М.Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации // Гражданское право. 2013. № 1. С. 33–35. С. 33).

[185] См.: Хвалев С.А. Указ. соч. С. 7. Не все правоведы солидарны с такой точкой зрения. Избирательное право позиционируется некоторыми учеными как институт или самостоятельная отрасль права (см. подробней: Эбзеев Б.С. Конституционное право России. С. 568).

[186] С.А. Хвалев применительно к избирательному праву выделяет юридические конструкции микроуровня (конструкции нормы права), среднего уровня (конструкции субинститутов и институтов избирательного права) и макроуровня (модель избирательного права в объективном смысле этого слова). Хвалев С.А. Указ. соч. С. 6–7.

пределы права, его нормативный объем, структуру и содержание[187]. В такой «лаконичной» форме, на наш взгляд, может быть сконструирована модель (юридическая конструкция) пассивного избирательного права. Применение с этой целью шаблона макроуровня (в терминологии С.А. Хвалева) несет риски смешения в конструкции пассивного избирательного права проекций разных реальных объектов объективного права, а именно собственно пассивного избирательного права и правового института, объединяющего юридические нормы, конституирующие и содержательно определяющие само право, а также закрепляющие механизм его реализации[188]. Для юридической конструкции института пассивного избирательного права предложенный С.А. Хавалевым шаблон макроуровня представляется вполне пригодным. Что же касается конструкции пассивного избирательного права как такового, то его применение может привести к искажению рациональной картины изучаемого права. Поэтому конструктивное решение в отношении его юридической модели следует проектировать с учетом сделанного замечания.

Юридическая конструкция пассивного избирательного права включает следующие элементы:

1) цель юридического закрепления этого права и правового регулирования общественных отношений, в которых оно осуществляется;

2) принципы пассивного избирательного права;

3) нормативное содержание пассивного избирательного права;

3) объем;

4) имманентные пределы данного права;

5) ограничения пассивного избирательного права;

6) пределы и гарантии его осуществления[189].

---

[187] См.: Тишин Р.В. Указ. соч. С. 763.

[188] В данном случае не станем останавливаться на вопросе отраслевой принадлежности данного института. Принимая во внимание тесную связь конституционного и избирательного права, а также цель и предмет настоящего исследования считаем допустимым не останавливаться на данной проблеме.

[189] См.: Маркина Л.Л. Юридическая конструкция пассивного избирательного права // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 1. С. 2–11.

В текстах конституций, как и в законодательстве цель установления тех или иных субъективных прав как правило не фиксируется. Целеполагание остается за рамками официальных текстов, но является необходимым этапом подготовительной правотворческой работы и обязательным элементов концепции проекта федеральных законов[190]. Цель конституирования пассивного избирательного права формально не определена. Она может быть выявлена ретроспективно посредством уяснения логики конституционного регулирования народовластия, избирательных правоотношений, смыслообразующих его концептов и норм. В доктрине цель установления субъективных избирательных прав связывается с их назначением, социальной функцией. Конституционное закрепление субъективных избирательных прав имеет общую цель, которая в общем виде может быть сформулирована как эффективное функционирование механизмов демократии, народовластия, государства, конституционного правопорядка[191]. Учитывая конституционную связь активного и пассивного избирательного права, эта цель может быть означена для каждого из них и, соответственно, вмонтирована в их юридическую конструкцию. Включение в нее компонента целеполагания необходимо не только для наполнения правовым смыслом юридической конструкции[192], обеспечения общей направленности и соответствующих параметров конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений, обеспечения логической связи всех элементов конструкции рассматриваемого права, но и для адекватного разрешения возникающих в судебной практике споров о нарушении и защите пассивного

[190] Например, в России обязательность определения цели проектируемого регулирования была установлена постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3335. Доктринальное обоснование и теоретическую конструкцию концепции законопроекта см.: Баранов В.М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 15–29.

[191] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385.

[192] См.: Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. С. 18.

избирательного права, а также казусов, имеющих признаки злоупотребления им[193].

Принципы пассивного избирательного права являются базовым ориентиром, интегрирующим конструктивные элементы его юридической конструкции, их внутренние связи. По утверждению Ж.-Л. Бержеля «Общие принципы составляют базу всякой юридической конструкции. Юридические правила могут быть сформулированы и могут развиваться только с оглядкой на общие принципы и при их участии»[194]. Приведенные тезисы не встречают возражения. Принципы пассивного избирательного права представляют собой основополагающие идеи, закрепленные в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве, выражающие наиболее важные, объективные закономерности формирования представительных учреждений и реализации одной из важнейших форм непосредственной демократии – выборов. Они интегрируют основные начала непосредственной и представительной демократии, объединяющие все человечество или его значительную часть. Указанные принципы обладают свойствами нормы позитивного права: нормативностью и общеобязательностью[195]. Принимая во внимание данное обстоятельство, можно сделать вывод, что принципы пассивного избирательного права следует включить в проектируемую юридическую конструкцию.

Нормативное содержание, как было показано в предыдущем параграфе, образуют правомочия, состав и композиция которых динамичны. В целом, актуальные на данный момент доктринальные положения о составе, объеме, структуре и системе правомочий, образующих нормативное содержание пассивного избирательного права, имеют признаки научной конвенции, но не

---

[193] См. подробней: Маркина Л.Л. Злоупотребление пассивным избирательными правом: новая практика, проблемы квалификации и противодействия // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 4. С. 6–13.

[194] Бержель Жан-Луи. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. Пер. с фран. М.: Nota Bene, 2000. С. 178.

[195] См. подробней: Нудненко Л.А. Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10(59). С. 53–59.

консенсуса. Дискуссии на этот счет продолжаются, поэтому содержательный компонент в предлагаемой автором настоящего исследования юридической конструкции пассивного избирательного права представлен в авторском видении, которое не является (во всяком случае, пока) общепризнанным. Несмотря на это, проведенное исследование дает основание настаивать на достоверности предложенной теоретической схемы содержания пассивного избирательного права, а его результаты позволяют поддержать ее необходимой аргументацией[196].

Характеризуя содержательный компонент юридической конструкции пассивного избирательного права, следует обратить внимание на отсутствие тождества между ней и моделью нормативного содержания рассматриваемого права. В ходе работы над темой гипотеза о его наличии между указанными объектами моделирования была сформулирована и подвергнута проверке. Соответствующая операция была включена в исследовательскую программу и исполнена в связи с тем очевидным обстоятельством, что юридическая конструкция пассивного избирательного права, как и теоретическая схема его содержания, – это модели, интеллектуальные построения, имеющие доктринально-практическую природу, что указывает на наличие у них одних и тех же признаков и свойств. При определенных целеполагании и допущении юридическую конструкцию пассивного избирательного права можно представить как систему правомочий, образующих его содержание, и этим ограничиться. Однако данная гипотеза не получила подтверждение. Результаты исследования показали, что такой вариант разрабатываемой модели значительно упрощает мыслимый образ рассматриваемого права и доктринальное отражение правовой реальности, в котором оно существует и функционирует. Юридическая конструкция пассивного избирательного права воспроизводит модель его нормативного содержания, включая внутреннюю структуру, но ее элементный состав этим не ограничен. В ее конструктив (системно-структурное построение)

[196] См.: параграф 2 главы 1 настоящего исследования.

включены и другие элементы: цель, принципы, пределы права, его ограничения и гарантии.

Отсутствие указанного тождества подтверждает рассмотрение юридической конструкции пассивного избирательного права как общеупотребимой шаблонной компоновки правовых средств, дающей представление об основных компонентах правовой регламентации отношений, связанных с организацией и проведением выборов, наличие которых обязательно как условие результативности соответствующей регламентации[197]. Модель поведения, мера возможности и свободы которого заложена в пассивном избирательном праве, должна содержать правовые средства, образующие алгоритм поведения, решения задач, вытекающих из существа и предназначения этого права. Конструкцию пассивного избирательного права образуют не только правомочия. Взятые в отдельности только эти правовые средства не способны обеспечить стабильное и гармоничное функционирование пассивного избирательного права в конституционно-правовом регулировании избирательных правоотношений, качественную и эффективную регуляторику в данной сфере. Набор необходимых и достаточных правовых средств, гарантирующих свободное и эффективное осуществление пассивного избирательного права в пределах, установленных конституцией и законодательством, содержит более многообразный их арсенал – наряду с правомочиями включает средства, с действием которых связана реализуемость субъективного права в полном объеме[198], а также те, что позволяют определить этот объем.

---

[197] Напомним, что так определяет юридическую конструкцию в избирательном праве С.А. Хвалев (см.: Хвалев С.А. Указ. соч. С. 4).

[198] К такому выводу пришел Конституционный Суд Российской Федерации в отношении права на судебную защиту (см.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991). Этот вывод может быть продуктивно применен при разработке и (или) оценке юридической конструкции пассивного избирательного права.

Наконец, несовпадение юридической конструкции пассивного избирательного права и модели его содержания, кроме прочего, объясняется тем обстоятельством, что конструкция являет собой способ или средство определения (а по мнению теоретиков права и некоторых представителей отраслевых юридических наук – также и закрепления в законодательстве[199]), содержания субъективного права, в нашем случае пассивного избирательного.

Таким образом, юридическая конструкция пассивного избирательного права отличается от модели его нормативного содержания более высоким уровнем организации, структуризации и функциональной нагрузки, что исключает их отождествление как с теоретической, так и с практической точки зрения. Однако это не означает невозможность создания юридической конструкции содержания пассивного избирательного права, которая может быть включена в конструкцию более высокого порядка – юридическую конструкцию пассивного избирательного права (что уже сделано правоведами – см. параграф 2 настоящей главы).

В качестве самостоятельных элементов в предлагаемой нами конструкции выступают объем, пределы и ограничения пассивного избирательного права. Объем права, во-многом, определяется, с одной стороны, составом образующих его правомочий (содержанием), с другой стороны, установленными пределами и ограничениями этого права. По мнению Б.С. Эбзеева, с которым солидарен автор настоящего исследования, под пределами основных прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, следует понимать границы признаваемой и защищаемой Основным законом свободы индивидов. Под ограничениями основных конституционных прав подразумеваются допускаемые Конституцией Российской Федерации изъятия из конституционного статуса человека и гражданина, изъятия из круга полномочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод – в данном случае пассивного

[199] См., например: Челышев М.Ю. Указ. соч. С. 33–35.

избирательного права, уменьшения объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю[200].

Пределы пассивного избирательного права имманентно присущи конституционному праву на участие в выборах в качестве кандидата (так же, как и в качестве избирателя). По утверждению В.Е. Чурова и Б.С. Эбзеева, они вытекают из самой сущности субъективного избирательного права и четко очерчены Конституцией, устанавливающей всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании. Исключение возможности участвовать в выборах для определенных категорий граждан, посредством установленного в Конституции Российской Федерации соответствующего запрета, например, в отношении граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда (часть 3 ст. 32) можно квалифицировать как ограничения рассматриваемого конституционного права[201].

Включение в юридическую конструкцию пассивного избирательного права гарантий его осуществления[202] объясняется следующими обстоятельствами, точнее идеями, укоренившимися в юридической науке и практике Конституционного Суда Российской Федерации:

---

[200] См.: Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола» // Государство и право. 1998. № 7. С. 24.

[201] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385. Об ограничениях пассивного избирательного права см. подробней: Смирнова М.А. Эволюция ограничений пассивного избирательного права. URL: https://clck.ru/NM8dS; Фомин А.А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 29–38; и др.

[202] В Федеральном законе № 67-ФЗ под гарантиями избирательных прав и права на участие в референдуме понимаются установленные Конституцией Российской Федерации, законом, иным нормативным правовым актом условия, правила и процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (п. 11 ст. 2). О гарантиях пассивного избирательного права см. подробней: Садовникова Г.Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития. Дис. … докт. юрид. наук. М., 2013; Филатова А.О. Указ. соч.; Вискулова В.В. Гарантии избирательных прав граждан в современной России: вопросы теории и практики. Дис. … докт. юрид. наук. М., 2013; и др.

основные конструктивные элементы пассивного избирательного права предопределены его конституционным смыслом;

всякое субъективное право есть определенная мера поведения, юридическая возможность и обеспеченность известного поведения[203];

пассивное избирательное право охватывает не только возможность (правомочия) лица, но и обязанность государства обеспечить реализацию данной возможности;

право предусматривает не только активную позицию самой личности (гражданина), но и активную поддержку государства;

содержание субъективного конституционного права должно охватывать комплекс специально-юридических гарантий – юридические средства и механизмы, с действием которых связана реализуемость его в полном объеме[204] (гарантии фиксируют этот объем в позитивной коннотации – не в смысле сокращения свободы и возможности, заложенных в субъективном праве, а в значении обеспечения стабильности этих свободы и возможностей, их объема, предотвращения его сокращения);

принципы проведения выборов в Российской Федерации являются ядром основных гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации[205];

юридические конструкции должны быть полными и целостными[206]; требование полноты заключается в необходимости обеспечения его компонентной достаточности[207].

---

[203] См.: Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 31–36; Третьяков С.В. Учение С.Н. Братуся о субъективном праве – поворотный пункт в развитии отечественной цивилистики в ном праве // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 145–189.

[204] См.: Тишин Р.В. Указ. соч.; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло».

[205] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2002. С. 360.

[206] См.: Беляев В.П. Юридическая конструкция. URL: https://bigenc.ru/c/iuridicheskaia-konstruktsiia-3a3add (дата обращения: 05.05.2025).

[207] См.: Хвалев С.А. Указ. соч. С. 5.

Приведенные идейные основания в совокупности с выводами правоведов относительно понятия пассивного избирательного права[208], в которых просматривается эскиз его юридической конструкции, и выявление их корреляции с практикой конституирования рассматриваемого права обусловили включение в его проектируемую юридическую конструкцию охранительно-гарантийного компонента.

Предлагаемая юридическая конструкция пассивного избирательного права, как представляется, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Она способна выполнять означенные выше гносеологические и прикладные функции, а ее соответствующее применение может способствовать решению задач, связанных с обеспечением эффективности конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений, в которых осуществляется рассматриваемое право. Качество нормативного материала, как одно из условий эффективности, в значительной степени зависит от того, все ли компоненты конструкции наполнены добротным правовым содержанием и в достаточном объеме. Соизмерение модели и ее реального нормативного наполнения является способом (одним из способов) оценки действующего регулирования и выявления потребности в его коррекции. Данная конструкция может быть полезной как при создании новых правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере выборов, так и при совершенствовании существующей регуляторики в этом сегменте конституционного правопорядка.

---

[208] Например, А.О. Филатова под правом быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления предлагает понимать «комплексное конституционное избирательное право кандидата-самовыдвиженца и кандидата в составе списка избирательного объединения, включающее круг определенных правомочий, правовых ограничений, гарантий, мер правовой ответственности и получающее выражение в формах непосредственной реализации кандидатом принципов и норм избирательного права с целью приобретения статуса выдвинутого, зарегистрированного или избранного кандидата» (см.: Филатова А.О. Указ. соч. С. 32).

ГЛАВА 2. ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА, ПРЕДЕЛЫ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

2.1. Пределы пассивного избирательного права

Вопрос о пределах (имманентных пределах) пассивного избирательного права требует отдельного рассмотрения по нескольким причинам. В их числе, во-первых, важность понимания границ индивидуальной свободы, предоставленной (зафиксированной) этим правом. Во-вторых, необходимость установления соотношения пределов данного права с другими конституционно-правовыми феноменами, такими как ограничение пассивного избирательного права, регулирующее условия его использования (правопользования), избирательные цензы, избирательные квалификации и дисквалификация обладателей пассивного избирательного права, а также некоторыми другими. Названные обстоятельства обусловили постановку соответствующих научных задач, решение которых имеет как теоретическое, так и практическое значение, ввиду того, что полная определенность в доктринальной интерпретации пределов пассивного избирательного права является одним из необходимых условий полноценного осуществления данного конституционного права их обладателями, эффективного правотворчества и правоприменения в сфере его обеспечения и защиты, в конечном счете – нормального функционирования конституционного правопорядка.

Изучение доктринальных источников выявило разночтения в определениях и характеристике такого рода пределов, представленных правоведами, фокусирующими внимание на этом вопросе. Можно выделить несколько направлений концептуализации пределов пассивного избирательного права в конституционно-правовой доктрине[209]. Одно из них состоит в отождествлении

[209] Полагаем, правильнее вести речь именно о направлениях научных изысканий, размежевание которых обусловлено применением разных подходов, а не о точках зрения

пределов пассивного избирательного права с избирательными цензами[210]. Другое направление постулирует идею о том, что искомые пределы образуют цели, ради которых, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, могут быть ограничены (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства)[211]. Третье направление «маркируют» изыскания, в рамках которых пределы (имманентные пределы) пассивного избирательного права определяются как предоставленная Конституцией Российской Федерации и федеральными законами субъекту этого права совокупность конкретных правомочий, за рамками которых субъект не может его осуществлять[212]. Наконец, еще одно направление рационализации пределов пассивного избирательного права в конституционно-правовой доктрине развивает идею о том, что эти пределы представляют собой зафиксированные в самой Конституции границы признаваемой и защищаемой Основным законом свободы обладателей пассивного избирательного права, которые образуют нормативное содержание того или иного конституционного права, состав его правомочий[213].

Исследовательские позиции разнятся в связи с тем, что одни правоведы видят в пределах функцию стеснения свободы (возможностей) обладателя права, другие – нормативную определенность права, открывающую простор произволения его обладателя, которая может быть интерпретирована как антитеза стеснению, но не в значении безграничной свободы[214]. Различие в подходах к

конкретных исследователей, т.к. базовые идеи, образующие специфику каждого из указанных векторов научного поиска, в различных вариациях развиваются многими правоведами.

[210] См., например: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 5–10.

[211] См., например: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 81.

[212] Евтушенко С.М. Конституционно-правовой анализ условий, ограничений и имманентных пределов пассивного избирательного права // Вестник Поволжского института управления 2023. Том 23. № 1. С. 84–90.

[213] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385.

[214] Нормативная определенность права все же создает ее границы, не позволяет ни сужать, ни расширять их. «Пределы того или иного конкретного права не умаляют его, а очерчивают, определяют его контуры, тем самым выявляя содержание этого права» (см.: Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 87–91).

решению соответствующей научной задачи проявляется еще и в том, что одни исследователи ищут пределы пассивного избирательного права в самой Конституции, в природе, конституционном смысле и сущности изучаемого права, другие стремятся ее обнаружить за пределами Основного закона – в законодательстве, дискреции законодателя и практике ее воплощения в правовом регулировании избирательных правоотношений.

Представителем первого из упомянутых направлений является В.И. Червонюк, который убежден в существовании различия в природе активного и пассивного избирательных прав. Постулирование этого различия он считает одной из исходных посылок в понимании избирательных цензов, имеющих «определяющее» значение для уяснения конституционного смысла избирательных прав, а также их пределов[215]. По мнению ученого, пределы активного и пассивного избирательного права не совпадают, они по-своему уникальны для каждого из них. В связи с этим В.И. Червонюк настаивает на принципиальном различии избирательных цензов и ограничений избирательных прав, признает диалектику цензов и ограничений пассивного избирательного права, возможность превращения закрепленных в законодательстве условий правопользования, не обусловленных природой избирательного права, в ограничения («они внешне приобретают значение необоснованного (недопустимого) ограничения права»)[216].

В концепте пределов избирательных прав вообще и пассивного избирательного права в частности, предложенном в работах В.И. Червонюка, есть глубокий резон. При том, однако, что, во-первых, представляется уязвимым для критики базовый посыл о различной природе активного и пассивного избирательного права. В первой главе настоящего исследования была представлена аргументация противоположной точки зрения, которой придерживается и которую отстаивает автор диссертации, а также многие другие

---

[215] См.: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 5.

[216] См.: Червонюк В.И. Указ. соч. С. 9–10.

правоведы. Выводы о единстве природы избирательных прав, нашли отражение не только в доктринальных источниках, но и в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Опираясь на изложенные ранее доводы для обоснования тезиса о единстве природы активного и пассивного избирательного права, возьмем на себя смелость возразить в этой части В.И. Червонюку и продолжить настаивать на сформулированном ранее утверждении. По этой причине не можем разделить его убежденность в том, что активное и пассивное избирательное право имеют принципиально разные по своей сути и «феноменологии» пределы, не имеющие универсального значения для этих прав.

Во-вторых, трудно возразить против того, что избирательные цензы, в их понимании ученым, имеют определяющее значение для уяснения конституционного смысла избирательных прав – т.е. их основной идеи и основного содержания. Заметим, что избирательные цензы В.И. Червонюк определяет по-разному (на что мы уже обратили внимание ранее): 1) как пределы избирательных прав (в терминологии Конституционного Суда Российской Федерации – «ограничения особого рода»); 2) как юридическую форму определения пределов избирательного права; 3) как условие, допускающее человека к пользованию теми или иными политическими правами; 4) как нормативно выраженную определенность права, то, без чего оно, право, не существует; 5) как «естественно-правовые определители содержания избирательного права»[217].

Как видно, спектр интерпретаций избирательных цензов и их доктринальных идентификаций в конституционном регулировании избирательных правоотношений, которыми оперирует цитируемый ученый, довольно широк. Данное обстоятельство создает некоторую неопределенность в понимании природы и сущности этого феномена. В связи с этим предлагается проводить строгое различие между пределами и ограничениями права. Объективные правовые пределы избирательного права указаны в самой

[217] См.: Червонюк В.И. Указ. соч. С. 9–10.

Конституции. Ограничения этого права устанавливаются законом, поскольку регулирование избирательных прав граждан требует законодательного закрепления соответствующих норм[218]. Например, В.И. Червонюк пишет: «Активное избирательное право *ограничено* (курсив мой – Л.М.) по большей мере исключительно психофизиологическими особенностями субъекта и в значительно меньшей степени обстоятельствами иного, внеличностного свойства. При этом тенденция в таком подходе понимания *пределов* (курсив мой – Л.М.) активного избирательного права приобретает все большее признание». И далее приводит позицию ЕСПЧ, который в целом ряде своих решений констатирует несовершенство национального законодательства, *ограничивающего* данное право по признаку нахождения такого лица в местах лишения свободы[219]. При этом за пределами внимания остается принцип государственного суверенитета. Размышляя о проблеме разграничения понятий «естественных пределов прав» и «ограничений прав», В.И. Червонюк справедливо утверждает: «Очевидно, что против существования естественного основания *ограничения* (курсив мой – Л.М.) права (свободы) вряд ли следует возражать. Проблема заключается в том, что в одних случаях эти «естественные» *пределы* (курсив мой – Л.М.) выражаются одним возрастным «порогом», а в других – совершенно по-иному»[220].

Не следует упрекать ученого в подмене понятий – цензов с пределами права, а пределов права с условиями и пределами его реализации (осуществления). Между ними нет непреодолимой стены. И те, и другие, и третьи есть требования к юридическому закреплению субъективного права, необходимому условию его гарантированного существования, качеству

---

[218] Постников А. Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан // Журнал российского права. 2022. Т.26. № 5. С. 32.

[219] В качестве примера приводит Решение Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2003 г. Дело «Хирст против Соединенного Королевства». Жалоба № 74025/01 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 12. Постановлением Суда от 6 октября 2005 г. резюмируется: «любые *ограничения* (выделено мной – Л.М.) на право на участие в голосовании на выборах должны возлагаться для достижения какой-либо законной цели, должны быть пропорциональными этой цели и не должны противоречить свободному волеизъявлению народа при выборе законодательной власти» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 12.

[220] Червонюк В.И. Указ. соч. С. 7.

юридических норм. В конечном счете речь идет о выяснении конституционного смысла избирательных прав посредством уяснения природы, содержания и формы *способов* («юридических инструментов») установления баланса публичных и частных интересов в конституционном правопорядке (даже не из самого баланса). Тем самым постигается конституционный смысл избирательных прав через осмысление, например, возрастного ценза, ценза гражданства и т.п.

На наш взгляд, последовательность может быть обратной, а уяснение конституционного смысла избирательных прав может быть возможным посредством выяснения конституционной природы активного и пассивного избирательного права, в которой, как было показано в первой главе настоящего исследования, проецируется весь конституционный контекст, образующий правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, а также современного конституционного правопорядка. Изучение феномена цензов и опыта их конституционного установления в контексте поиска искомого смысла, безусловно, важно, однако это не имеет «определяющего» значения для уяснения основной идеи активного или пассивного избирательного права.

Продолжая замечания методологического характера, следует отметить, что некоторые конституционные установления являются позитивно-правовым выражением имплицитно существующих естественных пределов прав, определяющих нормативное содержание и круг правомочий их обладателей. Конституция не определяет их границы, а лишь происходит юридическая экспликация (формальное выявление) изначально уже существующих границ – естественных пределов этих прав[221]. Данное теоретическое положение носит фундаментальный характер и, в принципе, не встречает возражений. Вместе с тем, оно, на наш взгляд, не всегда правильно применяется исследователями. Вследствие чего естественную границу материального содержания

[221] См.: Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2013. № 1. С. 86–89.

избирательного права правоведы усматривают в условиях его использования. Так, С.А. Бажуков считает естественным пределом избирательного права достижение лицом определенного возраста, в чем, на наш взгляд, обнаруживается подмена границы материального содержания избирательного права условием его использования[222]. Такого рода ошибка является одной из причин существующей путаницы в понимании пределов избирательных прав.

Не удается добиться ясности в понимании феномена пределов пассивного избирательного права при экстраполяции на предмет нашего исследования воззрений правоведов, стремящихся определить пределы активного избирательного права. Принимая во внимание отстаиваемый нами тезис о единстве природы активного и пассивного избирательного права и их конституционной связи, такая экстраполяция в познавательных целях, на наш взгляд, допустима. Однако она (экстраполяция) мало что дает для продвижения в направлении упорядочения представлений о рассматриваемом явлении, в силу отсутствия необходимой стройности и последовательности в теоретических построениях, характеризующих пределы активного избирательного права. Например, А.А. Горячих[223], рассуждая о пределах этого права, не разделяет пределы собственно активного избирательного права, пределы его осуществления, а также ограничение и умаление права, в каждый из которых конституционный законодатель вложил самостоятельный конституционный смысл. Правовед приводит положения ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 19, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации для иллюстрации конституционного закрепления пределов осуществления активного избирательного права, но не усматривает их отличия от других перечисленных выше явлений. На это указывают, в частности, такие утверждения данного автора, как: «другой разновидностью пределов активного избирательного права являются позитивные

[222] См.: Бажуков С.А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан // Юридические записки. 2014. № 2. С. 63–69.

[223] См.: Горячих А.А. Пределы осуществления активного избирательного права: понятие и виды // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 43–48.

ограничения… К таким пределам относятся, например, право на участие в голосовании исключительно на том избирательном участке, где избиратель зарегистрирован по месту жительства, лишение активного избирательного права лиц, осужденных к лишению свободы, невозможность проголосовать через своего представителя по доверенности»[224]. В этом фрагменте есть все – и пределы права, и его ограничения, и условия правопользования, и даже лишение права голосовать. Но что по сути своей представляют пределы права на основании авторских рассуждений уяснить крайне сложно.

Некоторыми правоведами предпринята попытка отыскать пределы пассивного избирательного права в целях, ради которых согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина. Так, Я.Д. Авилов утверждает, что названные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации цели «можно рассматривать и как естественные пределы прав»[225]. Однако данное утверждение, на наш взгляд, уязвимо для критики. Во-первых, потому, что в ч. 3. ст. 55 Конституции Российской Федерации речь идет непосредственно об ограничении прав, а не об установлении их пределов. Перечисленные в ней цели, ради которых права человека и гражданина могут быть ограничены, являются критериями допустимости именно ограничений прав (если исходить из буквального толкования конституционной нормы). Во-вторых, по смыслу конституционной нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 55 Конституции, ограничения могут быть установлены законодателем в последствие конституционного закрепления основных прав, которые в логике конституционного регулирования изначально имеют конституционно выраженные пределы. Ограничение основных прав и свобод – это «вторичное», «последующее» действие, перспектива совершения которого законодателем обусловлена его дискрецией, границы которой очерчены Конституцией. В-третьих, в ч. 3. ст. 55 Конституции речь идет о потенциальной возможности ограничения прав, которые могут быть ограничены, а могут и не

[224] См.: Горячих А.А. Указ. соч. С. 46.
[225] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 81.

подвергаться ограничению, что никак не противоречит основам конституционного строя и не влияет на состояние конституционного правопорядка. Пределы же основных прав, напротив, должны быть изначально встроены в конституционные смыслы этих прав, что является основой правовой государственности и устойчивости конституционного правопорядка. В-четвертых, ограничение прав и свобод является исключением из правила, в то время как пределы права – это «правило», «норма»[226]. В-пятых, утверждение о естественном характере пределов основных прав, заключенных в целях, указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции, на наш взгляд, не имеет достаточных конституционных и доктринальных оснований. Полемизировать с Я.Д. Авиловым по этому вопросу трудно, т.к. он никак не разъясняет и не комментирует данное утверждение. Данное обстоятельство оставляет вопрос о состоятельности приведенного вывода Я.Д. Авилова открытым.

Таким образом, предложенный Я.Д. Авиловым путь в поиске пределов пассивного избирательного права, на наш взгляд, едва ли способен привести к искомому результату. Он неизбежно ведет, как минимум, к смешению, если не к полному отождествлению пределов и ограничений основных прав и свобод человека и гражданина, в том числе пассивного избирательного права, а также к полной неопределенности в понимании первых. Анализ позиции ученого обнаружил серьезное противоречие в его утверждениях, состоящее в том, что, усматривая пределы (в терминологии автора – «естественные пределы») пассивного избирательного права в целях, ради которых согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина, в теоретическом плане он определяет их (но у же в терминологии «имманентные пределы») как «своего рода скелет» права, вытекающий из конституционных положений[227], определяющий его естественные

---

[226] Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 135.

[227] Хотя, судя по оговорке данного автора – «прежде всего», можно предположить, что они вытекают не только из них (конституционных положений).

границы[228]. Очевидно, что «скелет» права (в субъективном смысле этого слова) даже гипотетически, с определенными допущениями не может быть выражен или сформирован через цели его потенциально возможного ограничения. Следовательно, указанное противоречие в утверждениях Я.Д. Авилова является неустранимым, а его вывод в этой части – не выдерживающим критики.

В доктрине популярен подход, при котором фокусируется внимание исследователей не на пределах пассивного избирательного права вообще, а на его имманентных пределах[229]. Тем самым, с одной стороны, конкретизируется предмет исследования, с другой стороны, «подсвечивается» различие между пределами права и его ограничениями. Пределы (имманентные пределы) права – нечто внутреннее, присущее праву, то, что вытекает из его сущности. Ограничения права – явление внешнее («трансцендентное») по отношению к нему. Указанная находка правоведов, имеет на наш взгляд, методологическое значение, ее применение вносит значительную определенность в вопросе соотношения пределов и ограничений субъективного права, в нашем случае – пассивного избирательного. На основе использования данного теоретического положения С.М. Евтушенко определяет пределы пассивного избирательного права как предоставленная Конституцией Российской Федерации и федеральными законами субъекту этого права совокупность конкретных правомочий, за рамками которых он не может его осуществлять[230]. Но при этом неожиданно заявляет, что «наиболее очевидным примером установления имманентных пределов пассивного избирательного права являются случаи

---

[228] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 80.

[229] См.: Эбзеев Б.С. Ограничения конституционных прав: понятие и пределы // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. Юрид. ин-та МВД РФ. Ч 1. 1998. С. 6; Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / под ред. О.И. Тиунова. М.: НОРМА, 2005. С. 309-311; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 31; Бажуков С.А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан. С. 66; и др.

[230] Евтушенко С.М. Указ. соч. С. 89.

пресечения злоупотребления этим правом»[231]. При буквальном понимании данного тезиса можно сделать вывод, что имманентные пределы (в понимании процитированного правоведа – конкретные правомочия обладателя избирательного права) пассивного избирательного права устанавливаются посредством казуального (индивидуального), а не нормативного правового регулирования в процессе правоприменения, что, во-первых, не соответствует действительному состоянию конституционно-правового нормирования этого права и связанных с его осуществлением общественных отношений, во-вторых, ставит пределы пассивного избирательного права в зависимость от усмотрения правоприменителя в каждом конкретном случае пресечения злоупотребления этим правом и следовательно равенство его обладателей, гарантированное Конституцией.

В более системном и выверенном виде концепт имманентных пределов основных прав человека и гражданина представлен в работах Б.С. Эбзеева[232] и ряда других правоведов[233], культивирующих и развивающих его. Так, Б.С. Эбзеев проводит разделительную линию между имманентными пределами права (идея, сформулированная Конституционным Судом ФРГ и поддерживаемая немецкой, а также австрийской правовой доктриной[234]) и ограничениями основных прав.

---

[231] Там же.

[232] См.: Эбзеев Б.С. Ограничения конституционных прав: понятие и пределы. С. 6; Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола». С. 24; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. С. 479–482. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385.

[233] См.: Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / Под ред. О.И. Тиунова. М., 2005. С. 309-311; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? С. 31; Бажуков С.А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан. С. 66; Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав). С. 86–89; и др.

[234] См.: Balthasar A. Grenzen und Gefahren des Schutzes der Grundrechte. Wien, Sramek Publ. 2009; Burgi M., Degenhart C., Dörr D. and others. Handbuch der Grundrechte in Deutsch land und Europa. Band IV. Grundrechte in Deutschland: Einzelgrundrechte. Heidelberg, C.F. Műller. 2012; Koch T. Der Grundrechtesschutz des Drittbetroffen. Zur Rekonstruktion der Grundrech te als Abwehrrechte. Tübingen, Mohr Siebeck Publ. 2000; Schneider H. Verfassungrechtliche Grenzen einer gesetzlichen Regelung des Pressewesens. Berlin, Duncker&Humblot Publ. 1971. Например, Т.

Под пределами основных прав человека и гражданина ученый предложил понимать зафиксированные в самой Конституции границы признаваемой и защищаемой Основным законом свободы индивидов и их ассоциаций, которые, в сущности, образуют нормативное содержание того или иного конституционного права, состав его правомочий[235]. Данный тезис разъясняется тем, что Конституция, закрепляя основные права и свободы человека и гражданина, сама оговаривает в каком значении с точки зрения нормативного содержания права она его гарантирует. Пределы права обусловлены конституционным строем, должны быть ему тождественны. По своей социальной и юридической природе они не совпадают с ограничениями основных прав[236]. Под ограничениями основных прав человека и гражданина подразумеваются допускаемые Конституцией Российской Федерации изъятия из конституционного статуса человека и гражданина, изъятия из круга полномочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод, уменьшения объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю[237].

Применяя представленный подход к идентификации в конституционно-правовом регулировании пределов основных права человека и гражданина, в отношении избирательных прав, Б.С. Эбзеев и другие специалисты подчеркивают, что пределы пассивного избирательного права имманентно присущи конституционному праву на участие в выборах в качестве кандидата или

Маунц отмечает, что имманентными пределами каждого права и свободы в силу раздела 1 статьи 2 Основного закона выступают права других лиц, конституционный порядок и нравственный закон. От имманентных пределов права следует отличать ограничения основных прав конститутивного характера, вытекающие из оговорки о специальном законе, дающей право законодателю актом законодательства устанавливать пределы осуществления прав (цит. по: Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях: Учебное пособие. М.: URSS: КРАСАНД, 2015. С. 230–231).

[235] См.: Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола». С. 24; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. персмотр. С. 479–482.

[236] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. персмотр. С. 479.

[237] См.: Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола». С. 24.

избирателя. Они вытекают из самой сущности субъективного избирательного права и четко очерчены Конституцией, устанавливающей всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании[238]. Исключение возможности участвовать в выборах для определенных категорий граждан посредством установленного в Конституции Российской Федерации соответствующего запрета, например, в отношении граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда (часть 3 ст. 32) следует квалифицировать как ограничения рассматриваемого конституционного права[239].

Из приведенных доктринальных положений можно сделать следующие выводы. Во-первых, пределы пассивного избирательного права – это границы признаваемой и защищаемой Основным законом свободы граждан, которую открывает перед ними данное право. Во-вторых, они имманентно присущи конституционному праву граждан на участие в выборах в качестве кандидата или избирателя, вытекают из природы и сущности субъективного избирательного права. В-третьих, эти пределы зафиксированы в самой Конституции, причем посредством «оговорки»[240], что не влияет на еще одну важную особенность пределов права – невозможность их изменения вне конституционного регулирования посредством использования дискреции законодателя. В-четвертых, пределы пассивного избирательного права определены, с одной стороны, через формулирование нормативного содержания данного права, установление состава образующих его правомочий, а также системы гарантий, с другой стороны – посредством конституционного закрепления всеобщего, равного, прямого

[238] См., например: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385.

[239] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385. Об ограничениях пассивного избирательного права см. подробней: Смирнова М.А. Эволюция ограничений пассивного избирательного права // URL: https://evolyutsiya-ogranicheniy-passivnogo-izbiratelnogo-prava.pdf; Фомин А.А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 29-38; и др.

[240] Ценность оговорок в источниках конституционного права подчеркивает В.И. Червонюк: «…оговорки представляют собой типичный технико-юридический инструмент демаркации зоны действия права (свободы), или определения его пределов, а значит, и границ поведения правопользователя» (см.: Червонюк В.И. Указ. соч. С. 7).

избирательного права при тайном голосовании. В-пятых, рассматриваемые границы обусловлены конституционным строем и сообразны ему. В-шестых, естественные пределы не позволяют не только сужать, но и расширять материальное содержание основного права, ибо в противном случае теряется их смысл[241]. И, наконец, в-седьмых, они не совпадают с ограничениями пассивного избирательного права.

Преимущества данной позиции по сравнению с другими, вышеприведенными теоретическими построениями состоит в то, что она свободна от внутренних противоречий. Ее адепты, однозначно, вполне определенно интерпретируют пределы основных права человека и гражданина, в том числе, пассивного избирательного права, не допуская их совпадения с другими явлениями, а также подмены понятий. Данный концепт[242] пределов пассивного избирательного права наиболее точно, на наш взгляд, отражает сущность данного явления, решает фундаментальную проблему соотношения пределов и ограничений права, содержит значительный потенциал обеспечения эффективности конституционного регулирования избирательных отношений и толкования конституционных норм. Еще одной сильной стороной рассматриваемой точки зрения является ее корреляция с судебной доктриной[243], сформированной и применяемой Конституционным Судом Российской Федерации.

Солидаризируясь со сторонниками данного концепта пределов пассивного избирательного права, считаем возможным дополнить образующие его утверждения указанием на конституционную связь активного и пассивного

---

[241] Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав. С. 87.

[242] О понятии концепта см., например: Назаренко Г.В. Категория концептуальности в уголовном праве // https://www.lawtech.ru/sites/default/files/2017ds1204.pdf?ysclid=m0zbojiywq133648535 (дата обращения: 15.05.2025). С. 20-24.

[243] О судебных доктринах см. подробней: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / П.П. Серков, В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.

избирательного права (в ее разновидностях[244]), как элемента конституционной конструкции, очерчивающей границы избирательного права вообще и пассивного избирательного права в частности. Данное предложение имеет в своей основе выводы, которые были сделаны при анализе упомянутой связи, выявленных механизмов взаимообусловленности, взаимодействия и корреляции активного и пассивного избирательного права.

Немецкий правовед Р. Алекси дифференцирует подходы к пониманию пределов конституционных прав с точки зрения «внешней» и «внутренней» «теории» права. Первая ориентирует на то, чтобы различать право само по себе и то, что от него осталось после установления его пределов, вторая предполагает рассмотрение пределов права сквозь призму идеи его объема, права с определенным содержанием[245].

Под пределом конституционных прав Р. Алекси понимает границы диспозиции конституционных прав, которые могут быть следующих видов: 1) непосредственные, выраженные в других конституционных нормах или в нормах более низкого уровня, изданных субъектами, соответствующее полномочие которых предусмотрено конституцией; 2) производные конституционные пределы, которые устанавливаются кем-либо на основании конституции. Он также упоминает конституционные принципы в качестве границ конституционных прав[246].

Данное концептуальное видение пределов конституционных прав может быть распространено на понимание границ пассивного избирательного права. Идеи немецкого ученого во многом созвучны приведенной выше позиции Б.С. Эбзеева и его единомышленников в части понимания пределов прав. Однако Р. Алекси допускает установление пределов конституционных прав вне

---

[244] Как было показано выше, конституционная связь активного и пассивного избирательного права демонстрирует взаимное наложение различных видов связей, в числе которых: связь-объединение; причинная связь; связь состояний; соответствие между следствиями одной причины; соответствие между следствием разных причин (см. подробней: параграф 1 главы 1 настоящего исследования).

[245] Alexy R. Theory of constitutional rights. Oxford Univ. Press, 2002. P. 178–201.

[246] Ibid.

конституции – актами боле низкого уровня (как и некоторые другие отечественные правоведы), в то время как Б.С. Эбзеев и авторы, разделяющие его взгляды на рассматриваемую проблему, сводят эту возможность исключительно к конституционному регулированию.

Полагаем, что это принципиальное разногласие межу сторонниками и противниками признания допустимости выражения пределов основных прав и свобод человека и гражданина, включая пассивное избирательное право, наряду с Конституцией, актами законодательства, должно быть решено в пользу отрицания такой возможности. Аргументы в данном случае могут быть следующие.

Пределы признаваемых и гарантированных Конституцией Российской Федерации прав человека и гражданин, являются его неотъемлемым элементом, определяют его объем. Он теснейшим образом связан с конституционным смыслом, заложенным конституционным законодателем в то или иное право, зафиксированное в Основном законе, в то значение, в котором Конституция это право гарантирует[247]. Следовательно, в целях полноты, целостности (компонентной достаточности[248]) и завершенности конституционной конструкции того или иного основного права человека и гражданина его пределы должны быть зафиксированы в Конституции и только в ней.

Рассредоточение функции выражения границ права между Основным законом и законодательством, во-первых, нарушает баланс в соотношении конституционного и законодательного регулирования, не учитывает границы их предмета, сферы и пределов[249]. По существу, речь идет о вторжении законодателя в область «регулятивной монополии» Конституции, что не соответствует ее природе, роли и значению в конституционном правопорядке современной России. Во-вторых, это снижает уровень гарантированности соответствующих прав личности. В-третьих, рассматриваемое допущение не имеет никакого резона, т.к.

---

[247] Конституция гарантирует избирательное право в значении всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

[248] См.: Хвалев С.А. Указ. соч. С. 5.

[249] О сфере и пределах правового регулирования см. подробней: Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38-44.

законодатель и правоприменитель обязаны придавать отраслевым нормам конституционный смысл[250], а значит будут вынуждены дублировать конституционные положения в актах текущего законодательства, что давно признано в доктрине нежелательным явлением[251].

Как было отмечено, активное и пассивное избирательное право являются атрибутивным свойством гражданина как сочлена государства и носителя частицы учредительной власти народа, легитимирующей саму организацию государства и принципы его деятельности, а также персональное «наполнение» избираемых народом государственных институтов[252]. Они относятся к основным правам и свободам, носят всеобщий и равный характер, являются непосредственно действующими и составляют важнейший элемент конституционного статуса гражданина в демократическом правовом государстве. Конституционная связь активного и пассивного избирательного права в ее разновидностях (которая была подробно охарактеризована в первом параграфе первой главы настоящего исследования) образует в том числе пределы пассивного избирательного права. Эта связь фундаментальна и не проистекает из актов текущего законодательства.

Наконец, еще одним доводом в поддержку выдвинутого нами тезиса является констатация факта отсутствия практических подтверждений предположения о том, что пределы основных прав (в рассматриваемом значении), включая активное и пассивное избирательное право, определены законом или иным нормативным правовым актом.

Завершая рассмотрение вопроса о пределах, сформулируем следующие выводы.

---

[250] См.: Гаджиев Г.А. Конституционность норм гражданского права (теоретические основы решений Конституционного Суда Российской Федерации) // Российский юридический журнал. 1997. № 3. С. 3–4.

[251] См., например: Конституция, закон, подзаконный акт / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юридическая литература, 1994; Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / пред. ред. кол. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020.

[252] См.: Должиков А.В. Указ. соч. С. 13.

1. В доктринальном понимании пределов пассивного избирательного права можно выделить несколько направлений их концептуализации, базовыми идеями (по оглашению или по умолчанию) которых являются:

отождествление пределов пассивного избирательного права с избирательными цензами;

формирование представления о них на основе целей, ради которых согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина;

идентификация в качестве упомянутых пределов совокупности предоставленных Конституцией и законодательством обладателю пассивного избирательного права конкретных правомочий, за рамками которых индивид не может его осуществить;

усмотрение пределов пассивного избирательного права в зафиксированных в Конституции границах признаваемой и защищаемой Основным законом свободы обладателей этого права, образуемых его нормативным содержанием, составом правомочий.

2. Ключевыми развилками в понимании и характеристике пределов пассивного избирательного права является интерпретация:

природы пассивного избирательного права;

места пределов пассивного избирательного права в понятийно-категориальном аппарате доктрины конституционного права;

сущности и юридической формы его пределов;

предназначения пределов пассивного избирательного права в конституционно-правовом регулировании избирательных правоотношений;

формально-юридических источников фиксирования соответствующих пределов.

3. Адекватная идентификация пределов пассивного избирательного права граждан Российской Федерации может быть осуществлена на основе приведенных доктринальных положений, сформулированных и обоснованных Б.С. Эбзеевым. В развитие этой позиции предлагается дополнить теоретические

построения этого ученого указанием на еще один конструктивный элемент рассматриваемых в настоящем параграфе пределов, а именно конституционную интегративную связь активного и пассивного избирательного права. При такой коррекции можно интерпретировать имманентные пределы пассивного избирательного права как зафиксированные в Конституции Российской Федерации, имманентно присущие конституционному праву на участие в выборах в качестве кандидата или избирателя, вытекающие из сущности субъективного избирательного права границы конституционно признаваемой и защищаемой свободы граждан, образуемые интегративной связью активного и пассивного избирательного права, его нормативным содержанием, составом образующих его правомочий.

2.2. Ограничения пассивного избирательного права

Как было отмечено ранее, юридическая конструкция пассивного избирательного права включает такой элемент, как ограничения этого права. Конституционное закрепление ограничений пассивного избирательного права имеет под собой глубокие объективные основания. В их числе природа свободы индивида в государственно организованном обществе, многовековой опыт развития ее государственно-правовой формы, диалектика индивидуального и коллективного в организации и функционировании социума, совместимость индивидуальной свободы и общего блага (блага для общества), а также необходимость их адекватного выражения в Конституции Российской Федерации и конституционном правопорядке[253]. Собственно, эти основания являются фундаментальным условием стабильности конституционного строя в целом, а также устанавливающей его Конституции[254]. К перечисленным основаниям

[253] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. С. 476.

[254] В конституционно-правовой доктрине принято различать конституционные ограничения и ограничения конституционных прав, которые соотносятся как общее и особенное и по-разному нормируются Конституцией и конституционным правом. Данное

следует добавить факт признания в практике российского конституционализма «относительного» («неабсолютного») характера избирательных прав и возможности их ограничения при соблюдении указанных в Основном законе критериев[255] и пределов[256].

В конституционно-правовой доктрине и практике конституционализма различные аспекты ограничений пассивного избирательного права стали предметом осмысления и острых научных дискуссий. Многие проблемы доктринального и практического характера по существу решены во многом благодаря деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и выработанным им правовым позициям. Дискуссии по нескорым вопросам, образующим проблемное поле ограничений пассивного избирательного права, продолжаются по настоящее время.

Проблематику ограничений пассивного избирательного права можно представить в следующем виде.

Прежде всего, стоит указать на проблему определения природы и сущности ограничений пассивного избирательного права. Она является относительно частной (точнее – специальной) в сравнении с проблемой более общего характера – определением природы и сущности ограничений прав человека и гражданина в целом. При этом для избирательных правоотношений и конституционного правопорядка (как, впрочем, и для настоящего исследования) ее решение с учетом выявления соотношения общего и особенного в рассматриваемых ограничениях, несомненно, имеет самостоятельное значение.

разграничение проведено на основании вывода о том, что Конституция не только предусматривает ограничения прав граждан, но и сама выступает способом ограничения государства и государственной власти и содержит обязанности (см.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. С. 477–478). В настоящем параграфе речь пойдет об ограничениях права – пассивного избирательного права.

[255] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[256] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

Между тем, в науке конституционного права «феноменология» ограничений пассивного избирательного права раскрывается посредством экстраполяции на них выводов, сформулированных в связи с разработкой фундаментальной темы ограничения основных права.

В юридической науке (как в общей теории права, так и в науке конституционного права, в том числе в доктрине избирательного права) природа и сущность рассматриваемого явления интерпретируются по-разному. Ограничения прав характеризуются правоведами как:

широкое понятие, охватывающее «умаление», «отрицание», «лишение» и «отмену» прав, по сути означающих ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина[257];

границы осуществления прав[258];

нормативное сужение круга возможностей субъекта права[259] (именуемые некоторыми учеными «законодательно определенными стеснениями правомочий субъекта»[260]), сужение одного или нескольких из правомочий, образующих нормативное содержание права[261];

---

[257] См.: Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36-47.

[258] См.: Конституционное право: словарь / отв. ред. В.В. Маклаков. М.: Юристъ, 2001. С. 302; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М.: ИНФРА•М–НОРМА, 1997. С. 241; Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13; Жилина М.Л. Конституционно-правовые ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 70; Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – 2. изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. С. 91; Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис…канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 44.

[259] См.: Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7; Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[260] См.: Снежко О.А. Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 36.

[261] См.: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 80.

сокращение сферы свободы[262];

специальные меры, создающие препятствия для реализации прав, гарантированных конституцией, в форме «непризнания», «приостановления» «лишения» прав, усложнения процедуры их реализации[263];

особые квалификационные требования или признаки, установленные конституцией и законами (Конституцией Российской Федерации и федеральными законами), которым должен соответствовать индивид для того, чтобы обладать и (или) пользоваться правом (в частности, избирательным правом)[264];

ограничение условий и пределов реализации закрепленной в праве свободы[265];

правовые условия и требования, которыми сужаются возможности граждан участвовать в выборах в качестве кандидатов вплоть до полной утраты права быть избранным[266];

механизм (один из механизмов) разрешения коллизий как между правами отдельных лиц, так и между правами и общим благом[267];

---

[262] См.: Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 42.

[263] См.: Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10; Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47.

[264] См.: Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Права и свободы человека и эффективные механизмы их реализации в мире, России и Татарстане: материалы международной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2013 г. Казань: Познание, 2014. С. 737; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / Отв. ред. А.А. Вешняков; Науч. ред. В.И. Лысенко. М.: Объединенная редакция МВД России, 2007. С. 103. Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права // Государство и право. 2014. № 3. С. 13.

[265] Кондрашев А.А. Указ. соч. С. 44-45; Белкин А.А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву. СПб.: Юрид. центр пресс, 2003. С. 204.

[266] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87.

[267] Троицкая А.А. Ограничение конституционных прав. URL: https://bigenc.ru/c/ogranichenie-konstitutsionnykh-prav-e15855?ysclid=m9cdqoz26q75031917 (дата обращения: 15.02.2025).

изъятия из конституционного статуса человека и гражданина, круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод, уменьшение объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю[268].

Анализ воззрений ученых показал, что практически все известные точки зрения, сформулированные в процессе выяснения природы и сущности ограничений основных прав человека и гражданина вообще и пассивного избирательного права в частности можно объединить в две большие группы. Водораздел между ними проходит по линии размежевания взглядов правоведов, идентифицирующих ограничения как составной элемент права, с одной стороны, и усматривающих в них допустимые исключения, с другой[269].

Автор настоящего исследования разделяет взгляды Б.С. Эбзеева и других правоведов (Н.С. Бондаря, В.И. Крусса, В.Е. Чурова и др.), подразумевающих под ограничениями основных прав допускаемые Конституцией Российской Федерации: 1) изъятия из конституционного статуса человека и гражданина; 2) изъятия из круга полномочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод (в нашем случае пассивного избирательного права); 3) уменьшение объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю[270]. Причины, по которым диссертант поддерживает данный

---

[268] См.: Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: материалы «круглого стола». С. 23–24; Эбзеев Б.С. Ограничения конституционных прав: понятие и пределы. С. 6; Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / Под ред. О.И. Тиунова. М.: НОРМА, 2005. С. 309-311; Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 31; Бажуков С.А. Указ. соч. С. 66; Малютин Н. С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 20–27; и др.

[269] См., подробней: Романовский В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7. № 4 (28). URL: http://esj.pnzgu.ru ISSN 2307-9525 (дата обращения: 05.05.2025). С. 16–21.

[270] См.: Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола». С. 24; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской

фундаментальный вывод, были указаны в предыдущем параграфе настоящего исследования (в ходе рассмотрения вопроса о пределах пассивного избирательного права и их соотношения с ограничениями), в котором также изложены аргументы в поддержку его научной состоятельности и практической значимости.

Соответственно, ограничение пассивного избирательного права автор настоящего исследования рассматривает как допускаемые Конституцией Российской Федерации изъятия из конституционного статуса гражданина состава правомочий, составляющих нормативное содержание пассивного избирательного права, уменьшение объема возможности выдвинуть свою кандидатуру на выборы в органы публичной власти, быть зарегистрированным кандидатом и быть избранным. Такого рода изъятия ведут к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности[271]. Данная черта ограничения пассивного избирательного права, отражающая причинно-следственную связь между его установлением и социально-значимым эффектом, может служить одним из ориентиров при определении соотношения ограничений этого права с избирательными цензами.

Диапазон научных воззрений на проблему соотношения ограничений избирательных прав и, в частности, пассивного избирательного права с

Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 191. С этой точки зрения исключение возможности участвовать в выборах для определенных категорий граждан посредством установленного в Конституции Российской Федерации соответствующего запрета, например, в отношении граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32 Конституции) ученые квалифицируют как ограничения избирательного права (см.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379-–385. Об ограничениях пассивного избирательного права см. также: Смирнова М.А. Эволюция ограничений пассивного избирательного права. URL: https://clck.ru/NM8dS; Фомин А.А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5(148). С. 29–38; и др.).

[271] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (п. 86). URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/32602/?ysclid=m8r24h4jof586272122 (дата обращения: 15.08.2025).

избирательными цензами довольно широк. Причиной данного обстоятельства служит многообразие точек зрения относительно интерпретации не только природы и сущности ограничений пассивного избирательного права, но и избирательных цензов. Последние определяются учеными как:

условия, допускающие человека к пользованию теми или иными политическими правами[272], специальные условия для получения или осуществления избирательных прав, устанавливаемые конституцией или избирательным законом[273];

ограничения права[274] («установленные законами ограничения избирательных прав граждан»[275]; «установленные законодательством ограничения активного и пассивного избирательного права, обусловленные теми или иными обстоятельствами»[276]);

условия и ограничения (система условий и ограничений), установленных для осуществления активного или пассивного избирательного права[277];

условия и запреты, нормирующие реализацию права избирать и права быть избранным[278];

---

[272] См.: Червонюк В.И**.** Конституционное право зарубежных стран: курс лекций: в 10 выпусках. Выпуск 5. Избирательное право / В.И. Червонюк, А.Ю. Мелехова, И.В., Калинский и др. / отв. ред. В.И. Червонюк. М.: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. С. 89.

[273] См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Рук. авт. колл, и отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2005. С. 416.

[274] Систематика и специальный анализ позиций по данному вопросу представлен в полезной работе: Выборы в мире: избирательные цензы / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2015.

[275] См.: Игнатенко В.В., Штурнев А.В. Словарь-справочник по избирательному праву. Иркутск: Иркутская государственная экономическая академия, 1998.

[276] См.: Дмитриев Ю.А., Исраелян В.Б. Избирательное право: Учебник. ЗАО «Юстицинформ», 2008.

[277] См.: Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2012. С. 176; Архирейская Т.Ю. Всеобщее избирательное право в системе принципов электоральной демократии // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА: Выпуск двенадцатый. Оренбург, 2010. С. 15; Игнатенко В.В. Избирательные цензы на выборах в Государственную Думу России: история и современность // Российское избирательное право: история и современность. 2006. № 2. С. 11.

[278] См.: Забайкалов А.П. Цензы, ограничивающие пассивное избирательное право, в законодательстве Российской Федерации // Конституционно-правовые механизмы защиты прав

условия, ограничения и имманентные пределы пассивного избирательного права[279];

избирательные квалификации, которые иногда подразделяются на цензы-квалификации (устанавливающие требования или условия) и цензы-дисквалификации (запрещающие)[280];

требования, которым должен удовлетворять гражданин, чтобы обладать избирательным правом[281];

форма ограничений права[282];

«цензовые ограничения»[283];

разрешение, допуск к реализации избирательных прав[284];

юридически установленные пределы избирательных прав[285];

подвид ограничений пассивного избирательного права, определяемый как ограничения, имманентно присущие этому праву[286].

В научной литературе встречаются также вариации приведенных позиций.

Таким образом, однозначного ответа на вопрос, что представляют собой избирательные цензы в юридической науке нет. Отсюда и отсутствие научного

человека и гражданина в России и мире: материалы международной научно-практической конференции. М.: Российский новый ун-т, 2019. С. 276.

[279] См.: Евтушенко С.М. Указ. соч. С. 89.

[280] См.: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 6; Выборы в мире: избирательные цензы / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров / под общ. ред. И.Б. Борисова. С. 18; Robertson James R., Spano Sebastian. Electoral Rights: Charter of Rights and Freedoms // [Электронный ресурс]. URL: https://goo-gl.ru/6kap (дата обращения: 13.03.2025).

[281] См.: Сравнительное избирательное право. Учебное пособие. М.: Издательство НОРМА, 2003. С. 28; Milena Tripkovic. Punishment and Citizenship: A Theory of Criminal Disenfranchisement. Oxford University Press, 2019. P. 141; Нудненко Л.А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М.: Норма, 2016. С. 68.

[282] Наряду с цензами выделяются такие формы ограничения права, как условия и оговорки (см.: Князев С.Д. Очерки теории российского избирательного права. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. С. 205).

[283] См.: Белоновский В.Н. Цензовые ограничения в избирательном праве по Конституции СССР 1936 года // Юриспруденция.2007. № 10. С. 161–184.

[284] См.: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ. С. 8.

[285] См.: Там же. С. 9.

[286] См.: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87.

консенсуса[287] по проблеме соотношения ограничений пассивного избирательного права и избирательных цензов.

Суть различий взглядов ученых состоит в том, что одни исследователи стремятся соединить ограничения избирательных прав и избирательные цензы, вплоть до их полного отождествления[288]. Другие, напротив, пытаются их развести (разграничить)[289]. Аргументация в обоих случаях выглядит не всегда убедительно. Например, в качестве доводов в поддержку тезиса о различии ограничений пассивного избирательного права и избирательных цензов приводится указание на то, что первые носят бессрочный, а вторые временный характер, одни носят «искусственный» (например, запрет избираться недееспособным гражданам), а другие естественный характер (например, достижение определенного возраста), широта усмотрения правоприменителя при установлении ограничений права и узость его дискреции в отношении цензов[290]. Данные аргументы, на наш взгляд,

---

[287] О значении научного консенсуса в правоведении см., например: Черногор Н.Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки. Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 96–108.

[288] Выборы в мире: избирательные цензы / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров / под общ. ред. И.Б. Борисова. С. 22.

[289] Некоторые правоведы настаивают на том, что «отличие избирательных цензов от ограничения избирательных прав заключается в том, что цензы – это общие условия для предоставления гражданам активного и пассивного избирательных прав, а ограничения представляют собой исключение возможности (запрет) избирать и быть избранными, специальные условия, стесняющие граждан в осуществлении права быть избранными на определенные должности» (см.: Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 25–28). См. также: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ. С. 10.

[290] Так, В.И. Червонюк, объясняя отличия цензов от ограничений, пишет: «Отмеченное отличие усматривается и в том, что, к примеру, избавиться от ценза все-таки можно: получить гражданство, образование, переехать на место жительства в избираемый округ, через определенное законом время погасить судимость и пр. При этом такое избавление возможно исключительно по воле носителя пассивного (или активного) избирательного права. Что же касается ограничения, то оно фактически и юридически не устранимо: действует безусловно, вневременно» (см., Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ. С. 10). Процитированные доводы, на наш взгляд, не в полной мере коррелируют с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П, в котором Суд признал положения Федерального закона от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”»,

могут быть поставлены под сомнение и натолкнуться на контраргументы. Впрочем, как и предложенный вариант размежевания ограничений права и цензов по принципу отнесения к первым условий осуществления права, а ко вторым – условий обладания им[291]. Основанные на них выводы не находят подтверждения результатами толкования Конституции Российской Федерации, в том числе, содержащимися в актах Конституционного Суда Российской Федерации, а также доктринальных источниках, что будет показано при дальнейшем рассмотрении проблематики ограничения пассивного избирательного права.

Представляется, все попытки демаркации линии размежевания в доктрине ограничений пассивного избирательного права и избирательных цензов проистекают из некорректного применения категорий диалектики, таких как «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», «общее» и «особенное». Как было отмечено ране, указание в актах высших судов Российской Федерации[292], хотя и косвенное, на причинно-следственную связь между установлением ограничения пассивного избирательного права и социально-значимым эффектом от этого установления служит предпосылкой для формулирования вывода о том, что избирательные цензы являются ничем иным, кроме как формой или способом установления ограничения рассматриваемого права. Цензы – суть ограничения пассивного избирательного права, т.к. они «ведут к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие

устанавливающие бессрочное ограничение пассивного избирательного права для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, не соответствующими Конституции Российской Федерации. Она нашла отражение в п. 3.2 и 3.3. ст. 4 Федерального закона № 67 ФЗ. Впрочем, это не колеблет тезис процитированного правоведа о том, что «временные его (ограничения – примечание автора – Л.М.) сроки могут быть определены, и тогда ограничение действует в течение этого времени» (Червонюк В.И. Указ. соч. С. 10).

[291] См., например: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 88.

[292] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (п. 86). URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/32602/?ysclid=m8r24h4jof586272122 (дата обращения: 15.08.2025).

выборной публичной должности»[293]. Понятие ограничения пассивного избирательного права является родовым по отношению к избирательным цензам[294]. Способы установления и формы ограничения (в значении изъятия права из конституционно-правового статуса гражданина или правомочия из нормативного содержания субъективного права) могут быть различными. Их разнообразие отчетливо проявляется при рассмотрении ограничений пассивного избирательного права сквозь призму, во-первых, доктринальных воззрений на природу и сущность целей и средств в праве[295], во-вторых, юридической техники установления рассматриваемых ограничений (от прямого исключения из числа лиц, имеющих права быть избранными, определенных категорий граждан, например, как это сделано в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, до предъявлений определенных требований (избирательных квалификаций), которым должен удовлетворять кандидат на выборную должность, например, тех, которые зафиксированы в ч.ч. 2 и 3 ст. 81 Конституции, или прямого запрета быть выдвинутым в качестве кандидата на выборы, содержащегося в п.п. 4, 5.1, 5.2, 6 ст. 32 Федерального закона № 67-ФЗ). С этой точки зрения представляются продуктивными идеи использования термина «цензовые ограничения», подчеркивающий специфику формы сущностно и содержательно целостного явления, именуемого ограничением права[296], а также отнесения к ограничениям всех известных российскому правопорядку, юридической доктрине и практике избирательных цензов («возрастной ценз, ценз гражданства, ценз здоровья (дееспособности), ценз оседлости, ограничения, связанные с совершением определенных уголовных преступлений (криминальный ценз) и

---

[293] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 24.

[294] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 94.

[295] См., например: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 2–19; Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2001; Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: РАН. Сарат. фил. Ин-та гос-ва и права, Сарат. гос. акад. права. 2003; Шершеневи Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 10. 54, 57. 89 и др.

[296] См.: Белкин А.А. Указ. соч. С. 204–205.

административных правонарушений экстремистской направленности, неизбираемость и другие»[297]).

Следует оговориться относительно упоминания в приведенном перечне цензовых ограничений так называемой неизбираемости. В специальных исследованиях прослеживается неопределенность в доктринальной идентификации этого явления. В зарубежной доктрине его именуют «неизбираемость» (*inéligibilité*) и (или) «несовместимость» (*incompatibilité*)[298]. Например, Георг Мейер характеризует его как ограничение пассивного избирательного права[299]. В работах отечественных юристов неизбираемость трактуется как один из избирательных цензов[300]. Конституционный Суд Российской Федерации выразил принципиально иную позицию по этому вопросу, указав, что запреты на совмещение (одновременное исполнение) публично-властных полномочий для депутатов представительной власти на федеральном, региональном[301] и муниципальном уровнях, так же как и совмещение депутатских полномочий с занятием выборной должности, не ограничивают право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, т.к. при этом отсутствуют препятствия для проявления гражданином свободы воли при реализации своего пассивного избирательного права в процессе формирования органов публичной власти[302]. Этот вывод органа

---

[297] Филатова А.О. Указ. соч. С. 36.

[298] Избираемость и несовместимость некоторыми правоведами рассматриваются как различные самостоятельные явления (см., например: Макарцев А.А. Ограничение субъективного избирательного права в странах-участниках Евразийского экономического Союза: общее и особенное // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3(25). С. 88–101.

[299] Избирательное право / Георг Мейер; с предисл. издателя и Георга Иеллинека [ко 2-й ч.]. М.: В.М. Саблин, 1905–1906. Т. 2. С. 46.

[300] См., например: Khudoley D.M. The basic principles of suffrage // Modern science. Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2018. № 4–2. С. 53; Филатова А.О. Указ. соч. С. 36.

[301] В данном случае имеется в виду уровень субъектов Российской Федерации.

[302] См. определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 7 мая 1998 г. № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налетова Виталия Иннокентьевича на нарушение его конституционных прав Законом Кемеровской области “О статусе депутата Законодательного Собрания Кемеровской области”» (текст Определения официально опубликован не был); от 20 февраля 2003 г. № 41-О «По запросу судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда о проверке конституционности

конституционного контроля, который не встречает возражений с доктринальной точки зрения, по крайней мере со стороны автора настоящего исследования, создает основания для вывода о различной природе ограничения пассивного избирательного права, его форм, с одной стороны, и феномена неизбираемости (одноименного института), с другой стороны, соответственно, об ошибочности его отнесения к ограничениям рассматриваемого права.

В конституционно-правовой науке встречаются попытки обоснования самостоятельности таких явлений как «лишение» пассивного избирательного права и его «приостановление», а также включения в ее понятийно-категориальный аппарат данных терминов с целью размежевания указанных явлений с ограничениями права. Идея самобытности природы «лишения» пассивного избирательного права обосновывается посредством обращения: 1) к конституционному наследию России, в частности, к ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г., ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г.[303]; 2) к нормам действующих Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих в качестве вида наказания лишение права занимать определенные государственные и муниципальные должности; 3) к нормам Федерального закона № 67-ФЗ (п. 7 ст. 4). «Приостановление» рассматриваемого права адепты данного концепта отграничивают от «лишения» посредством указания на временный характер, «временную невозможность осуществления лицом субъективного избирательного

положений статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации», а также пунктов 1 и 4 статьи 56 Устава (Основного Закона) Челябинской области» (текст Определения официально опубликован не был).

[303] Хотя довод сомнительный. В указанных положениях Основных законов РСФСР 1918 г. и 1925 г. прямо не заявлено о лишении. В терминологии современной конституционной доктрины в них установлено ограничение права. Если расценивать их как «лишение» права, то с таким же успехом можно утверждать, что норма ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации 1993 г. содержит положение о лишении избирательных прав отдельных категорий граждан, что не соответствует выводам субъекта официального толкования Основного закона России, выраженным в соответствующих актах.

права…»[304]. Исходя из постулирования единства Конституции Российской Федерации, необходимости рассмотрения в единстве ее норм, особенно в случаях, касающихся прав человека и гражданина, что неоднократно подчеркивал в своих правовых позициях Конституционный Суд Российской Федерации[305], можно сделать вывод о несостоятельности попыток постулирования в доктрине возможности лишения гражданина пассивного избирательного права, как одного из основных прав, имеющих конституционное признание, закрепленное и охраняемое Конституцией. Важным аргументом в этом плане служит содержание ч. 2 ст. 17 Конституции, в которой прямо указано, что основные права и свободы человека неотчуждаемы. Апеллирование к ст. Уголовного кодекса Российской Федерации и п. 7 ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ для аргументации иного утверждения не делает ее убедительной, т.к. в нормах этих законов речь идет, по сути, о временном исключении гражданина, в отношении которого вступило в силу решение суда о лишении права занимать государственные и (или) муниципальные должности. Только в течение определенного срока гражданин не может быть зарегистрирован в качестве кандидата. Такой же вывод следует относительно проведения различия между ограничением данного права и его «приостановлением». Автор настоящего исследования поддерживает точку зрения Я.Д. Авилова, согласно которой сущностные характеристики ограничения права быть избранным, предлагаемого некоторыми авторами института «приостановления избирательного права», идентичны, т.к. «и в том, и в другом случае в конечном итоге лицо теряет возможность полноценной реализации своего пассивного избирательного права. В случае ограничений такая ситуация может либо полностью, либо частично исключать возможность участия в выборах в качестве кандидата»[306].

В контексте идентификации ограничений пассивного избирательного права

---

[304] Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права // Государство и право. 2014. № 3. С. 13.

[305] См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2004 г. № 17-П // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4948; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

[306] Авилов Я.Д. Указ соч. С. 93.

возникала потребность в установлении их соотношения с так называемыми регулирующими требованиями («специальными условиями правопользования», «регулирующими условиями правопользования»[307]), устанавливаемыми законодательством[308]. Проблема в свое время вышла за пределы сугубо научного дискурса и нашла решение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, хотя некоторые авторы продолжают отстаивать точку зрения, отличную от позиции Суда[309].

Так, Конституционный Суд Российской Федерации признал допустимость специальных условий правопользования, в равной мере распространяющихся на всех кандидатов: требование о представлении избирательных документов,

---

[307] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. С. 300, 307.

[308] Судебная практика свидетельствует о том, что эти условия играют значительную роль в деле организации и проведения выборов в Российской Федерации, широко применяются как в деятельности избирательных комиссий, так и в процессе защиты гражданами пассивного избирательного права. См., например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации» от 31 марта 2011 г. № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3); Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.); Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.); Извлечение из Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г.; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2019 г. № 117-АПА19-9; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2019 г. № 83-АПА19-22; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. № 3-ИКАД20-1-А2; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2019 г. № 78-АПА19-70; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 92-АПА19-18; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2019 г. № 78-АПА19-58; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № 55-АПА19-9; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 83-АПА19-24 (см.: Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021); Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2025 г. № 88а-22787/2025 по делу № 2а-1045/2025; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2025 г. № 91-ИКАД25-1-КЗ; и др..

[309] См.: например: Филатова А.О. Указ. соч. С. 36; Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87.

необходимых для регистрации кандидата; положение о необходимости создания избирательных фондов для обеспечения контроля за финансированием выборов, пополняемых в том числе за счет средств, которые выделены избирательной комиссией; конституционно допустимые условия избирательного залога[310], ограниченного партийного представительства, необходимости сбора подписей избирателей при выдвижении кандидатуры на выборах и некоторые другие. По своей конституционно-правовой природе, согласно позиции Суда, они только регулируют процесс пользования этим правом[311].

Противоположное мнение отстаивает Я.Д. Авилов, который включает в систему ограничений пассивного избирательного права[312] «условные (опциональные)» ограничения, понимаемые им как вытекающие из норм избирательного законодательства и поведения кандидата условия реализации пассивного избирательного права (необходимость поддержки выдвижения кандидата посредством сбора подписей и др.)[313]. К таковым он относит: «сбор подписей избирателей, муниципальных депутатов и глав муниципальных образований; соблюдение порядка надлежащего оформления избирательных документов, в том числе подписных листов, сведений о доходах, расходах, имуществе и персональных данных кандидата (фамилия, имя, отчество, дата рождения, место работы, образование); сроки избирательной кампании»[314].

В качестве специальных ограничений пассивного избирательного права А.О. Филатова рассматривает установленные государством особенности

---

[310] Избирательный залог был предусмотрен законодательством на момент вынесения Конституционным Судом Российской Федерации решения, содержащего соответствующую правовую позицию, а положения о нем становились предметом рассмотрения Суда.

[311] См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 1997 г. № 9-П; от 27 апреля 1998 г. № 12 -П. В то же время установление законодателем субъекта Российской Федерации дополнительных, противоречащих федеральным гарантиям и стандартам условий приобретения пассивного избирательного права на уровне субъекта Российской Федерации было обоснованно признано нарушением требований конституционного равенства.

[312] Согласно воззрениям Я.Д. Авилова «систему ограничений пассивного избирательного права образуют условные (опциональные) ограничения и избирательные цензы» (см.: Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87).

[313] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87, 94.

[314] Там же. С. 87.

проведения выборов: «применение той или иной избирательной системы, проведение выборов в единый день голосования, применение системы «праймериз» или иной формы выдвижения кандидата избирательным объединением, внесение избирательного залога, сбор подписей избирателей, применение муниципального фильтра, использование заградительного барьера для политических партий при пропорциональной избирательной системе, применение графы «против всех» и другие»[315].

Такая расширительная интерпретация ограничений пассивного избирательного права, во-первых, не коррелирует с принятым нами за основу пониманием ограничения пассивного избирательного права, во-вторых, создает риск отождествления ограничений со всем правовым инструментарием и юридическими механизмами регулирования избирательного процесса, осуществляемого законодателем в пределах своих конституционно установленных дискреционных полномочий, в-третьих, не учитывает аргументацию Конституционного Суда Российской Федерации[316] (а также

---

[315] Филатова А.О. Указ. соч. С. 36.

[316] См.: приведенные выше правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, а также постановления Конституционного Суда Российской Федерации: от 10 июня 1998 г. № 17-П; от 16 июля 2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона “О политических партиях” в связи с жалобой политической партии “Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов”» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3989; от 9 ноября 2009 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова» // СЗ РФ. 2009. № 47. Ст. 5709; от 17 ноября 1998 г. № 26-П; от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480. См., также определения Суда: от 15 ноября 2007 г. № 845-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гришкевича Владимира Филиповича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2008. № 3; от 18 декабря 2007 г. № 920-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Валерия Валентиновича на нарушение его конституционных прав положениями Федеральных законов “О выборах

нормативное и методологическое значение его позиций), убедительно, на наш взгляд, основавшего иную природу явлений, именуемых упомянутыми выше правоведами «условными (опциональными)» или «специальными» ограничениями». В связи с этим полагаем, что перечисленные в приведенных цитатах Я.Д. Авилова и А.О. Филатовой правовые явления следует рассматривать в качестве условий реализации пассивного избирательного права[317], которые, кроме прочего, маркируют пределы его осуществления. Данный вывод во многом созвучен идее Д.И. Митюшева, настаивающего на существовании принципиального различия понятий «ограничения избирательного права» и «условия реализации избирательного права». К первым, по его мнению, следует отнести только установленные законодательством о выборах избирательные цензы (возрастной, оседлости, гражданства и т.п.), а ко вторым – предусмотренные законодательством действия (процедуры), которые необходимо совершить (реализовать) обладающему пассивным избирательным правом гражданину для того, чтобы избраться в органы государственной власти, органы местного самоуправления[318].

Следующие два взаимосвязанных вопроса, относительно ответа на которые в конституционно-правовой науке шли дискуссии, состоят в признании или

депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” и “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)”» // «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2008. № 5 (спец. выпуск); от 18 декабря 2007 г. № 921-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Приятельчука Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 4, 7 и 37 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии». 2008. № 5 (спец. выпуск).

[317] Конкретный набор условий реализации пассивного избирательного права зависит от уровня и вида выборов, а также от способа выдвижения гражданина в качестве кандидата: непосредственное выдвижение, выдвижение в составе списка кандидатов (см.: Митюшев Д.И. К вопросу об условиях реализации пассивного избирательного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 123-124.

[318] Все предусмотренные законодательством о выборах условия реализации гражданином пассивного избирательного права Д.И. Митюшев предложил подразделить на условия: 1) выдвижения гражданина в качестве кандидата; 2) регистрации гражданина в качестве кандидата; 3) признания гражданина избранным кандидатом (см.: Митюшев Д.И. Указ. соч. С. 124).

отрицании допустимости расширительного толкования нормы ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации[319], а именно перечня ограничений пассивного избирательного права, а также правомерности установления ограничения пассивного избирательного права другими нормативно-правовыми актами помимо Конституции, в частности, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Дискуссия по этим вопросам, так же как и по рассмотренным выше, вышла за рамки сугубо научной полемики и нашла отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации. При выяснении смысла конституционной нормы, содержащейся в ч. 3 ст. 32 Конституции, согласно которой не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, Суд пришел к выводу, что данное конституционное положение «не дает ни прямых указаний, ни оснований к такому его истолкованию, которое полностью

[319] В ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации установлены два ограничения избирательного права, согласно которым не имеют права быть избранными граждане, признанные судом недееспособными и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Их закрепление непосредственно в Конституции, к тому же в Главе 2 (имеющей «жесткий порядок изменения) означает, что они имеют высшую юридическую силу и не могут быть отменены или «понижены в статусе» законодателем, т.к. их цель и соразмерность уже определены в духе общего установления допустимости ограничений прав и свобод человека (ч. 3 ст. 55 Конституции). Данное конституционное регулирование имеет важное значение в условиях расширения в мире идейной поддержки наделения избирательными правами людей с ограниченными интеллектуальными возможностями. Согласно отчету об ограничениях права голоса на основе правоспособности в Европейском Союзе (Elect and be elected. The right of people with intellectual disabilities to vote and to stand for elections // URL: https://www.inclusion-europe.eu/elect-and-be-elected-report-on-right-to-vote-limitations-based-on-legal-capacity-in-the-eu/ (дата обращения: 15.02.2025) по состоянию на 2019 год право баллотироваться на выборах лиц, находящихся под опекой, существует: в 9 странах без ограничений (Австрия, Дания, Финляндия, Италия, Латвия, Мальта, Испания, Швеция, Великобритания); в 7 странах с определенными ограничениями (Бельгия, Чехия, Эстония, Венгрия, Ирландия, Литва, Нидерланды); в 12 странах это запрещено (Болгария, Хорватия, Кипр, Франция, Германия, Греция, Люксембург, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения). Комиссар Совета Европы по правам человека раскритиковал существующие ограничения избирательных прав людей с ограниченными интеллектуальными возможностями и заявил, что они противоречат самым фундаментальным ценностям современных демократий: плюрализму, разнообразию и инклюзивности.

исключало бы иные ограничения избирательного права федеральным законом»[320]. «Ограничения конституционного права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, ведущие к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности, могут устанавливаться федеральным законом на основе вытекающих из Конституции Российской Федерации критериев с учетом основных принципов и норм международного права… и при соблюдении на каждом конкретном этапе развития российской государственности баланса конституционно защищаемых ценностей»[321]. Избирательные права в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[322].

Противоположную точку зрения выразил А.Л. Кононов в своем Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации при рассмотрении жалобы гражданина В.В. Кара-Мурзы[323]. Его позиция состоит в том, что конституционная норма, закрепленная в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, будучи специальной, содержит исчерпывающий перечень ограничений активного и пассивного избирательных прав и никаких иных ограничений этих прав не допускает (в отличие от ст. ст. 25, 29, 34, 35, 36 и др. Конституции Российской Федерации, данная норма не содержит ссылок на

---

[320] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июня 2010 г. № 757-О-О // Вестник Центризбиркома Российской Федерации. 2010. № 7. 2010.

[321] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[322] Там же. См. также: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

[323] См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

федеральный закон, который мог бы устанавливать иные не перечисленные в ч. 3 ст. 32 ограничения избирательных прав). Следовательно, она не допускает в регулировании избирательных прав применения общих положений ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации о возможности их ограничения федеральным законом[324].

Такое ограничительное толкование нормы ч. 3. ст. 32 Конституции и сопровождающие его доводы не получили широкой поддержки в юридическом сообществе[325]. Большинство правоведов поддерживают вывод и аргументацию Суда. Например, В.А. Черепанов обратил внимание на связь смыслов ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 32 Конституции как соотношения общей нормы, применяемой ко всем конституционным правам и свободам человека и гражданина, в том числе и к избирательным правам, с одной стороны, и специального запрета на осуществление избирательного права отдельными категориями граждан, с другой стороны. В частности, ученый, опираясь на правовую позицию Суда пишет: «положения ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации содержат не специальную норму как исключение из общего нормативного правила, предусмотренного ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а специальный запрет на осуществление избирательного права, «который ввиду его особой значимости выделен конституционным законодателем как отдельный случай ограничения конституционного права»[326], т.е. этот специальный запрет выделен конституционным законодателем ввиду его особой значимости из других ограничений, которые могут быть установлены федеральным законодателем»[327]. Из этого, по мнению процитированного правоведа, следует, что к данной ситуации не применим принцип “Lex specialis derogat generali”, согласно

---

[324] Там же.

[325] Хотя есть сторонники этой точки зрения (см., например: Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 25–28).

[326] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[327] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права // Государство и право. 2025. № 12. С. 48. (47–54).

которому в случае конкуренции норм общего (generalis) и специального (specialis) характера предпочтение при толковании и применении должно отдаваться специальным нормам[328].

Приведенная позиция выглядит убедительной и не встречает возражений ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Она прочно закрепилась в практике российского конституционализма и конституционном правопорядке, которые не проявляют предпосылок к ее пересмотру (во всяком случае, к настоящему времени).

Следует обратить внимание на тот факт, что пассивное избирательное право (как и активное) может быть ограничено только федеральным законодателем. Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что законы субъекта Российской Федерации[329], на основе которых проводятся выборы в их органы государственной власти и органы местного самоуправления и обеспечиваются избирательные права граждан применительно к данным видам выборов, выступают в качестве конкретизирующего нормативного регулятора избирательных прав граждан, реализуемых ими при организации и проведении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации и органы местного самоуправления[330]. Такое регулирование не является регулированием прав и свобод человека и гражданина в смысле статьи 71 (п. «в») Конституции Российской Федерации, оно носит вторичный характер и производно от базового, устанавливаемого в соответствии с принципом единства системы правового регулирования избирательных прав, вытекающим из ее статей 4 (ч. 2), 15 (ч. 1), 32 (ч. 1 и 2), 71 (п. «в»), 72 (п. «б» ч. 1) и 76, Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, в частности Федеральным

---

[328] Там же.

[329] О законодательстве субъектов Российской Федерации см.: Дудко И.Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Вопросы теории. Дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.

[330] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К.С. Янкаускаса» // СЗ РФ. 2015. № 52(Ч. 1). Ст. 768.

законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [331].

Необходимые параметры ограничений пассивного избирательного права определены в Конституции и в систематизированном виде сформулированы в судебно-правовой доктрине, выработанной Конституционным Судом Российской Федерации. Ограничения пассивного избирательного права устанавливаются (могут устанавливаться впредь) федеральным законом: 1) на основе критериев, вытекающих из Конституции Российской Федерации; 2) с учетом основных принципов и норм международного права; 3) при соблюдении пределов ограничения данного права, гарантированных правозащитными механизмами, прежде всего национальными.

В числе упомянутых критериев Суд назвал: «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17); все равны перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19); в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55); права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя,

---

[331] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности подпункта “л” пункта 25 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области “О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области” в связи с жалобой общественного объединения “Политическая партия “Союз правых сил”» // СЗ РФ. 2008. № 11 (Ч. II). Ст. 1073.

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55)»[332].

Основные принципы и нормы международного права, подлежащие учету при осуществлении ограничения пассивного избирательного права, зафиксированы в международно-правовых актах, в числе которых: Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Конвенции ООН против коррупции и против транснациональной организованной преступности, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и др.

Что же касается пределов ограничения пассивного избирательного права, то они, так же как и вышеназванные критерии, закреплены в Конституции и сформулированы в этом качестве в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, выработанных в разные годы[333]. Изначально они были связаны с решениями конкретных конституционных споров (связанных не только с нормоконтролем в области регулирования избирательных правоотношений), но впоследствии приобрели общенормативный характер и методологическое значение как для реализации дискреции законодателя в области ограничения прав человека и гражданина, так и для нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации.

Суд в своем Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П обобщил ранее сформулированные им правовые позиции и указал, что: «ограничения конституционных прав… должны быть необходимыми и соразмерными

---

[332] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

[333] См: постановления Конституционного Суда Российской Федерации: от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764; от 27 апреля 1998 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан “О Президенте Республики Башкортостан” (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан “О выборах Президента Республики Башкортостан”» // СЗ РФ. 1998. № 18. Ст. 2063; от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; с тем, чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально-определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»[334]. Принимая во внимание общий, «универсальный» для российского правопорядка характер приведенных правовых позиций Суда, можно утверждать, что они

[334] См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

относимы и применимы к установлению и оценке ограничений пассивного избирательного права[335].

Юридическая наука восприняла правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (а в каком-то смысле, выступила источником их формирования). Правоведы фокусируют внимание преимущественно на двух из перечисленных пределах ограничения прав[336] (некоторые ученые называют их критериями[337]), считая их основными: соразмерности (пропорциональности) ограничения права конституционно закрепленным целям и запрет на вторжение в существо права[338].

В зарубежной[339] и в отечественной[340] доктрине и практике[341] существуют своего рода методики определения (схемы проверки) соразмерности ограничения

---

[335] См. также: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 1710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлосберга Льва Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”»; от 28 июня 2022 г. № 1711-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузьмина Николая Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» (см.: Афанасьев С. Обзор правовых позиций в определениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 189–196).

[336] См. Таева Н.Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9(34). С. 1080–1088.

[337] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права С. 49.

[338] См.: Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: ОАО «Издательский дом “Городец”»; Формула права, 2003. С. 167–169; Конституционное законодательство России / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец: Формула права, 1999. С. 74, 75; Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. С. 71–82; Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 15.

[339] См., например: Alexy R. Theory of Constitutional Rights. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 102; Aleinikoff T.A. Constitutional Law in the Age of Balancing. Yale Law Journal. 1987. Vol. 96, № 5. P. 975; Barak A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge studies in constitutional law; 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 308-309; Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence. University of Toronto Law

права конституционно закрепленным целям. Генеральная идея, объединяющая их, состоит в том, что законодатель должен соотнести защищаемые конституционные цели и само право, подлежащее ограничению ради этих целей, оценив, во-первых, подходит ли проектируемая мера, устанавливающая ограничения прав человека, для достижения той или иной цели; во-вторых, является ли она необходимой для достижения этой цели; в-третьих, не избыточно ли она обременяет человека в сравнении с благами, которыми призвана обеспечить[342]. «Определение соразмерности между степенью ограничения права и защитой указанных в ч. 3 ст. 55 конституционных ценностей, – пишет В.В. Лапаева, – означает необходимость: а) выразить эти ценности через соответствующие им права человека, т.е. показать, какие именно права человека будут нарушены, если эти конституционные ценности не будут защищены; б) доказать, что эти ценности не могут быть защищены иным путем, не предполагающим ограничение рассматриваемых прав человека»[343]. Поддерживая выводы В.В. Лапаевой, В.А. Черепанов настаивает на том, что федеральный законодатель, ограничивая тем или иным образом избирательные права граждан, должен доказать реальную

Journal. 2007. Vol. 57, № 2. P. 383-397; Sweet A.S. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism. Columbia Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 47. P. 72-164; Государственное право Германии. В 2-х т. / Пер. с нем.; редкол.: Б.Н. Топорнин (отв. ред.), Б.М. Лазарев, Ю.П. Урьясотв. ред. Б.Н. Топорнин. Т. 2. М.: ИГПАН, 1994. С. 237; Цикаракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2(81). С. 57–66; Шлинк Б. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 57–62; и др.

[340] См., например: Троицкая А.А. Ограничение конституционных прав. URL: https://bigenc.ru/c/ogranichenie-konstitutsionnykh-prav-e15855 (дата обращения: 15.02.2025); Лапаева В.В. Указ. соч. С. 17; Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права С. 49.

[341] Конституционный Суд Российской Федерации использует опыт Европейского Суда по правам человека (см., например: постановление от 10 октября 2013 г. № 20-П), в практике которого при оценке ограничений пассивного избирательного права применяется метод «взвешивания» интересов с целью соблюдения конституционного баланса публичных и частных интересов, а также так называемый тест на пропорциональность – т.е. на соответствие ограничения права конституционно значимой цели повышения конституционной ответственности (см.: «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейт (Clerfayt) против Бельгии». Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 г. (жалоба № 9267/81). URL: https://www.eods.eu/elex/uploads/files/57cd780a57125-Mathieu-Mohin%20and%20Clerfayt%20v.%20Belgium.pdf

[342] Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? С. 51.

[343] Лапаева В.В. Указ. соч. С. 17.

угрозу конституционным ценностям в случае, если такие ограничения не будут законодательно установлены[344]. Этот тезис несет значительный потенциал конституционной законности, из которого вытекает вывод, что законодатель уже на стадии принятия закона должен доказывать необходимость ограничения права. Но в реалиях российского правопорядка обязанности федерального законодателя делать это всякий раз, когда принимается федеральный закон, содержащий нормы, ограничивающие, в пределах дискреции законодателя, права человека и гражданина, не существует. Такое доказывание может быть осуществлено в рамках предварительного или последующего нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, которое производится только в случаях, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Оно не является «сквозным» для всех федеральных законов и их проектов и обязательным для законодателя[345]. На системной основе эту обязанность практически исполняют разработчики законопроектов (например, федеральные министерства, разрабатывающие проекты федеральных законов согласно планам законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации[346]) и субъекты законодательной инициативы, в том числе в пояснительной записке к законопроекту и при его обсуждении в рамках парламентских процедур (например, на заседаниях Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и ее комитетов).

При доктринальной характеристике запрета на посягательство (вторжение) в существо права правоведы, как и Конституционный Суд[347], исходят из того, что законодательное ограничение избирательного права (даже соразмерное

---

[344] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права. С. 49.

[345] См., подробней: Лазарев В.В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве: судебные речи. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2015.

[346] Такое доказывание происходит, например, на заседаниях Комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности.

[347] См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2003 г. № 15-П; от 22 июня 2010 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

конституционным ценностям) не может быть беспредельным. В.А. Черепанов по этому поводу пишет: «должен оставаться какой-то минимум правомочий, составляющий его содержание». При дальнейшем сокращении правомочий утрачивается основное содержание избирательного права, количество в буквальном смысле переходит в качество: *происходит вторжение в существо избирательного права.* Применительно к пассивному избирательному праву полагаем, что вторжение его в существо имеет место тогда, когда ограничение избирательных прав достигает такой степени, что гражданин утрачивает реальную возможность быть избранным, хотя с точки зрения законодателя подобное ограничение может считаться соразмерным, скажем, такой конституционной ценности, как безопасность государства»[348].

Таким образом, можно констатировать, что проблема определения юридических параметров ограничений пассивного избирательного права в теории и практике российского конституционализма к настоящему времени решена. Проблемное поле конституционно-правовой науки в этой части образуют вопросы применения этих параметров в законотворческой практике. Если сформулированные в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и в конституционно-правовой науке пределы ограничения прав граждан, в том числе пассивного избирательного права, для самого Суда имеют методологическое значение и в обязательном порядке применяются им при рассмотрении дел, связанных с оценкой конституционности установленных ограничений, то в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации такая роль рассматриваемых пределов преломляется в дискреции законодателя. Соблюдение этих пределов обеспечивается главным образом посредством конституционного нормоконтроля, т.к. «глубина и степень ограничения избирательных прав, «проникновения» в существо их содержания определяются самим федеральным законодателем»[349], «формально законодатель может ограничить то или иное основное право в любом

[348] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права С. 50.
[349] Там же. С. 54.

объеме и в результате – выхолостить его содержание»[350]. Включение в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации полномочия проведения предварительного конституционного нормоконтроля (п.п. «а» и «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации) существенно укрепляет правовой механизм обеспечения рассматриваемых пределов. Тем не менее сохраняет актуальность высказанное в отечественной науке предложение о целесообразности закреплении принципа соразмерности (пропорциональности) ограничения прав человека и гражданина конституционно закрепленным целям и запрета на вторжение в его существо как базовых требований при принятии федеральных законов, затрагивающих любые права и свободы человека и гражданина, в том числе и избирательные права в федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»[351]. Хотя стоит согласиться с инициаторами данного предложения в том, что одного только формального закрепления в федеральном законе принципа соразмерности (пропорциональности) и запрета на вторжение в существо права недостаточно[352]. Важным условием их реального воплощения в законодательной деятельности является укоренение этих установлений и соответствующих образцов поведения (деятельности) в отечественной культуре законотворчества[353].

---

[350] Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). С. 71.

[351] См.: Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права С. 54. Идея и разные варианты проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» давно обсуждается не только в науке, но и в публичном пространстве, но закон до настоящего времени не принят (см: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: ИЗиСП, 2013; Черепанов В.А. О проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 84–99; Черепанов В.А. О проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 105–111; Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23; URL: http: //regulation.gov.ru/project/21282.html; О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: ИЗиСП, 2021; и др.

[352] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права С. 54.

[353] О современных подходах к пониманию правовой культуры, культуры правотворчества как базовых категорий по отношению к культуре законотворчества, а также закономерностях ее трансформации (как в позитивной, так и в негативной коннотации этого слова) см., например:

Применение рассмотренных выше параметров и пределов в конкретных законодательных решениях представляет собой творческий процесс и в ряде случаев выражающийся не только в их установлении, но и последующей «донастройке» посредством задействования механизмов законодательного регулирования, конституционного нормоконтроля и правосудия, осуществляемого судами общей юрисдикции. В качестве примера можно привести установленное Федеральным законом № 67-ФЗ ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений. Позиция федерального законодателя по этому вопросу в 2012–2014 годах претерпела существенные изменения: от установления бессрочного (пожизненного) недифференцированного запрета баллотироваться в качестве кандидата на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления до определения сроков действия ограничения пассивного избирательного права со дня снятия или погашения судимости. Данная коррекция регулирования была обусловлена правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П. В нем конституционность ограничения пассивного избирательного права рассмотрена с точки зрения исторического и политико-правового контекста, а также содействия упрочению правовой демократии в Российской Федерации.

Норма, связывающая ограничение пассивного избирательного права с фактом наличия неснятой или непогашенной судимости (п. 3.2 ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ), была введена в 2006 году[354] и устанавливала, кроме прочего, что

Степин В.С. Идея права как социокультурный феномен. В кн.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 93–112; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРАМ, 2020.

[354] См.: Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.

осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления не имеют права быть избранными. Перечень оснований для ограничения конституционного избирательного статуса гражданина был дополнен в 2007[355] году и претерпел принципиальные изменения в 2012 году[356] Именно тогда пассивное избирательное право граждан Российской Федерации, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений было ограничено пожизненно. При этом наличие таких обстоятельств, как назначение наказания условно, замена наказания, освобождение от наказания, отсрочка отбывания наказания, погашение или снятие судимости, не влекло признания права данного гражданина быть избранным. Исключением из общего правила стали лишь последующие изменения квалификации совершенных преступлений, при которой уголовно наказуемые ранее совершенные деяния более не признавались тяжкими или особо тяжкими преступлениями.

Первый опыт[357] правоприменительной практики получил неоднозначную правовую и общественную оценку. Сторонники жестких мер и эффективного барьера на пути проникновения криминала во власть отмечали, что лицо, когда-

---

[355] См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управлении в области противодействия экстремизму» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

[356] См: Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.

[357] Северный районный суд города Орла решением от 10 октября 2012 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Орловского областного суда от 13 октября 2012 г., отказал в удовлетворении заявления гражданина А.Л. Казакова о признании незаконным решения территориальной избирательной комиссии Северного района города Орла об аннулировании его регистрации кандидатом в депутаты Орловского городского Совета народных депутатов. Основанием для принятия такого решения послужило то обстоятельство, что приговором Железнодорожного районного суда города Орла от 25 мая 1999 г. за совершение преступления, предусмотренного пунктами «а» и «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, А.Л. Казаков был осужден к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года (в силу ст. 86 УК РФ по истечении испытательного срока судимость была погашена).

либо осужденное к лишению свободы, недостойно осуществлять публичные властные и управленческие функции. Их противники настаивали, что нелимитированный по времени запрет на занятие любой выборной публичной должности не может быть оправдан одним фактом судимости и допустим лишь как временная мера[358].

Данное ограничение пассивного избирательного права было рассмотрено Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе на предмет его соразмерности, дифференциации и индивидуализации его применения к гражданам, совершившим тяжкое или особо тяжкое преступление. Суд пришел к выводу, что «законодательное ограничение пассивного избирательного права и, соответственно, запрет занимать выборные публичные должности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, как мера, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследуют конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти» [359].

Вместе с тем, Суд пришел к выводу, что установленные Федеральным законом от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ ограничения пассивного избирательного права являются несоразмерными конституционно защищаемым целям, и признал указанные законодательные положения «не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений». Федеральному

---

[358] См.: Маркина Л.Л. Особенности реализации избирательных прав отдельных категорий граждан Российской Федерации // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Орел, 20 мая 2015 г. / под ред. Е.Н. Шендригина, Д.П. Майоровой. Орел, 2015. С. 31–35.

[359] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П.

законодателю было предписано внести изменения в соответствующий закон[360]. Таким образом, Суд указал, что сроки вводимых федеральным законом ограничений пассивного избирательного права как общеправового последствия судимости должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных УК РФ.

Впоследствии, во исполнение решения Суда, законодатель принял Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[361]. Согласно законодательным новеллам не имели права быть избранными: осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимости за указанные преступления; осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости; осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения 15 лет со дня снятия или погашения судимости.

В Федеральный закон № 67-ФЗ была введена также норма, обязывающая всех кандидатов при выдвижении указывать в заявлении информацию о наличии судимости, даже если она снята или погашена. Установлено, что в подаваемом в избирательную комиссию заявлении о согласии баллотироваться по соответствующему избирательному округу кандидатом указываются сведения о судимости, а если судимость снята или погашена, также сведения о дате снятия или погашения судимости. Таким образом, законом было отменено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений[362]. Запрет перестал быть

---

[360] Там же.

[361] СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 739.

[362] По мнению В.А. Черепанова, федеральный законодатель выполнил лишь одну часть решения Конституционного Суда Российской Федерации, отменив бессрочность обжалованного лишения граждан права быть избранными. Другая часть решения

пожизненным, но определены сроки действия ограничения пассивного избирательного права со дня снятия или погашения судимости в отношении кандидатов, осужденных за преступления указанных категорий: со дня снятия или погашения таких судимостей должно пройти 10 и 15 лет соответственно.

Кандидат, имеющий неснятую или непогашенную судимость, выдвигается ли он в одномандатном округе или включен в партийный список, обязан дать информацию о том, когда и за что он был осужден в Российской Федерации или в иностранном государстве, если деяние, за которое он там был осужден, признается преступлением по УК РФ. Данная информация сопровождает кандидата на всем пути к желанному мандату или выборной должности[363]. В первый раз она появляется в заявлении, которое кандидат передает в избирательную комиссию, и здесь информация (или попытка ее утаить) открыта для избирательных комиссий и для его конкурентов. Во второй раз эти сведения должны быть указаны в подписном листе, с которым сборщики подписей идут к избирателям: и информация вновь открыта. В третий раз – на стенде в помещении для голосования, на котором размещена информация обо всех кандидатах, избирательных объединениях. В четвертый – в бюллетене для голосования избирателей. К этому надо добавить, что такая информация содержится и в ГАС «Выборы»[364].

Конституционного Суда Российской Федерации, касающаяся устранения недифференцированного ограничения пассивного избирательного права, с его точки зрения, реализована не была (см.: Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права. С. 52).

[363] О процедурных аспектах передачи и распространения сведений о судимости кандидата см.: Дудко И.Г. Защита персональных данных кандидата в избирательном процессе // Проблемы права. 2017. № 5(64). С. 31.

[364] По данным ЦИК России на выборах всех уровней в 2024 году избирательнымими комиссиями было: выявлено 775 граждан, пытавшихся реализовать пассивное избирательное право, когда-либо осужденных за тяжкие и (или) особо тяжкие преступления; не допущено к участию в выборах 142 лица, не имеющих пассивного избирательного права в связи с судимостью; установлены и исключены из числа участвующих в выборах кандидатов 639 граждан, сокрывших сведения о судимости (в том числе и такие сведения, которые влекут ограничение пассивного избирательного права).

Впоследствии нормативное регулирование в части ограничения пассивного избирательного права граждан в связи с судимостью еще корректировалось[365]. В актуальном виде оно закреплено в п. 3.2 ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ (в его действующей редакции).

Еще один вопрос, на который следует обратить внимание в контексте рассматриваемой в настоящем параграфе проблематики, это вопрос о допустимости придания обратной силы закону, устанавливающему ограничение пассивного избирательного права. Ответ на него был дан Конституционным Судом Российской Федерации в связи с обращениями граждан с жалобами относительно п. 3.6. Федерального закона № 67-ФЗ, ч. 8.1, 8.2 и 8.4. ст. 4 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В соответствии с данными нормами не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, причастные к деятельности общественного объединения, в отношении которого вступило в законную силу решение суда о запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[366]. Оспариваемые нормы, по мнению заявителей, вопреки принципу недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему ответственность, предусматривают непропорциональное ограничение пассивного избирательного права.

Суд, сославшись на ряд ранее выраженных правовых позиций[367], не усмотрел несоответствия оспариваемых положений Конституции Российской

---

[365] См.: федеральные законы: от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3232; от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1787.

[366] Обобщение и анализ практики оспаривания применения в отношении граждан данного ограничения в судах общей юрисдикции представлены в статье А.А. Макарцева (Макарцев А.А. К вопросу об отказе в регистрации кандидатов на основании причастности к деятельности экстремистских организаций // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 1. С. 16–24).

[367] Постановления Конституционного Суда Российской Федерации: от 25 апреля 1995 г. № 3-П; от 27 марта 1996 г. № 8-П; от 30 октября 2003 г. № 15-П; от 22 июня 2010 г. № 14-П;

Федерации, подтвердил, что на них не распространяется конституционный запрет на придание обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность).

В конституционно-правовой науке сохраняют актуальность вопросы классификации и теоретической систематизации ограничений пассивного избирательного права. Предложенных в этом плане схем довольно много. Они представляют собой классификации (результат классификации, если рассматривать ее как метод, а не теоретические построения, созданные на основе его применения) ограничений рассматриваемого права по разным основаниям, одновременно выступающие средством теоретической систематизации пусть незначительного, но все же многообразия известных российскому, а также зарубежному правопорядкам ограничений. Например, их подразделяют на: общие и специальные ограничения; прямые и косвенные[368]; условные (опциональные) ограничения и избирательные цензы[369]; временные и бессрочные; правомерные и противоправные[370]; социально-легальные, цензовые, аннулирующие и лимитные[371]; «сужение круга субъектов права» и «сужение условий реализации права»[372]; и др.[373]

Большинство из них уязвимы для критики по причине того, что их

от 10 октября 2013 г. № 20-П; от 22 апреля 2014 г. № 12-П. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 18 января 2005 г. № 7-О; от 29 января 2015 г. № 211-О; от 28 сентября 2021 г. № 1782-О.

[368] Филатова А.О. Указ. соч. С. 34; Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах. С. 25–28.

[369] Авилов Я.Д. Указ. соч. С. 87.

[370] Выборы в мире: избирательные цензы / под общ. ред. И.Б. Борисова. С. 228.

[371] См.: Белкин А.А. Указ. соч. С. 204–205.

[372] Черепанов В.А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права. С. 50.

[373] См.: Жилина М.Л. Указ. соч. С. 12; Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 44–45; Новиков М.В. Сущность конституционных ограничений правового статуса личности // Конституционное и муниципальное право 2005. № 9. С. 31–33; и др.

разработчики, как было показано выше, неверно, с нашей точки зрения, определяют объект классификации – ограничения пассивного избирательного права, включая в него явления, имеющие разную правовую природу (ограничения права, его пределы, условия реализации и др.) или искусственно расчленяя объект на части, характеризуя их как самостоятельные явления, имеющие индивидуальную природу и сущность (например, ограничения и цензы). Не станем подробно комментировать существующие классификации, т.к. в этом случае придется в значительной мере повторить изложенные ранее результаты анализа существующих в доктрине подходов к определению ограничений пассивного избирательного права. Отметим только, что все они в определенной мере полезны, т.к. представляют собой результат теоретической систематизации эмпирического знания о различных проявлениях этих ограничений и создают предпосылку для постановки вопроса о системе ограничений пассивного избирательного права. Более точно он может быть сформулирован следующим образом: образуют ли существующие в конкретном правопорядке, в данном случае в российском, ограничения пассивного избирательного права систему или представляют собой простую совокупность, множество? До настоящего времени он остается открытым. Сама его постановка является новой и оригинальной. Практически все исследователи обходят этот вопрос, в лучшем случае, упоминая о том, что «в системе ограничений» у этого права можно выделить виды, подвиды и т.п., как будто факт наличия у множества ограничений рассматриваемого права признаков и свойств системы является очевидным, само собой разумеющимся или ранее доказанным. Но это далеко не так. Поэтому будет уместно в рамках темы диссертационного исследования обратиться к проверке гипотезы о системном характере соответствующих ограничений.

Как было отмечено, одной из доктринальных предпосылок выдвижения этой гипотезы явились наработки правоведов в части классификации ограничений пассивного избирательного права (при всем их несовершенстве). Известно, что к

признакам системы относят множественность и структурированность, образующих ее элементов[374].

Классификация рассматриваемых ограничений является одним из этапов распознавания системы (наличия признаков и свойств системы у совокупности явлений или их проявлений), а также построения ее теоретической модели. Поэтому существующий научный задел в части систематизации и классификации ограничений пассивного избирательного права служит важным исходным материалом для проверки гипотезы о системном характере этих ограничений.

Еще одной предпосылкой предположения о системной «организации» рассматриваемых ограничений послужило применение к существующим в науке конституционного права выводам о системе ограничений прав и свобод человека характеристики систем, в частности, такого ее признака как иерархичность системы, означающего что каждая система состоит из подсистем. Конституционно-правовые ограничения основных прав и свобод, по утверждению Б.С. Эбзеева, образуют определенную систему и включают: ограничения общего характера (ст.ст. 13, 19, 29, 55 Конституции и др.); ограничения основных прав в условиях чрезвычайного положения (ст. 56 Конституции, законодательство о чрезвычайном положении); ограничения основных прав и свобод, обусловленные особенностями правового статуса отдельных категорий граждан и их отношений с государством[375]. Последний из перечисленных элементов с учетом упомянутой характеристики систем (иерархичности) гипотетически можно рассматривать как подсистему ограничений основных прав и свобод и, следовательно, как объект, обладающий признаками системы.

Проведенное исследование позволяет утверждать о состоятельности выдвинутой гипотезы и настаивать на том, что ограничения пассивного

---

[374] О теории систем, их признаках и свойствах см., например: Цветков В.Я. Теория систем. М.: МАКС Пресс, 2018; Розанов Ф.И. Основы теории систем: учебное пособие для студентов всех направлений подготовки / Ф.И. Розанов. Ульяновск: УлГТУ, 2024; Алексеева М.Б., Ветренко П.П. Теория систем и системный анализ: учебник и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2025.

[375] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. С. 481.

избирательного права граждан Российской Федерации действительно образуют систему. В качестве аргументов приведем следующие доводы.

Во-первых, ограничения пассивного избирательного права представляют собой сложный объект – целое, состоящее из частей (из множества). Как было показано выше, в конституционном праве Российской Федерации существует целый ряд такого рода ограничений, имеющих общую природу, сущность и цель установления. Это целое, опять же как было показано выше, имеет свои границы, позволяющие оставлять за внешним контуром системы «инородные» элементы (например, имманентные пределы пассивного избирательного права, условия его реализации (регулирующие требования) и др.), не исключая при этом возможности взаимодействия с ними или включающими их системами, в том числе с системой конституционно-правовых ограничений основных прав и свобод (включающей ограничения пассивного избирательного права в качестве подсистемы).

Во-вторых, это целое есть нечто большее, чем простая сумма составляющих его элементов. На это указывает функциональность системы, т.е. ее способность обеспечить достижение цели, ради которой она создана и действует. Практика использования института свободных выборов в России убеждает в том, что эта система выполняет свое предназначение, обеспечивая сохранение баланса публичных и частных интересов в избирательном праве и, в конечном итоге, эффективное функционирование и воспроизводство правовой демократии в Российской Федерации, ее устойчивость.

Каждое ограничение в отдельности не способно привести к такому социально и государственно значимому эффекту.

В-третьих, множество рассматриваемых ограничений образуют определенную иерархическую структуру, включающую: общие (распространяющиеся на выборы всех уровней) и специальные (обеспечивающие выборы определенного уровня) ограничения; ограничения, которые не могут быть отменены или скорректированы в виду их прямого установления в Конституции и те, существование и содержание которых зависит от воли законодателя (в

допустимых согласно Конституции пределах); ограничения, связанные с обстоятельствами, возникающими исключительно на основании вступившего в законную силу судебного решения (признание лица недееспособным, судимость и др.) и те, которые, предусматривают юридические факты, не требующие подтверждения решением суда (недостижение определенного возраста, наличие гражданства другого государства и др.).

В-четвертых, элементы системы взаимосвязаны. Этот признак в меньшей степени очевиден, однако при более глубоком погружении в проблему взаимосвязи между отдельными ограничениями все же удается обнаружить. Они проявляются как минимум в трех плоскостях: 1) в области иерархической организации ограничений; 2) в сфере их нормирования; 3) в функциональном аспекте. Примером первого «типа» связи может служить установление ограничений, исключающих необходимость применения других установленных изъятий из конституционно-правового статуса гражданина. Так, ограничение пассивного избирательного права недееспособных граждан и лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, фактически перекрывает другие избирательные цензы и делает нейтральными для осуществления пассивного избирательного права конкретным гражданином факты достижения им определенного возраста, прекращение гражданства другого государства и др. Вместе с тем, прекращение на законных основаниях отбывания наказания в местах лишения свободы (восстановление дееспособности гипотетически возможно, но в практике встречается крайне редко), устраняет препятствие в реализации гражданином пассивного избирательного права, предусмотренное ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, но активирует другие существующие ограничения пассивного избирательного права, которые могут на него распространятся. Второй «тип» связи проявляется в распространении параметров ограничения пассивного избирательного права (критериев и пределов, рассмотренных выше), установленных Конституцией и уточненных посредством толкования Основного закона органом конституционного контроля, на новые ограничения, вводимые законодателем, применение к ним подходов и методики

оценки, выработанных в результате проверки конституционности ранее установленных ограничений, утвердившихся в конституционном правопорядке России. В функциональном аспекте взаимосвязь элементов проявляется через синергетический эффект действия системы, который уже был обозначен выше при указании на способность системы обеспечить достижение цели, ради которой она создана и действует.

Наконец, в-пятых, системное единство ограничений пассивного избирательного права обеспечивается системностью права. Поскольку эти ограничения имеют юридическую форму и нормативный характер, устанавливаются правовыми нормами, постольку на них распространяется требование и свойство системности, в том числе непротиворечивости.

Рассматриваемая система является открытой по отношению к внешнему воздействию, на которые реагирует опосредовано – через реализацию законодателем конституционных полномочий, вследствие чего в ее структуре появляются новые элементы. Соответствующую динамику наглядно иллюстрирует, например, ретроспектива содержания п. 3.2. ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ[376]. Следовательно, ее можно охарактеризовать как открытую и динамичную. Она может быть дополнена новыми элементами, вследствие чего усложнена, не утратив при этом своей функциональности.

Таким образом, можно утверждать, что совокупность предусмотренных Конституцией и законодательством Российской Федерации ограничений пассивного избирательного права представляет собой систему, обладает признаками и свойствами системы и может быть позиционирована в доктринах конституционного и избирательного права в этом качестве.

Системное восприятие ограничений пассивного избирательного права способствует: более четкой их идентификации среди всего многообразия

[376] Некоторые ученые негативно оценивают тенденцию к расширению ограничений пассивного избирательного права. См., например: Лукьянова Е.А., Прошин Е.Н. Классификация поправок в избирательное законодательство как маркер целей и задач власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 29–37; Кондрашев А.А., Сидорова Н.А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права // Правоприменение 2022. Т. 6. № 4. С. 59–74; и др.

правовых инструментов и механизмов, обеспечивающих рациональную организацию публичной власти в демократическом правовом государстве; выявлению закономерностей, а также программы ее воспроизводства и функционирования, механизмов взаимодействия с другими системами, обеспечивающими стабильность конституционного правопорядка; обеспечению аутентичности правовых смыслов конституционных норм и параметров ограничений пассивного избирательного права при их масштабировании на проектируемые и принимаемые законодательные новеллы, нацеленные на урегулирование избирательных правоотношений.

Завершая рассмотрение поставленных в настоящем параграфе вопросов, сформулируем следующие выводы.

1. Тема ограничения пассивного избирательного права имеет обширную проблематику. Многие образующие ее аспекты репрезентованы в научном знании неоднозначно, вследствие чего сохраняется актуальность задачи осмысления и переосмысления существующих в доктрине выводов, касающихся ряда ключевых вопросов. В их числе: интерпретация природы и сущности ограничений пассивного избирательного права; определение соотношения ограничений этого права с другими правовыми явлениями (избирательными цензами, условиями осуществления права); допустимость расширительного толкования конституционно установленного перечня ограничений пассивного избирательного права (в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации); правомерность установления ограничений пассивного избирательного права другими нормативно-правовыми актами помимо Конституции и их ретроактивного действия; параметры ограничений пассивного избирательного права; придание обратной силы закону, устанавливающему ограничение этого права; классификация рассматриваемых ограничений.

2. С целью приведения в систему существующих доктринальных положений и установления их корреляции с практикой отечественного конституционализма, выявленными закономерностями функционирования конституционного правопорядка, предлагается рациональная картина

ограничений пассивного избирательного права, базирующаяся на понимании ограничений пассивного избирательного права как допускаемых Конституцией Российской Федерации изъятий из конституционного статуса гражданина, состава правомочий, составляющих нормативное содержание пассивного избирательного права, уменьшение объема возможности гражданина выдвинуть свою кандидатуру на выборы в органы публичной власти, быть зарегистрированным кандидатом и быть избранным. Такого рода изъятия ведут к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности. Данная черта ограничения пассивного избирательного права, отражающая причинно-следственную связь между его установлением и социально-значимым эффектом, служит основанием для признания общности природы и сущности ограничений пассивного избирательного права и избирательных цензов, определения соотношения рассматриваемых ограничений и избирательных цензов как родового явления и его видового проявления (формы или способа установления в Конституции и позитивном праве). Вместе с тем, использование знания о ней позволяет обосновать различие между ограничениями пассивного избирательного права и условиями его реализации, под которыми понимаются установленные законодателем процедуры осуществления этого права. Последние не имеют природы ограничений и играют самостоятельную роль в регулировании избирательных правоотношений, в том числе, связанных с осуществлением пассивного избирательного права.

3. Конституционно-правовая практика и результаты официального толкования Конституции Российской Федерации дают основания для признания несостоятельными попыток:

постулирования в доктрине возможности лишения гражданина пассивного избирательного права, как одного из основных прав, имеющих конституционное признание, закрепленное и охраняемое Конституцией;

введения в понятийно-категориальный аппарат доктрины конституционного и избирательного права, а также материальное содержание соответствующих

элементов системы российского права понятия «приостановление» пассивного избирательного права в качестве обозначения сущностно отличающегося от ограничения этого права явления.

4. Совокупность предусмотренных Конституцией и законодательством Российской Федерации ограничений пассивного избирательного права образует систему, следовательно, она может быть соответствующим образом позиционирована в доктринах конституционного и избирательного права. Эта система является открытой, динамичной и демонстрирует тенденцию к усложнению.

2.3. Пределы осуществления пассивного избирательного права

В юридической науке, наряду с пределами и ограничениями субъективных прав, используется понятие пределов их осуществления. Существование этих пределов находит практическое подтверждение и не ставится под сомнение правоведами. Утверждение о том, что все субъективные права, включая избирательные, имеют пределы (границы) своего осуществления является аксиоматичным. В пределах осуществления права отражаются закономерности действия права и правопользования.

Пределы осуществления пассивного избирательного права представляют собой обусловленную природой этого права и основами конституционного строя России сферу (пространство) реализуемого гражданином права[377]. Ее границы в

[377] См.: Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ. С. 9. Стоит оговориться, что автор настоящего исследования разделяет взгляды В.И. Червонюка на пределы осуществления права лишь отчасти. Импонирует его идея определения понятия рассматриваемых пределов через категорию «сфера»: «Пределы реализации субъективных прав – это сфера (пространство) реализуемых гражданами и их объединениями прав и свобод, а также допустимые формы и средства их реализации» (Червонюк В.И. Избирательные цензы: конституционный анализ. С. 9). Однако включение в данное понятие, наряду со «сферой», допустимых форм и средств его осуществления вызывает возражение. Упомянутые формы и средства являются тем, при помощи чего происходит демаркация границ этой сферы. Следовательно, соединение в данном понятии сферы (как предела осуществления права) и средств демаркации ее границ через союз «и», с нашей точки зрения, не вполне верно. Справедливости ради надо отметить, что в последующих рассуждениях процитированный ученый связывает «пределы» реализации

основном имеют нормативную форму, закреплены в Конституции и законах[378]. Вместе с тем некоторые «маркеры» этих границ заключены в смыслах конституционных и законодательных установлений и могут быть выявлены только посредством их толкования.

К границам, имеющим нормативное выражение, можно отнести:

конституционный принцип, образующий общее, исходное, фундаментальное правило сопряжения свободы индивидов в конституционном правопорядке, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации);

принципы альтернативности (состязательности), открытости и гласности проведения выборов[379], допустимости различных избирательных систем[380], осуществления субъективных избирательных прав на основе личного участия[381];

права и допустимые формы, а также способы его осуществления: «Пределы реализации субъективного права *связаны* (курсив мой – Л.М.) также с допустимыми формами (способами) его осуществления» (см.: там же. С. 9). Таким образом, аргументы в поддержку позиции автора диссертации по данном вопросу можно почерпнуть из научных выводов В.И. Червонюка (несмотря на изложенное выше возражение относительно определение пределов осуществления права).

[378] Некоторыми правоведы считают, что пределы реализации избирательных прав граждан Российской Федерации определяются также в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (см.: Горячих А.А. Пределы осуществления активного избирательного права: понятие и виды // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 47). С этим утверждением трудно согласиться. В данном случае мы разделяем точку зрения А.О. Филатовой, полагающей, что суды Российской Федерации (Конституционный Суд, Верховный Суд, суды общей юрисдикции) не формируют пределы реализации права, а уточняют их с опорой на общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституцию Российской Федерации, федеральные избирательные законы и законы субъектов Российской Федерации (см.: Филатова А.О. Указ. соч. С. 50–51).

[379] Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно подчеркивал, что, по смыслу статей 3, 19, 29 и 32 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2), свободные выборы как одна из основ конституционного строя Российской Федерации предполагают необходимость их проведения с разумной периодичностью, при обеспечении свободного волеизъявления граждан, в условиях альтернативности и открытости (см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова»).

временные интервалы, ограниченные временем проведения выборов, в которые право может быть осуществлено;

дифференциацию выборов (выборы Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, выборы в законодательные органы и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, представительные органы местного самоуправления, а также глав муниципальных образований) и вытекающие из особенностей каждого вида пределов права участвовать в них в качестве кандидата, а также предоставленными лицу средствами защиты принадлежащего ему пассивного субъективного права;

юридические факты, обозначающие рубежи (моменты) начала и окончания допустимого (дозволенного) осуществления правомочий, образующих содержание пассивного избирательного права;

конституционно допустимые формы и средства осуществления права;

состав и порядок совершения избирательных действий, посредством которых осуществляются эти правомочия;

В числе границ осуществления пассивного избирательного права, которые требуют выявления посредством толкования юридических норм, могут быть названы: цель установления пассивного избирательного права, его социальная и государственно-правовая функция и некоторые другие, о которых будет сказано ниже.

Пределы осуществления пассивного избирательного права играют важную роль в нормировании реализации данного права, а также в обеспечении устойчивости конституционного правопорядка и правовой демократии.

---

[380] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П.

[381] См.: Князев С.Д. Российское избирательное право: учебник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 50–51; Дмитриев Ю.А., Исраелян В.Б. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 107–150; Нудненко Л.А. Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10(59). С. 56.

Отклонение от этих пределов способно повлечь злоупотребление правом или само по себе является таковым.

В процессе выполнения намеченной исследовательской программы по теме диссертации автор настоящего исследования пришла к выводу, что вопрос о пределах пассивного избирательного права следует рассмотреть в контексте их соотношения со злоупотреблением этим правом. Этот ракурс позволяет показать, во-первых, фундаментальное значение пределов данного права, во-вторых, их проявление в практике избирательных правоотношений, в-третьих, доктринальную проблематику обеспечения пределов осуществления указанного права и квалификации (в широком смысле слова) их нарушений и ее актуальные аспекты.

Как было показано выше, избирательные права являются одним из важнейших элементов конституционно-правового статуса граждан Российской Федерации, существенным условием функционирования народного представительства и народовластия в целом[382]. Практическая реализация этих прав служит главной движущей силой, обеспечивающей функционирование механизмов народовластия, наполняет правовым содержанием основной способ формирования ключевых органов публичной власти в демократическом государстве, легитимации их действий и решений, которым являются выборы.

В процессе развития общественных отношений, связанных с осуществлением избирательных прав, формируются новые практики их использования, причем как конструктивного, прогрессивного для российского конституционализма характера, так и несущие в себе деструктивный потенциал. Появление и воспроизводство соответствующих новаций формирует потребность в их доктринальном осмыслении, практической оценке, а также в надлежащем правовом опосредовании. В некоторых случаях попытка их идентификации в правовом поле, а также юридической квалификации (в широком смысле слова) заставляет не только взглянуть на них сквозь призму созданных юридической

[382] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 317–385.

наукой и правоприменительной (в том числе правоинтерпретационной) практикой теоретических построений и правовых позиций, но и развивать образующие их сердцевину идеи. Например, выявленные избирательными комиссиями случаи отклоняющегося поведения субъектов и участников избирательного процесса оказываются предпосылкой для постановки серьезной исследовательской задачи и масштабного научного поиска решения проблемы, порожденной появившейся поведенческой аномалией, осложняющей своим существованием нормальное функционирование правопорядка в области осуществления народовластия.

Так, в последние годы распространение получила практика использования избирательных фондов для обналичивания денежных средств по следующей схеме. На специальный избирательный счет кандидата перечисляются крупные пожертвования (как правило, от коммерческих организаций), которые в течение короткого времени снимаются со счета для расчета наличными с гражданами либо перечисляются на личные «карточные» счета граждан для расчета по договорам на оказание услуг, исполнение которых вызывает сомнение (по фиктивным договорам). При этом реальная избирательная кампания не осуществляется, подписи избирателей не собираются, документы для регистрации не предоставляются. Тем самым под видом правомерного использования средств избирательного фонда, т.е. на покрытие расходов, связанных с проведением избирательной кампании, указанные средства расходуются на иные цели.

С целью противодействия таким нарушениям в 2024 году в п. 10 ст. 58 Федерального закона № 67-ФЗ внесено дополнение, согласно которому на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральной территории, органы местного самоуправления предельный размер расходования средств избирательных фондов, которое может осуществляться до регистрации кандидата, списка кандидатов, составляет 30 % установленного законом предельного размера

расходования средств избирательного фонда[383]. Тем самым Закон ограничивает возможность обналичивания большей части средств избирательного фонда до регистрации гражданина в качестве кандидата. Вместе с тем для того, чтобы быть зарегистрированным кандидатом, выдвинутому кандидату требуется потратить значительные средства на сбор подписей, агитацию, что также затрудняет возможность для совершения указанных нарушений. Однако проблема сохраняет свою актуальность. В прошедшем избирательном цикле (единый день голосования 14 сентября 2025 г.) избирательными комиссиями некоторых субъектов Российской Федерации зафиксированы случаи обналичивания денежных средств через избирательные счета избирательных объединений.

Очевидно, что рассматриваемая практика противоречит целям и назначению избирательного процесса, предоставлению гражданам прав для участия в нем, она причиняет вред правовому порядку и авторитету институтов выборов, народного представительства, а также государству (принимая во внимание, что право быть избранным является одним из элементов механизма государства[384]). Отсутствие достаточных правовых механизмов пресечения такого поведения кандидатов, избирательных объединений и (или) опыта взаимодействия избирательных комиссий с правоохранительными органами по реагированию на указанные факты в рамках использования потенциала других отраслей права и законодательства указывает на необходимость научной проработки вопросов, возникающих в процессе поиска алгоритма адекватных действий и решений уполномоченных государственных и муниципальных органов при выявлении соответствующих фактов.

Таких вопросов в данном случае возникает как минимум несколько. Во-первых, как могут быть оценены с правовой точки зрения приведенные выше факты? Они могут быть квалифицированы как нарушения избирательного

---

[383] См.: Федеральный закон от 15 мая 2024 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024 г. 17 мая.

[384] Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379–385.

законодательства (правонарушения), злоупотребление кандидатами пассивным избирательным правом с применением схем скрытого обмана избирателей, объективно-противоправное деяние или иным образом?

Во-вторых, действительно ли отсутствует необходимое правовое регулирование в данном сегменте предмета избирательного права? Что служит условием для воспроизводства рассматриваемой практики – пробел в законе, в избирательном законодательстве, в правовом регулировании[385] или дефекты правоприменительной практики?

В-третьих, какие правовые средства и механизмы могут быть задействованы или дополнительно созданы для противодействия рассматриваемому отклоняющемуся поведению и воспроизводству соответствующей практики?[386]

Для того, чтобы квалифицировать факты, ставшие предметом анализа, как нарушение избирательного законодательства (избирательное правонарушение[387]), на текущем этапе его развития нет достаточных оснований. В данном случае субъект избирательного процесса (кандидат) действует при осуществлении субъективного права, в то время как правонарушение – это всегда действия за рамками права[388]. К тому же мы не находим в действиях управомоченного лица признаков прямого нарушения избирательного законодательства (нарушения конкретных запретов, невыполнения обязанностей) как и законодательных установлений о «наказуемости» данного деяния.

Более подходящим для идентификации анализируемых фактов в координатах права является концепт злоупотребления избирательным правом.

---

[385] О данной классификации пробелов в праве см. подробней: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974.

[386] См.: Маркина Л.Л. Злоупотребление пассивным избирательным правом: новая практика, проблемы квалификации и противодействия // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 4. С. 7.

[387] Об избирательных правонарушениях см., например: Шведова В.В. Принципы конституционно-правовой ответственности за избирательные правонарушения: понятие и содержание // Избирательное право. 2006. № 1. С. 42-58. Куликов М.Ю. Формы и виды злоупотреблений избирательными правами (классификация злоупотреблений избирательными правами) // Избирательное право. 2015. № 4. С. 16–25.

[388] Смирнова А.Я. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйствующих обществ: дис… канд. юрид. наук. М., 2019. С. 49.

Этот тезис был принят в качестве рабочей гипотезы и подвергнут проверке в ходе работы над этим параграфом диссертации. С этой целью приведенные факты были рассмотрены сквозь призму доктринальной характеристики злоупотребления правом вообще и злоупотребления избирательным правом, в частности.

Злоупотребления пассивным избирательным правом в России представляют собой действия, которые формально могут не нарушать закон, но искажают суть выборов и наносят вред избирательному процессу. Полный перечень всех возможных злоупотреблений составить сложно, так как их формы постоянно эволюционируют, однако можно выделить наиболее распространенные и проблемные из них:

1) нецелевое использование средств избирательного фонда – кандидату перечисляются крупные суммы (часто от коммерческих структур), которые затем обналичиваются через фиктивные договоры на неоказанные услуги или выплаты гражданам. Целью таких действий является легализация средств (отмывание) или их хищение под видом ведения избирательной кампании;

2) фиктивное выдвижение – кандидат проходит процедуру выдвижения, но не ведет реальной предвыборной борьбы: не собирает подписи, не агитирует, не представляет документы для регистрации. Цель такого выдвижения состоит в создании видимости конкурентной борьбы, маскировке других злоупотреблений (как в случае с фондами);

3) выдвижение «кандидатов-двойников» («кандидатов-спойлеров») – регистрация кандидатов со схожими с оппонентом Ф. И. О. или внешностью. В данном случае преследуется цель, состоящая во введении избирателей в заблуждение, «распыление» голосов конкурента;

4) снятие своей кандидатуры перед голосованием при отсутствии реального существенного ухудшения здоровья кандидата[389]. Цель подобного может совпадать с целями фиктивного выдвижения;

5) вручение избирателям в ходе предвыборной агитации памятных подарков. Цель данных действий состоит в искусственном повышении поддержки кандидата, искажении волеизъявления избирателей.

Перечисленные действия рассматриваются как злоупотребление правом, т.е. умышленное поведение, которое формально не нарушает запреты, но осуществляется в противоречии с назначением этого права и наносит вред общественным интересам, подрывая принципы честных и справедливых выборов.

Для борьбы с такими явлениями в научной и экспертной среде обсуждаются следующие меры:

совершенствование законодательства: установление более четких правовых барьеров, закрывающих возможности для обхода закона;

усиление контроля со стороны избирательных комиссий и правоохранительных органов, особенно за целевым расходованием средств избирательных фондов;

повышение правовой культуры как граждан, так и участников избирательного процесса, чтобы сама правовая среда отвергала подобные практики[390].

---

[389] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2019 г. № 74-АПА19-2. Режим доступа: СПС «Гарант».

[390] См.: Советников И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Он же. Злоупотребления правом в избирательном процессе. М.: ЧеРо, 2010; Матейкович М.С. Избирательное право и избирательный процесс: учеб. пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 159; Яшина М.В. О злоупотреблении пассивным избирательным правом на муниципальных выборах // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 67–69; Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2(65). С. 21–26; Он же. Формы и виды злоупотреблений избирательными правами (классификация злоупотреблений избирательными правами) // Избирательное право. 2015. № 4. С. 16–25; Акчурин А.Р. Злоупотребление правом в избирательном процессе: проблемы противодействия // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 53–57; Макарцев А.А. Злоупотребление избирательными правами: теоретико-правовые основы и проблемы ограничения // Избирательное право. 2015. № 1. С. 12–18; Думикян А.А. Злоупотребление

Теоретическая конструкция злоупотребления избирательным правом разработана специалистами и широко применяется в юридических исследованиях, служит эффективным инструментом анализа и оценки фактов реализации избирательных прав субъектами избирательного процесса, применяемым в том числе избирательными комиссиями.

Анализ и обобщение взглядов правоведов по вопросам определения и характеристики данного феномена приводят к следующим выводам. Злоупотребление избирательным правом ученые-юристы позиционируют в доктрине и практике как специфический феномен, занимающий собственное место в ряду явлений, наполняющих сферу и правовое бытие избирательного процесса, что требует его соответствующего отражения в понятийно-категориальном аппарате науки конституционного права, теоретического знания об избирательном праве, а также избирательного законодательства. С этой целью злоупотребление избирательным правом определяется как: 1) деяние; 2) совершенное умышленно субъектом избирательного права (процесса); 3) его «объективная сторона» состоит в действии по реализации субъективных избирательных прав в противоречии с их назначением; 4) оно формально не является правонарушением, однако направлено на воспрепятствование реализации прав других субъектов избирательного процесса, причинение вреда им и другим лицам.

Авторы работ по данной теме расходятся во взглядах по двум вопросам. Первый состоит в оценке правового поведения, образующего «объективную сторону» злоупотребления избирательным правом. Его оценивают как: правомерное[391] («допустимое правомерное», «формально-правомерное», «без явного нарушения закона»[392], но с превышением дозволенной меры); особый вид

активным и пассивным избирательным правом в российском избирательном процессе // Избирательное право. 2020. № 2. С. 38–46; и др.

[391] См.: Советников И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. С. 67.

[392] См. подробней: Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2(65). С. 21–26.

неправомерного поведения[393]; правонарушение (конституционное)[394]. Второй заключается в определении значения вреда, причиняемого другим участникам избирательного процесса и правопорядку в результате злоупотребления избирательным правом, для квалификации данного явления. Можно выделить два подхода, которые прослеживаются в конструировании дефиниций злоупотребления избирательным правом. Одни правоведы, выражаясь языком уголовно-правовой науки, формулируют соответствующее определение таким образом, что оно заключает в себе материальный состав[395], другие – формальный[396]. Т.е. в одних дефинициях причинение вреда включается как обязательный признак, необходимый для квалификации деяния как злоупотребления избирательным правом, в других указание на этот признак отсутствует.

Описанные выше случаи поведения выдвинутых кандидатов при осуществлении ими предоставленных им избирательных прав в целом укладываются в теоретическую схему злоупотребления избирательным правом. Но первый вопрос, который возникает при таком утверждении: в чем выражено злоупотребление избирательным правом – в действии или бездействии? С одной стороны, активность субъекта налицо. Гражданин вступает в избирательные правоотношения, создает избирательный фонд, осуществляет манипуляции со средствами и т.п. С другой стороны, реальная избирательная кампания не ведется, подписи избирателей не собираются, документы для регистрации не предоставляются. Т.е. кандидат бездействует в плане движения к достижению цели, ради которой использует субъективное избирательное право. Его

---

[393] См.: Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения. С. 25–26.

[394] См.: Орлов Д.В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России: автореф. дис.… канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10.

[395] См., например: Думикян А.А. Злоупотребление активным и пассивным избирательным правом в российском избирательном процессе. С. 38–46; Орлов Д.В. Указ. соч. С. 27–28; др.

[396] См., например: Советников И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: автореферат дис... канд. юрид. наук. С. 8–9; Макарцев А.А. Злоупотребление избирательными правами: теоретико-правовые основы и проблемы ограничения. С. 12–18; и др.

осуществление не направлено на реализацию заложенного в этом праве интереса[397].

В отраслевых юридических науках, например, в науке уголовного права, бездействие связывают с неисполнением или ненадлежащим исполнением юридической обязанности в результате волевого пассивного поведения человека, что влечет причинение вреда объектам правовой охраны или создается угроза причинения такого вреда. Для оценки рассматриваемых казусов такой подход едва ли пригоден, т.к. юридической обязанности преследовать цель, ради которой управомоченному лицу субъективное избирательное право предоставлено, на кандидата законом не возложено. По этой же причине рассматривать поведение кандидата как действие по исполнению обязанности в этом случае тоже не является оптимальным вариантом. Следовательно, при использовании данного «шаблона» трудно рассчитывать на получение правильного ответа на поставленный вопрос. Вероятно, более продуктивно исходить из определения момента начала и формы реализации субъективного избирательного права – в данном случае пассивного. Началом осуществления права все же служат волевые активные действия субъекта, а формой его реализации – использование права, которая состоит в активном и деятельном осуществлении возможностей, образующих содержание пассивного избирательного права.

В данном действии должны просматриваться признаки злоупотребления правом, чтобы считать его таковым. Их проявления обнаруживаются в ходе анализа разбираемого кейса. Управомоченное лицо (кандидат) формально не нарушает положения закона (в более широком смысле – объективного избирательного права), устанавливающие границы возможного поведения (границы субъективного избирательного права) и пределы осуществления права. Данное действие остается законным с точки зрения законодательных границ содержания этого права, установленных избирательным законодательством. Другими словами, рассматриваемые действия находятся в границах,

[397] См.: Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М.: Проспект, 2014. С. 11, 12, 16, 134–135.

принадлежащих лицу субъективного избирательного права – в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, но в то же время выходят за пределы его осуществления[398]. Хотя следует признать, что пределы осуществления права, которым в данном случае злоупотребили, в избирательном законодательстве четко не определены.

В доктрине пределы осуществления субъективных прав преимущественно связываются с их назначением, социальной функцией, целями осуществления. Субъективные избирательные права служат достижению общей цели, и в этом смысле их осуществление выполняет социальную, общегосударственную функцию, соответственно, их реализация ограничена общей целью – эффективным функционированием механизмов демократии, народовластия, государства, публичного порядка[399].

При современном уровне развития избирательного законодательства их выявление находится в области «духа», но не «буквы» закона, а установление соответствия поведения субъектов и участников избирательного процесса этой цели требует легального, казуального, систематического и телеологического толкования юридических норм, сопоставление их результатов с конкретными поведенческими актами управомоченных лиц, определения в них степени совпадения или расхождения между целями осуществления права по

---

[398] Любое субъективное право характеризуется, во-первых, содержанием права, и, во-вторых, его осуществлением. При этом содержание права представляет статическое состояние права, а осуществление – его динамику. Содержанием субъективного права является мера возможного поведения, некая объективная возможность, выражающаяся в общем типе поведения (двоякую свободу в составе субъективного права отмечал еще Е.Н. Трубецкой: «право предполагает свободу в двояком смысле: во-первых, как способность нашей воли сознательно избирать то или другое поведение (свобода внутренняя) и, во-вторых, как возможность действовать вовне, преследовать и осуществлять какие-либо цели в мире внешнем (свобода внешняя)». См. подробнее: Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во Типографии А.И. Мамонтова, 1917. С. 6. Осуществление этого права представляет собой реализацию возможностей, предложенных в содержании права, совершение конкретных действий, направленных на то, чтобы возможность стала действительностью (Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки, в сб.: Актуальные вопросы советского гражданского права / под ред. С.Н. Братуся, О.С. Иоффе, Я.А. Куника. Вып. 36. М.: Юридическая литература, 1964. С.23). Содержание права определяет общий тип поведения, его осуществление представляет собой конкретный тип поведения (см.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 44–45).

[399] См.: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 379-385.

«оглашению» и «по умолчанию». Поэтому определение соответствия поведенческих актов субъектов и участников избирательного процесса цели установления субъективного права сопряжено с необходимостью задействовать процедурные механизмы, действие которых имеет темпоральные параметры, порождает временные издержки реализации актов толкования и др., что ограничивает возможность избирательных комиссий оперативно реагировать на подобные факты в рамках собственных полномочий по применению избирательного законодательства. Собственно, поэтому и оказалось возможным для кандидатов «безнаказанно» совершить те действия, которые были совершены.

Осуществление избирательного права в рассматриваемых случаях имеет «нестандартные» цели (общей цели не соответствует), а также способ (форму), происходит без учета прав и законных интересов других субъектов и участников избирательного процесса. Дает ли это основания для оценки действий кандидатов как противоправных? [400]

В данном случае резонно обратиться к известному тезису о различии права и закона. Как было отмечено выше, нет достаточных оснований квалифицировать рассматриваемые действия кандидатов в качестве противозаконных. Однако очевидно противоречие этих действий целям права, осуществление права вопреки им указывает на их общественную вредность и не позволяет говорить об их правомерности.

Отсутствие в действиях кандидата всех признаков и состава избирательного правонарушения (или конституционно-правового деликта[401]) с одной стороны, и присутствие противоречия с целями права, с другой стороны, служит аргументом для того, чтобы солидаризироваться с правоведами, характеризующими злоупотребление избирательными правами как особый вид противоправного

[400] Вопрос о противоправности действий, квалифицируемых в качестве злоупотребления правом, порождает наиболее острые разногласия среди исследователей злоупотребления правом вообще и избирательных прав, в частности.

[401] См.: Ливадная Ю.А. Конституционный деликт: понятие, состав, нормативное регулирование (сравнительно-правовое исследование): Дис… канд. юрид. наук. М., 2022.

поведения[402]. В практической плоскости для защиты публичного интереса, а также прав других субъектов и участников избирательного процесса в конкретной ситуации, аргументы для обоснования противоправности действий «недобросовестных» кандидатов следует искать в двух направлениях: 1) путем сопоставления цели установления пассивного избирательного права и фактически преследуемой цели его осуществления конкретным лицом в данном конкретном случае (имея в виду установление степени расхождения во-первых, целей реализации «по оглашению» и «по умолчанию», а во-вторых, социальных целей права (его установления) и действительных целей, к которым стремится управомоченное лицо посредством его осуществления); 2) в русле анализа охранительных норм, установленных другими отраслями законодательства, нацеленных на охрану иных конституционных ценностей и общественных отношений, содержащих запреты совершения действий, составивших «объективную сторону» злоупотребления избирательным правом в рассматриваемых казусах (например, путем анализа действий кандидатов на предмет наличия в них признаков преступления, предусмотренных ст. 159 и ст. 165 УК РФ[403]).

Что касается вреда, который причиняется в результате рассматриваемого примера злоупотребления права (что, по мнению специалистов, является одним из признаков злоупотребления избирательным правом), то его следует оценивать, прежде всего, как вред, причиняемый публичному порядку в сфере народовластия, выборов, осуществления избирательных прав (на что уже было обращено внимание выше), авторитету этих конституционно-правовых институтов[404]. Хотя управомоченное лицо, по всей видимости, не имеет прямого

---

[402] См.: Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения. С. 25–-26.

[403] По этому поводу слово должны сказать представители уголовно-правовых наук и судебная практика.

[404] Например, А.А. Думикян по этому поводу пишет: «Злоупотребление избирательными правами (как активным, так и пассивным) ведет к серьезным последствиям, в частности, к подрыву доверия к избирательной системе, пренебрежительному и равнодушному отношению,

умысла его причинить, не желает и не стремится к его наступлению, оно сознательно его допускает. Следовательно, этот вред можно характеризовать как причиненный с косвенным умыслом.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с очередной новацией в области злоупотребления избирательным правом. Анализ фактических обстоятельств подтверждает этот вывод и служит «актом» верификации теоретических характеристик данного феномена, ранее сформулированных правоведами.

Один из вопросов, поставленных выше, касается условий, создающих возможность для рассматриваемых злоупотреблений избирательным правом. В данном случае следует констатировать пробел в избирательном законодательстве, вследствие которого рассматриваемая практика получила распространение. Утверждать о наличии пробела в праве или в правовом регулировании в целом, преждевременно. Во всяком случае, до получения квалифицированного мнения специалистов или появления правоприменительных решений, содержащих оценку анализируемых деяний в координатах охранительных отраслей права, например, уголовного права. Предпосылки к этому имеются. В первом приближении, как было отмечено выше, есть повод как минимум для выдвижения гипотезы о наличии оснований для уголовно-правовой квалификации описанных действий кандидатов по ст. 159 или 165 УК РФ. При положительном результате ее проверки вывод о пробеле в праве (правовом регулировании) как вариант ответа на поставленный вопрос будет исключен. В случае опровержения данного предположения вопрос о пробеле в праве может сохранить свое место в повестке тематического исследования причин установленных злоупотреблений субъективным избирательными правом.

Здесь резонно задаться вопросами о том, каким образом можно противодействовать воспроизводству рассматриваемой практики злоупотребления избирательным правом и какие правовые средства, механизмы

негативному восприятию института выборов…Участие граждан в выборах не должно подрывать саму выборную систему» (см.: Думикян А.А. Указ. соч. С. 40).

могут быть задействованы или дополнительно для этого созданы. Очевидно, что в идеале требуется восполнить обнаруженный пробел в избирательном законодательстве, выраженный в отсутствии в нем юридических норм, рассчитанных на данную типовую ситуацию, например, исключающие правомерность указанных действий кандидата (устанавливающие прямой запрет на такие действия или ограничивающие свободу кандидата на использование и распоряжение средствами избирательного фонда, а также полномочия избирательных комиссий пресекать соответствующее поведение кандидатов, вплоть до прекращения их статуса). Разработка необходимых для этого юридических конструкций и проектных (законопроектных) решений теоретически возможна. Однако сначала требуется концептуальная проработка этого вопроса, главным образом, для того чтобы, во-первых, соотнести идею законодательной новеллы с допустимыми пределами ограничения свободы субъектов избирательного процесса, имеющих статус выдвинутого кандидата. Во-вторых, сделать правильный выбор варианта правового воздействия на волю и поведение указанных субъектов с целью недопущения злоупотребления избирательным правом (дозволения, запрет, поощрение правомерного поведения и т.п.). Наконец, в-третьих, определиться в том, по какому пути пойти: в сторону казуистического отражения в юридических нормах признаков нежелательного поведения кандидатов в избирательном процессе или в направлении установления общего принципа, позволяющего направлять и корректировать поведение этих лиц[405].

Полагаем что в качестве опорных позиций соответствующих научных изысканий могут послужить следующие идеи.

1. В основу рассуждений и аргументации выводов должны быть положены укоренившиеся в российском обществе, правовой доктрине и юридической практике, нашедшие выражение в Конституции Российской Федерации взгляды

[405] Эти вопросы в отношении злоупотребления избирательным правом вообще (безотносительно к рассмотренному в данной статье примеру) уже поднимались правоведами на страницах юридических изданий. (см.: Думикян А.А. Указ. соч. С. 40).

на соотношение индивидуальной свободы с надличностными интересами, целями и интересами общества, признание принципиальной возможности (допустимости) ограничения индивидуальной свободы и субъективного права, установление пределов осуществления избирательных прав и запрета злоупотребления ими естественным и необходимым[406], а также на природу субъективного избирательного права, обуславливающей сочетание личного (частного) и публичного – т.е. меры индивидуальной свободы и социальной функции и конституционной связи активного избирательного права с пассивным[407].

2. Для определения пределов (общего предела) осуществления избирательного права, во всяком случае на концептуальном уровне, могут быть продуктивно использованы доктринальные разработки представителей цивилистических наук, которые объективно являются пионерами в части изучения феномена злоупотребления правом и имеют боле солидные научные результаты в этой части по сравнению с достижениями публично-правовых наук. В частности, может быть востребована и развернута с учетом специфики избирательных отношений и избирательного права идея целевого осуществления права[408] (к которой мы уже обращались выше), наделения субъективного права определенной «социальной функцией», которая была обоснована Луисом Жоссераном. Он полагал, что законодатель наделил индивида субъективными правами с целью достижения общей социальной цели, а субъективные права являются относительными по своему содержанию (не абсолютными). Государство должно защищать право, только если его осуществление соответствует его социальной функции, любое осуществление права не в

---

[406] Например, А.А. Думикян в связи с этим пишет: «Злоупотребление избирательными правами (как активным, так и пассивным) ведет к серьезным последствиям, в частности, к подрыву доверия к избирательной системе, пренебрежительному и равнодушному отношению, негативному восприятию института выборов…Участие граждан в выборах не должно подрывать саму выборную систему» (см.: Думикян А.А. Указ. соч. С. 40).

[407] См., например: Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 324, 380–384 и др.; Черепанов В.А. Указ. соч. С. 12–22.

[408] Воплощение которой мы обнаруживаем, например, в ст. 1 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР 1961 г. и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.

соответствии с его социальной функцией должно признаваться злоупотреблением[409].

Советские юристы поддерживали использование именно такого предела осуществления субъективного права в качестве единственного. В.А. Рясенцев даже предлагал заменить термин «злоупотребление правом» на «осуществление права в противоречии с его назначением»[410]. При этом под назначением права в советской цивилистической литературе понималась цель, ради достижения которой субъективное право предоставлялось участникам гражданских правоотношений[411].

В этом ключе была разработана концепция «целевого права-обязанности»[412], основное содержание которой состоит в следующем. Так как в законе объективно невозможно предусмотреть все возможные жизненные ситуации, нельзя заранее предписать управомоченному лицу действовать (или не действовать) тем или иным образом. Поэтому возникает необходимость в «предоставлении права в сочетании с установлением обязанности использовать его в определенных целях»[413]. Цель осуществления права будет определять его назначение. Она может определяться указанием на результат, к которому следует стремиться, или указанием на лицо, в чьих интересах следует действовать. В этом случае злоупотреблением правом будут признаваться лишь те действия, которые

---

[409] См.: Cueto-Rua J. Abuse of Rights, 35 La. L. Rev. (1975). URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol35/iss5/3 (дата обращения: 25.04.2025). P. 996; Herman Sh. Classical Social Theories and the Doctrine of ‘Abuse of Right’, 37 La. L. Rev. (1977). URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol37/iss3/6 (дата обращения: 25.04.2025). P. 754; Бержель Ж.-Л. Общая теория права. Под. общ. ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. М. Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 443–444.

[410] Этот термин использовался в ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 08.12.1961.

[411] См, например: Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 8–9, Грибанов В.П. Указ. соч. С. 48–49. Позднее эту позицию поддержал А.А. Малиновский (см.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом как юридическая категория // Черные дыры в российском законодательстве, 2005. № 4. С. 92.

[412] Термин использован Емельяновым В.И. (см.: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. Лекс - Книга, 2002. С. 49).

[413] Емельянов В.И. Указ. соч. С. 49, 51–52.

нарушают предписание осуществлять право с определенной целью и (или) в интересах другого лица[414].

Злоупотребление правом представляет собой поведение, связанное с нарушением обязанности использовать принадлежащее ему право надлежащим образом (по советскому праву – в соответствии с его назначением), и обязанность эта носит общий характер[415]. Таким образом, назначение (функция, цель) права является одним из вариантов определения пределов осуществления права, превышение которых приводит к злоупотреблению правом.

3. С целью совершенствования правового регулирования избирательных отношений в части противодействия злоупотреблению избирательными правами целесообразно использовать творческий потенциал идеи о юридическом закреплении принципа добросовестности в избирательном праве. Большинство специалистов солидарны в том, что в избирательном законодательстве (так же, как и гражданском) невозможно предусмотреть все варианты социально вредного поведения и для защиты избирательных прав граждан необходимо введение в законодательство общей нормы, устанавливающей принцип недопустимости злоупотребления любыми избирательными правами и закрепление механизма для его реализации. В качестве такого механизма предлагается рассматривать отказ суда защищать избирательные права, которыми злоупотребляют[416].

Идея о законодательном закреплении возможности отказа в судебной защите конституционного права гражданина достаточно сложна для того, чтобы с ходу поддержать или опровергнуть эту идею. Оставим ее пока «за скобками». Тем более что в контексте поиска юридических средств противодействия рассматриваемым злоупотреблениям избирательным правом данное предложение мало что дает. Что же касается инициативы закрепления общего принципа недопустимости злоупотребления избирательными правами, то это предложение, на наш взгляд, заслуживает внимания.

---

[414] Смирнова А.Я. Указ. соч. С. 54.

[415] Грибанов В.П. Указ. соч. С. 55.

[416] Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения С. 25.

Следует отметить, что существующие предложения о закреплении в законодательстве некоего общего принципа для целей воспрепятствования злоупотреблению избирательным правом различаются по смысловой нагрузке. Так, одни исследователи предлагают ввести в законодательство принцип недопустимости злоупотребления избирательными правами[417], другие – принцип добросовестности[418]. Анализируя конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами, Г.А. Гаджиев (применительно к гражданско-правовым отношениям, вне контекста избирательных правоотношений) пришел к выводу о том, что принцип добросовестности является более общим по отношению к принципу недопустимости злоупотребления правом[419] (к такому же выводу приводит изучение практики судов зарубежных юрисдикций[420]). Аргументация ученого довольно убедительна, что позволяет поддержать эту точку зрения и использовать этот подход в процессе концептуальной проработки предлагаемых новелл избирательного законодательства. Любое злоупотребление избирательным правом, как это неоднократно показано исследователями, представляет собой заведомо недобросовестное поведение[421]. Понимание соотношения и роли этих принципов в избирательных правоотношениях как взаимосвязанного общего и частного, целого и части ориентирует на конструирование правовых моделей закрепления принципа добросовестности, которые охватывали бы своим содержанием как его, так и принцип недопустимости злоупотребления избирательными правами.

---

[417] Там же.

[418] См.: Загайнова Г.Г. Принцип правовой презумпции и добросовестность в избирательном праве: проблемы реализации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 81–83.

[419] Гаджиева Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 61.

[420] См.: Попова А.В. Развитие и применение принципа добросовестности Судом Европейских сообществ // Российский судья. 2005. № 7. С. 12–15.

[421] Такой же вывод характерен для цивилистических исследований по тематике злоупотреблений гражданскими правами (см.: Смирнова А.Я. Указ. соч. С. 40).

Признание добросовестности принципом общего действия, на наш взгляд, является важным для достижения общей цели в виде обеспечения стабильности избирательного процесса и поддержания состояния его защищенности от злоупотреблений правом, т.к. это способствует приданию правового значения рассмотренным выше пределам осуществления субъективных избирательных прав и критериям нормального, разумного, добросовестного, ожидаемого от субъектов и участников избирательного процесса поведения при осуществлении принадлежащих им прав в соответствии с их предназначением. Законодательное установление принципа добросовестности осуществления избирательных прав способно содействовать приданию объективного характера этим критериям с тем, чтобы оценка поведения субъектов избирательного права основывалась на общепризнанных началах и нормах поведения.

Добросовестность в ее объективном понимании (а именно как обоснованные ожидания определенного поведения субъектов избирательного процесса, нацеленного на достижение цели и реализацию интереса, заключенных в избирательном праве) как содержание одноименного принципа может быть позиционирована в качестве общего предела осуществления избирательного права.

Приведенные выводы и суждения могут послужить подспорьем для подготовки предложений и проектирования законотворческих инициатив, нацеленных на совершенствование избирательного законодательства в части его оснащения эффективными правовыми средствами и механизмами противодействия злоупотреблениям избирательными правами вообще и рассмотренной его разновидности в частности. А пока, вплоть до актуализации российского избирательного законодательства, следует развивать взаимодействие избирательных комиссий с правоохранительными органами и практику субсидиарного применения норм избирательного и других отраслей права[422]

[422] О субсидиарном применении юридических норм см., например: Абрамова А.И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 46–55.

(например, уголовного права в случае, если наши выводы о допустимости уголовно-правовой квалификации рассмотренных действий кандидатов окажутся верными). Такой путь предполагает преодоление выявленных пробелов в законодательстве и открывает хоть и ограниченные, но все же возможности противодействовать описанной практике злоупотребления пассивным избирательным правом[423].

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Пределы осуществления пассивного избирательного права представляют собой обусловленную интегративностью конституционно-правовой природы активного и пассивного избирательного права сферу (пространство) реализуемого гражданином права. Ее границы могут выявляться как через нормативную форму, так и в результате ценностно-целевого истолкования конституционных и иных нормативных установлений.

К правовым ориентирам в определении границ, имеющим нормативное выражение, можно отнести:

систему принципов пассивного избирательного права, производную от конституционных принципов демократии, народовластия, свободных выборов, осуществления прав и свобод человека и гражданина без нарушения прав и свобод других лиц и принципов, обеспечивающих реализацию исследуемого права в избирательном процессе. К числу последних относятся принципы альтернативности (состязательности), открытости и гласности проведения выборов, допустимости различных избирательных систем, а также осуществления субъективных избирательных прав на основе личного участия гражданина в избирательных действиях;

временные интервалы, ограниченные временем проведения выборов, в которые право может быть осуществлено;

дифференциацию выборов и вытекающие из особенностей каждого вида пределов права участвовать в них в качестве кандидата, а также

---

[423] См.: Маркина Л.Л. Злоупотребление пассивным избирательным правом: новая практика, проблемы квалификации и противодействия. С. 12.

предоставленными лицу средствами защиты принадлежащего ему пассивного субъективного права;

юридические факты, обозначающие рубежи (моменты) начала и окончания допустимого (дозволенного) осуществления правомочий, образующих содержание пассивного избирательного права;

конституционно допустимые формы и средства осуществления права;

состав и порядок совершения избирательных действий, посредством которых осуществляются эти правомочия.

В числе ориентиров, которые требуют выявления посредством толкования юридических норм, могут быть названы:

цель установления пассивного избирательного права, выраженная в эффективном функционировании механизмов демократии, народовластия, свободных выборов и обеспечении конституционного правопорядка;

его социальная и общегосударственная функция.

2. Для совершенствования правового регулирования избирательных отношений в части повышения эффективности правовых механизмов противодействия злоупотреблению избирательными правами целесообразно закрепить в перечне принципов проведения в Российской Федерации выборов и референдумов, установленном ст. 3 Федерального закона № 67-ФЗ, интегративный принцип недопустимости злоупотребления избирательными правами, являющийся частью общеотраслевого принципа добросовестности. Подобное закрепление необходимо для определения образа действий носителя пассивного избирательного права и других участников избирательного процесса, препятствующих выявлению действительной воли избирателя или искажающих ее. Естественно-правовое основание данного предложения вытекает из ч. 3 ст. 17, а позитивно-правовое – из ч. 2 ст.15 Конституции Российской Федерации.

С целью обеспечения нормального, разумного, добросовестного, ожидаемого от субъектов и участников избирательного процесса поведения при осуществлении принадлежащих им прав в соответствии с их предназначением, и, в конечном счете – стабильности избирательного процесса, поддержанию

состояния его защищенности от злоупотреблений пассивным избирательным правом, предложено дополнить ст. 141.1 Уголовного кодекса Российской Федераций «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» частью 3 следующего содержания: «Расходование кандидатом, его уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным представителем по финансовым вопросам избирательного объединения, уполномоченным представителем инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума средств избирательного фонда, фонда референдума в крупных размерах в целях личного обогащения, уклонения от уплаты налогов либо страховых взносов и (или) в иных незаконных целях, наказывается лишением свободы на срок до шести лет».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог работе, проведенной в ходе настоящего диссертационного исследования, можно констатировать необходимость комплексного переосмысления конституционно-правовой природы пассивного избирательного права граждан Российской Федерации в его интегративном понимании, выявления закономерностей и современных тенденций развития исследуемого права, а также определения теоретико-правовых оснований совершенствования его нормативного регулирования и правоприменения. Сформулированные в работе выводы и положения подтверждают, что пассивное избирательное право является не только неотъемлемым элементом правового статуса личности, но и фундаментальным компонентом демократии, народовластия и свободных выборов, обеспечивающим возможность участия граждан в управлении делами государства на конституционной основе.

В ходе исследования установлено, что активное и пассивное избирательное право образуют функциональное интегративное единство, обусловленное фундаментальными конституционными принципами, а также объективной необходимостью участия гражданина в формировании и функционировании публичной власти как в качестве избирателя, так и в качестве кандидата. Функциональное единство активного и пассивного избирательного права означает, что осуществление одного из них невозможно без наличия и гарантирования другого. Тем самым в рамках конституционно-правовой материи формируется целостная интегративная модель избирательных прав, характеризующаяся взаимной обусловленностью, системностью и единством целей. В этой связи представляется возможным утверждать, что исследование конституционно-правовой природы пассивного избирательного права в отрыве от активного избирательного права неизбежно ведет к искажению понимания природы исследуемого права и ограничивает возможности совершенствования

механизма конституционно-правового регулирования пассивного избирательного права.

Существенный научный результат настоящей работы заключается в разработке авторской юридической конструкции пассивного избирательного права как идеальной модели, основанной на цели и принципах данного права и предназначенной для соизмерения и совершенствования существующей нормативной основы правового регулирования. Данная конструкция включает в себя совокупность взаимосвязанных элементов: нормативное содержание, объем, имманентные пределы, системные ограничения, пределы и гарантии осуществления пассивного избирательного права, образующих логически целостную модель. Такая модель позволяет оценивать согласованность, полноту и внутреннюю непротиворечивость действующего законодательства, выявлять пробелы и коллизии, а также предлагать направления его оптимизации. Тем самым разработанная конструкция выполняет гносеологическую, методологическую и практическую функции в научном и прикладном измерениях.

Особое внимание в диссертации уделено выявлению нормативного содержания пассивного избирательного права. Установлено, что оно представляет собой не статическую сумму правомочий, а динамичную систему взаимосвязанных юридических возможностей, реализуемых в определенных правовых формах. Нормативное содержание данного права включает комплекс взаимосвязанных правомочий, демонстрирующих черты субъективных прав, но не являющихся ими: быть выдвинутым кандидатом в порядке самовыдвижения или избирательным объединением; финансирование своей избирательной кампании; ведение предвыборной агитации; быть зарегистрированным кандидатом; обращаться в избирательную комиссию или в суд для защиты своего права; назначение наблюдателей и членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса; быть признанным избранным кандидатом; получить мандат, занять выборную должность, а также предложенное автором правомочие прекратить осуществление пассивного избирательного права на какой-либо

стадии избирательного процесса, в частности, снять свою кандидатуру на выборах в течение определенного законодателем (в целях предотвращения злоупотребления пассивным избирательным правом) срока.

В процессе исследования выявлено, что современное конституционно-правовое регулирование избирательных правоотношений характеризуется тенденцией к усложнению структуры пассивного избирательного права и дифференциации его содержания. Возрастающее значение приобретают правовые гарантии, обеспечивающие реальную возможность реализации пассивного избирательного права в векторе его цели и принципов. Это подтверждает тезис о необходимости системного подхода к совершенствованию законодательства, который должен опираться на разработанную в диссертации юридическую конструкцию как теоретический ориентир и инструмент моделирования правовых норм.

В диссертации проведено разграничение понятий «объем», «имманентный предел» и «ограничения» пассивного избирательного права. Объем исследуемого права определяется, с одной стороны, составом образующих его правомочий (содержанием), с другой, – установленными пределами и ограничениями этого права.

Имманентные пределы пассивного избирательного права вытекают из сущности данного права и определяются как объективные границы конституционно признаваемой и защищаемой свободы граждан, установленные и образуемые сложной взаимообусловленной конституционной связью активного и пассивного избирательного права, нормативным содержанием последнего, составом образующих его правомочий.

Существенный теоретический вклад исследования состоит в разработке системного подхода к пониманию ограничений пассивного избирательного права. Ограничения пассивного избирательного права рассматриваются как допускаемые изъятия правомочий, образующих нормативное содержание пассивного избирательного права, уменьшение объема возможности гражданина выдвинуть свою кандидатуру на выборы в органы публичной власти, быть

зарегистрированным кандидатом и быть избранным. Такого рода изъятия ведут к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности. Выявлено, что совокупность ограничений образует целостную, внутренне упорядоченную систему, характеризующуюся структурной взаимосвязанностью и функциональной обусловленностью ее элементов. Такая системность ограничений обеспечивает не только устойчивость правового регулирования, но и предсказуемость правоприменения, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия к институту выборов и повышению уровня легитимности избирательного процесса.

Одним из важнейших направлений исследования стал вопрос о противодействии злоупотреблению пассивным избирательным правом. Автором обосновано, что злоупотребление избирательными правами представляет собой форму деформации правового поведения, нарушающую баланс интересов личности, общества и государства. В связи с этим предложено закрепить в федеральном избирательном законодательстве интегративный принцип недопустимости злоупотребления избирательными правами, являющийся частью общеотраслевого принципа добросовестности, для определения образа действий носителя пассивного избирательного права и других участников избирательного процесса, препятствующих выявлению действительной воли избирателя или искажающих ее. Также в целях обеспечения добросовестного осуществления пассивного избирательного права в соответствии с его целью предложено дополнить уголовное законодательство в части нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения положением, устанавливающим ответственность за умышленные действия, связанные с нецелевым (личное обогащение, уклонение от уплаты налогов, страховых взносов, иные незаконные цели) использованием средств избирательных фондов.

В целом проведенное исследование позволило сформировать целостное теоретическое представление о пассивном избирательном праве как системном

конституционно-правовом феномене, в основе которого лежит интегративное единство активного и пассивного избирательного права, системность ограничений и необходимость добросовестного осуществления субъективных прав. Проведенное автором комплексное теоретико-правовое осмысление закономерностей и тенденций развития пассивного избирательного права формирует основу для дальнейших исследований в области конституционно-правового регулирования избирательных правоотношений и способствует укреплению демократической основы российского государства.

Значение проведенной работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы при совершенствовании избирательного законодательства, подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на развитие избирательных прав граждан, а также в судебной и иной правоприменительной практике. Материалы исследования могут служить теоретико-методологической базой для последующих научных исследований в области конституционного и избирательного права, избирательного процесса.

Таким образом, теоретические положения, выводы и предложения, сформулированные в диссертации, не только уточняют доктринальные подходы к пониманию пассивного избирательного права, но и развивают современную концепцию конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации, задавая направления их дальнейшей институциональной эволюции и правового развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1988. – 10 декабря.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (принят Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

4. Венская декларация и Программа действий (приняты Второй Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976 г. – № 17. – Ст. 291.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. (прекратила действие в отношении Российской Федерации на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

6. Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 44. – Ст. 5400. (прекратил действие в отношении Российской Федерации на основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ).

7. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4971.

8. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

9. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ : в ред. Федерального конституционного закона от 13 декабря 2024 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 315-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. Федерального закона от 15 октября 2025 г. № 378-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 344-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ : в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 288-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

15. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ : в ред. Федерального закона от 23 мая 2035 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

16. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

17. О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ : в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5303.

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управлении в области противодействия экстремизму : Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ : в ред. Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4008.

19. О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантия избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” : Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ : в ред. Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2274.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ : в ред. Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 739.

21. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ : в ред. в ред. Федерального закона от 23 мая 2025 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

22. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ : в ред. Федерального закона от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 21. – Ст. 3232.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ : в ред. Федерального закона от 29 мая 2023 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 12. – Ст. 1787.

24. О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 15 мая 2024 г. № 99-ФЗ : в ред. Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 21. – Ст. 2650.

25. Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов : Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2001 г. № 576 : в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 13 марта 2015 г. № 222 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3335.

26. Избирательный кодекс г. Москвы : Закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 : в ред. Закона г. Москвы от 24 сентября 2025 г. № 37 // Ведомости Московской городской Думы. – 2005. – № 8.

Нормативные правовые акты СССР, РСФСР (утратившие силу)

27. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов10 июля 1918 г.) // Известия Всероссийского центра исполнительного комитета Союза советских и социалистических республик и Всероссийского комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Комитета. – 1918. – № 151. – 19 июля.

28. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1925. – № 118.

29. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

30. Гражданский кодекс РСФСР (ГК РСФСР) от 31 октября 1922 г. // Известия ВЦИК. – 1922. – № 256.

31. Гражданский кодекс РСФСР (ГК РСФСР) от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

32. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 8 декабря 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

Судебная практика Российской Федерации

33. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708.

34. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1764.

35. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 54.

36. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года “О государственной тайне” в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1768.

37. По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 1997 года № 9-П // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 26. – Ст. 3145.

38. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан “О Президенте Республики Башкортостан” (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан “О выборах Президента Республики Башкортостан” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 18. – Ст. 2063.

39. По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта “а” пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3002.

40. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1998 г. № 26-П // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 48. – Ст. 5969.

41. По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2000 № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 19. – Ст. 2002.

42. По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 8. – Ст. 991.

43. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова : Постановление Конституционного Суда от 15 января 2002 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 626.

44. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2002 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 25. – Ст. 2515.

45. По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона “О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 25. – Ст. 2564.

46. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 44. – Ст. 4358.

47. По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области “О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области” в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2004 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4948.

48. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона “О референдуме Российской Федерации” в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2007 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 14. – Ст. 1741.

49. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона “О политических партиях” в связи с жалобой политической партии “Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов” : Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3989.

50. По делу о проверке конституционности подпункта “л” пункта 25 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 10 части 9 статьи 41 Закона Вологодской области “О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области” в связи с жалобой

общественного объединения “Политическая партия “Союз правых сил” : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2008 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 11 (Ч. II). – Ст. 1073.

51. По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, подпункта “к” пункта 2 статьи 21 Федерального закона “О политических партиях”, части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края “О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края” и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2009 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 47. – Ст. 5709.

52. По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 1 и подпункта “а” пункта 8 статьи 29 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 27. – Ст. 3552.

53. По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 43. – Ст. 5622.

54. По делу о проверке конституционности пунктов 2 – 6 статьи 13 Федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" в связи с жалобой граждан В.Л. Герасименко и Л.Н. Герасименко” : Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2014 г. № 12-П // Российская газета. – 2014. – 29 апреля.

55. По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К.С. Янкаускаса : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 34-П // Собрание законодательства РФ. –2015. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 768.

56. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

57. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налетова Виталия Иннокентьевича на нарушение его конституционных прав Законом Кемеровской области “О статусе депутата Законодательного Собрания Кемеровской области” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 мая 1998 г. № 90-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision31130.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

58. По запросу судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда о проверке конституционности положений статьи 12 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, пункта 1 статьи 2 Федерального закона “Об основах муниципальной службы в Российской Федерации”, а также пунктов 1 и 4 статьи 56 Устава (Основного Закона) Челябинской области : Определение

Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2003 г. № 41-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5033075/ (дата обращения: 05.06.2025).

59. По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона “О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации”: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 7-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 3.

60. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гришкевича Владимира Филиповича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 845-О-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://base.garant.ru/1785447/ (дата обращения: 05.06.2025).

61. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 52. – Ст. 6533.

62. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Валерия Валентиновича на нарушение его конституционных прав положениями Федеральных законов “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” и “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов) : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря

2007 г. № 920-О-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685596/ (дата обращения: 02.06.2025).

63. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Приятельчука Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 4, 7 и 37 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2007 г. № 921-О-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://base.garant.ru/1785595/ (дата обращения: 02.06.2025).

64. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Петрова Юрия Михайловича и Решетовой Надежды Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года № 1036-О-О/2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92781/ (дата обращения: 02.06.2025).

65. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта “г” пункта 3.2 статьи 4 и подпункта “ж” пункта 7 статьи 76 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июня 2010 г. № 757-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102330/ (дата обращения: 03.06.2025).

66. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Грошева Сергея Рафаэльевича и Распопина Виктора Николаевича на нарушение их конституционных прав частью 12 статьи 3 и частью 1 статьи 7 Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им

отдельных выплат” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 211-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://base.garant.ru/70876586/ (дата обращения: 03.06.2025).

67. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Гурмана Юрия Альбертовича частью 1 статьи 55 и частью 9 статьи 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2016 г. № 1782-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – Режим доступа: https://base.garant.ru/71506424/ (дата обращения: 03.06.2025).

68. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлосберга Льва Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 1710-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision622251.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

69. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузьмина Николая Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 1711-О [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда

Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision622252.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

70. О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации» от 31 марта 2011 г. № 5 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 321-341.

71. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/32602/?ysclid=m8r24h4jof586272122 (дата обращение: 15.08.2025).

72. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. № 3-ИКАД20-1-А2 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 436-440.

73. Кассационное определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2025 г. 88а-22787/2025 по делу № 2а-1045/2025 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие» – Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 20.08.2025).

74. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2019 г. № 74-АПА19-2 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/BXaFmNp9o7Nr/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=74-АПА19-2+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1762162920386 (дата обращения: 20.08.2025).

75. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № 55-АПА19-9 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021.– С. 458-462.

76. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2019 г. № 117-АПА19-9 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 405-409.

77. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2019 г. № 83-АПА19-22 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 431-435.

78. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 83-АПА19-24 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 516-526.

79. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2019 г. № 78-АПА19-58 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 476-483.

80. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 92-АПА19-18 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 445-448.

81. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2019 г. № 78-АПА19-70 // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 440-445.

82. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2003 г. № 56-Г03-21 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/z4e5obpnzKxZ/ (дата обращения: 15.08.2025).

83. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2004 г. № 45-Г04-11 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Судебная система РФ» – Режим доступа: https://www.sudbiblioteka.ru/vs/list_verhsud_big_11.htm (дата обращения: 15.08.2025).

84. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2004 г. № 45-Г04-12 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Судебная система РФ» – Режим доступа: https://www.sudbiblioteka.ru/vs/list_verhsud_big_11.htm (дата обращения: 15.08.2025).

85. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2025 г. № 91-ИКАД25-1-КЗ [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/?vsrf-txt=%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=14.04.2025&vsrf-date_to=14.04.2025&vsrf-judge=#searchResult (дата обращения: 15.08.2025).

86. Решение Северного районного суда г. Орла от 10 октября 2012 г. // ГАС РФ «Правосудие». – Режим доступа: https://sudact.ru (дата обращения: 15.08.2025).

Акты Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

87. Об обеспечении реализации избирательных прав кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения, при приеме окружной избирательной комиссией документов для выдвижения, регистрации, а также иных избирательных документов при проведении выборов депутатов

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 мая 2021 г. № 6/47-8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384562/ (дата обращения: 10.05.2025).

88. О Перечне и формах документов, в том числе в машиночитаемом виде, представляемых политическими партиями и кандидатами в избирательные комиссии при проведении дополнительных выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатному избирательному округу : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 1 июня 2022 г. № 85/707-8 : в ред. от 5 июня 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418413/ (дата обращения: 15.05.2025).

89. О Порядке открытия, ведения и закрытия специальных избирательных счетов для формирования избирательных фондов политических партий, региональных отделений политических партий, кандидатов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 2 июня 2021 г. № 8/59-8 : в ред. от 01 июня 2023г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385960/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.05.2025).

90. Об Инструкции о порядке формирования и расходования денежных средств избирательных фондов политических партий, региональных отделений политических партий, кандидатов при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 02 июня 2021 г. № 8/60-8 : в ред. от 14 июня 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС

«КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386159/ (дата обращения: 12.05.2025).

91. Об особенностях голосования, установления итогов голосования в случае принятия решения о проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/718-8 : в ред. 10 июля 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418807/ (дата обращения: 15.05.2025).

92. Об обеспечении реализации избирательных прав кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения, при приеме окружными избирательными комиссиями документов для выдвижения, регистрации, а также иных избирательных документов при проведении дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 115/903-8. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447437/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 30.05.2025).

93. О формах представлений о проведении проверки сведений, указанных физическими и юридическими лицами при внесении (перечислении) добровольных пожертвований в избирательные фонды кандидатов на должность Президента Российской Федерации, и сообщений о результатах этой проверки : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 ноября 2023 г. № 137/1042-8. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

94. О проведении голосования на выборах Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года, в течение нескольких дней

подряд : Постановление Центральной избирательной комиссии от 8 декабря 2023 г. № 140/1080-8 : в ред. от 8 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469095/ (дата обращения: 15.05.2025).

95. О Порядке открытия, ведения и закрытия специальных избирательных счетов для формирования избирательных фондов кандидатов на должность Президента Российской Федерации : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 13 декабря 2023 г. № 142/1090-8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464373/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 20.05.2025).

96. О проведении голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам и иных совмещенных с ними выборах и референдумах, назначенных на 8 сентября 2024 года, в течение нескольких дней подряд» : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июня 2024 г. № 173/1359-8. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479067/ (дата обращения: 15.05.2025).

97. О применении отдельных положений постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 года № 86/718-8 “Об особенностях голосования, установления итогов голосования в случае принятия решения о проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд” : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июня 2024 г. № 173/1360-8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479065/ (дата обращения: 15.05.2025).

98. Положение об особенностях подготовки и проведения голосования на избирательных участках за пределами территории субъекта Российской Федерации, где избиратели обладают активным избирательным правом: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 120/950-8 : в ред. от 31 июля 2024 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450791/ (дата обращения: 10.05.2025).

Решения Европейского Суда по правам человека

99. Матье-Моэн и Клерфейт против Бельгии : Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 1987 г., жалоба № 9267/81 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М. : Норма, 2000. – С. 532-540.

100. Подколзина против Латвии : Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2002 г., жалоба № 46726/99 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2002. – № 4.

101. Херст против Соединенного Королевства : Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 г., жалоба № 74025/01 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 4.

102. Жданок против Латвии : Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 марта 2006 г., жалоба № 58278/00 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 10.

103. Namat Aliyev v. Azerbaijan, HUDOC (2010) [Электронный ресурс] // Bicocca Law and Pluralism. – URL: https://www.lawpluralism.unimib.it/en/oggetti/1005-namat-aliyev-v-azerbaijan-no-18705-06-e-ct-hr-prima-section-8-april-2010 (дата обращения: 05.08.2025).

104. Abil v. Azerbaijan, HUDOC (2012) [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights. – URL:

https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-198707%22]} (дата обращения: 05.08.2025).

105. Дело X против Бельгии D.R. : Решение от 18 сентября 1961 г. о приемлемости жалобы № 1028/61 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 4. – С. 338.

106. X против Федеративной Республики Германии : Решение от 6 октября 1967 г. о приемлемости заявления № 2728/66 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 10.– С. 338.

107. W, X, Y и Z против Бельгии : Решение от 30 мая 1975 г. о приемлемости жалоб № 6745 и 6746/76 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 18. – С. 244.

Монографии, сборники, научные статьи

108. Абрамова, А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования / А. И. Абрамова // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 46-55.

109. Авакьян, С. А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2015. – 680 с.

110. Акчурин, А. Р. Злоупотребление правом в избирательном процессе: проблемы противодействия / А. Р. Акчурин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 11. – С. 53-57.

111. Александрина, М. А. Формирование и развитие юридической конструкции субъективного права собственности / М. А. Александрина // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 84-91.

112. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – М. : Госюриздат, 1961. – 271 с.

113. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2001. – 601 с.

114. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 2-19.

115. Архирейская, Т. Ю. Всеобщее избирательное право в системе принципов электоральной демократии / Т. Ю. Архирейская. – Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА: Выпуск двенадцатый. Оренбург, 2010. – С. 7-15.

116. Афанасьев, С. Обзор правовых позиций в определениях Конституционного Суда России / С. Афанасьев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 4. – С. 189 – 196.

117. Бажуков, С. А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан / С. А. Бажуков // Юридические записки. – 2014. – № 2. – С. 63-69.

118. Баранов, В. М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования / В. М. Баранов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 15-29.

119. Баранов, В. М. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока / В. М. Баранов, Ю. Л. Мареев // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 112-119.

120. Белкин, А. А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву / А. А. Белкин. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2003. – 319 с.

121. Белоновский, В. Н. Представительство и выборы в России с древнейших времен до XVII века (теория, история, практика) / В. Н. Белоновский, А. В. Белоновский. – М. : Приор, 1999. – 268 с.

122. Белоновский, В. Н. Цензовые ограничения в избирательном праве по Конституции СССР 1936 года / В. Н. Белоновский // Юриспруденция. – 2007. – № 10. – С. 161-184.

123. Беляев, В.П. Юридическая конструкция / В. П. Беляев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/iuridicheskaia-konstruktsiia-3a3add (дата обращения: 05.05.2025).

124. Биктагиров, Р. Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов Царской Думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации / Р. Т. Биктагиров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3(29). – С. 11-46.

125. Бондарь, Н. С. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 5. – С. 27-40.

126. Борисов, И. Б. Выборы в мире: избирательне цензы / И. Б. Борисов, А. Г. Головин, А. В. Игнатов, Ю. Ю. Комиссаров / Под общ. ред. И. Б. Борисова. – М. : РОИИП, 2015. – 334 с.

127. Босова, Е. Н. Международные избирательные стандарты / Е. Н. Босова // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 1(44). – С. 79-95.

128. Бошно, С. В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики / С. В. Бошно // Государство и право. – 2015. – № 11. – С. 14-23.

129. Братусь, С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 8. – С. 31-36.

130. Венецианская комиссия о выборах и избирательных технологиях / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : ИЗиСП, 2020. – 400 с.

131. Ветютнев, Ю. Ю. Аксиология правовой формы / Ю. Ю. Ветюнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 197 с.

132. Водовозов, В. В. Всеобщее избирательное право и применение его в России / В. В. Водовозов. // Правовое государство и всенародное голосование (К реформе государственного строя России). – 1906. № 2. – С. 91-142.

133. Водовозов, В. Избирательное право в Европе и России / В. Водовозов. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1906. – 65 с.

134. Вольфсон, В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве / В. Л. Вольфсон. – М. : Проспект, 2014. – 143 с.

135. Гаджиев, Г. А. Конституционность норм гражданского права (теоретические ос новы решений Конституционного Суда Российской Федерации) / Г. А. Гаджиев // Российский юридический журнал. – 1997. – № 3. – С. 3-15.

136. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54-62.

137. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации) / Г. А. Гаджиев. – М. : Юристъ, 2004. – 284 с.

138. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.

139. Горылев, А. И. Особенности становления избирательного права в России / А. И. Горылев, А. В. Зеленов // Вестник ННГУ. – 2008. – № 5. – С. 186-194.

140. Горячих, А. А. Пределы осуществления активного избирательного права: понятие и виды / А. А. Горячих // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2015. – № 2. – С. 43-48.

141. Государственное право Германии. В 2-х т. / Пер. с нем.; редкол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.), Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьясотв. ред. Б. Н. Топорнин. Т. 2. – М. : ИГПАН, 1994. – 319 с.

142. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000. – 410 с.

143. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 317 с.

144. Должиков, А. В. Юридическая природа основных избирательных прав и проблемы их реализации / А. В. Должиков // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2008. – № 1. – С. 12-19.

145. Дудко, И. Г. Защита персональных данных кандидата в избирательном процессе / И. Г. Дудко // Проблемы права. – 2017. – № 5(64). – С. 26-31.

146. Думикян, А. А. Злоупотребление активным и пассивным избирательным правом в российском избирательном процессе / А. А. Думикян // Избирательное право. – 2020. – № 2. – С. 38-46.

147. Евдокимов, С. В. Юридическая конструкция принципа всеобщего избирательного права и практика его реализации / С. В. Евдокимов // Юридическая техника. – 2013. – № 7. Ч. 2. – С. 230-237.

148. Евтушенко, С. М. Конституционно-правовой анализ условий, ограничений и имманентных пределов пассивного избирательного права / С. М. Евтушенко // Вестник Поволжского института управления. – 2023. Т. 23. – № 1. – С. 84-90.

149. Емельянов, В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В. И. Емельянов. –М. : Лекс-Книга, 2002. – 159 с.

150. Ефремова, Н. Н. становление избирательного права в России / Н. Н. Ефремова // Государство и право. – 1988. – № 3. – С. 111-118.

151. Забайкалов, А. П. Цензы, ограничивающие пассивное избирательное право, в законодательстве Российской Федерации / А. П. Забайкалов // Конституционно-правовые механизмы защиты прав человека и гражданина в России и мире: материалы международной научно-практической конференции. – М. : Российский новый ун-т, 2019. – С. 275-288.

152. Загайнова, Г. Г. Принцип правовой презумпции и добросовестность в избирательном праве: проблемы реализации / Г. Г. Загайнова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 81-83.

153. Игнатенко, В. В. Избирательные цензы на выборах в Государственную Думу России: история и современность / В. В. Игнатенко //

Российское избирательное право: история и современность. – 2006. – № 2. – С. 11-14.

154. Избирательное право / Георг Мейер; С предисл. издателя и Георга Иеллинека [ко 2-й ч.]. – М.: В. М. Саблин, 1905-1906. Т. 2. – 247 с.

155. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. А. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.

156. Иоффе, О. С. Юридические нормы и человеческие поступки, в сб.: Актуальные вопросы советского гражданского права / О. С. Иоффе; под ред. С.Н. Братуся, О.С. Иоффе, Я.А. Куника. Вып. 36. – М. : Юридическая литература, 1964. – С. 10-51.

157. Князев, С. Д. Очерки теории российского избирательного права / С. Д. Князев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. – 414 с.

158. Колесников, О. П. Пределы субъективных гражданских прав / О. П. Колесников // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 37-43.

159. Колосова, Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики / Н. М. Колосов // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 36-47.

160. Кондрашев, А. А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права / А. А. Кондрашев, Н. А. Сидорова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 59–74.

161. Кондрашев, А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – №7. – С. 40-47.

162. Конституционное законодательство России / Под ред. Ю. А. Тихомирова. – М. : Городец: Формула права, 1999. – 381 с.

163. Конституция и модернизация законодательства: материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 27 мая – 5 июня 2020 г.) / пред. ред. кол. Т. Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства

и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. – 1076 с.

164. Конституция, закон, подзаконный акт / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Юридическая литература, 1994. – 133 с.

165. Краснов, М. А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) / М. А. Краснов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 82-93.

166. Крашенинников, Е. А. Интерес и субъективное гражданское право / Е. А. Крашенинников // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 133-141.

167. Кузнецова, О. В. Понятие и сущность пассивного избирательного права / О. В. Кузнецова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2007. – № 12. – С. 81-87.

168. Кузьмина, Т. И. Избирательное право в Российской Федерации: исторический и правовой аспекты / Т. И. Кузьмина // Сборник материалов конференции по вопросам теории и практики избирательного законодательства в связи с предстоящими выборами депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва (26февраля – 20 мая 2016 г.). – Геленджик : ФГБУ «Кубанский государственный университет», 2016. –С. 250-259.

169. Куликов, М. Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения / М. Ю. Куликов // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 2(65). – С. 21-26.

170. Куликов, М. Ю. Формы и виды злоупотреблений избирательными правами (классификация злоупотреблений избирательными правами) / М. Ю. Куликов // Избирательное право. – 2015. – № 4. – С. 16-25.

171. Лазарев, В. В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве: судебные речи / В. В. Лазарев. – М. : ИЗиСП: ИНФРА-М, 2015. – 878 с.

172. Лазарев, В. В. Интегративное восприятие права / В. В. Лазарев // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.

173. Лазарев, В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решениях суда / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5-18.

174. Лазарев, В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 35-47.

175. Лазарев, В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1974. – 184 с.

176. Лазарев, В. В. Сфера и пределы правового регулирования / В. В. Лазарев // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38-44.

177. Лазарев, Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М. : ОАО «Издательский дом “Городец”»; Формула права, 2003. – 528 с.

178. Лапаева, В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В. В. Лапаева // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 14-24.

179. Лебедев, В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В. А. Лебедев // Lex Russica. – 2017. – № 1 (122). – С. 130-139.

180. Левин, В. Г. «Связь» как философская категория / В. Г. Левина // Вестник Университета Российской академии образования. – 2006. – № 2. – С. 36-47.

181. Лексин, И. В. Выдвижение и регистрация кандидатов: обновленное законодательство и новые проблемы / И. В. Лексин // Право и власть. – 2002. – № 12. – С. 3-33.

182. Лукьянова, Е. А., Классификация поправок в избирательное законодательство как маркер целей и задач власти / Е. А. Лукьянова, Е. Н. Прошин // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 3. – С. 29-37.

183. Макарцев, А .А. Ограничение субъективного избирательного права в странах-участниках Евразийского экономического Союза: общее и особенное / А. А. Макарцев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 3(25). – С. 88-101.

184. Макарцев, А. А. Злоупотребление избирательными правами: теоретико-правовые основы и проблемы ограничения / А. А. Макарцев // Избирательное право. – 2015. – № 1. – С. 12-18.

185. Макарцев, А. А. К вопросу об отказе в регистрации кандидатов на основании причастности к деятельности экстремистских организаций / А. А. Макарцев // Юридическая наука и практика. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 16-24.

186. Макарьев, А. А. Социальное и индивидуальное в электоральной демократии: доктрина Конституционного Суда Российской Федерации / А. А. Макарьев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 1. – С. 62-80.

187. Малиновский, А. А. Злоупотребление правом как юридическая категория / А. А. Малиновский // Черные дыры в российском законодательстве. – 2005. – № 4. – С. 92-95.

188. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2. изд., перераб. и доп. / А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2003. – 248 с.

189. Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько. – Саратов : РАН. Сарат. фил. Ин-та гос-ва и права, Сарат. гос. акад. права, 2003.– 293 с.

190. Малютин, Н. С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина / Н. С. Малютин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 20-27.

191. Маркина, Л. Л. Особенности реализации избирательных прав отдельных категорий граждан Российской Федерации / Л. Л. Маркина // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Орел, 20 мая 2015 г. / под ред. Е.Н. Щендригина, Д.П. Майоровой. – Орел, 2015. – С. 31-35.

192. Маркина, Л. Л. Злоупотребление пассивным избирательными правом: новая практика, проблемы квалификации и противодействия / Л. Л. Маркина // Избирательное законодательство и практика. – 2024. – № 4. – С. 6-13.

193. Маркина, Л. Л. Активное и пассивное избирательное право: взаимосвязь и конституционное регулирование / Л. Л. Маркина // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 7. – С. 33-42.

194. Маркина, Л. Л. Конституционно-правовая природа активного и пассивного избирательного права и ее интерпретация в современной юридической доктрине / Л. Л. Маркина // Гражданин. Выборы. Власть. – 2025. – № 2(36). – С. 11-24.

195. Маркина, Л. Л. Нормативное содержание пассивного избирательного права / Л. Л. Маркина // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 2. – С. 2-13.

196. Маркина, Л. Л. Реализация избирательных прав граждан Российской Федерации в экстраординарных условиях: доктринальное осмысление нового опыта / Л. Л. Маркина // Экономика. Право. Общество. – 2025. – № 1(41). – С. 187-193.

197. Маркина, Л. Л. Технологическая платформа правопорядка в сфере выборов (на примере Российской Федерации) / Л. Л. Маркина // Образование и право. – 2024. – № 10. – С. 100-107.

198. Маркина, Л. Л. Юридическая конструкция пассивного избирательного права / Л. Л. Маркина // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 1. – С. 2-11.

199. Махашев, Р. Ю. Активное избирательное право: понятие и содержание / Р. Ю. Махашев // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. – 2007. – № 7. –С. 21-25.

200. Методические рекомендации по использованию юридических конструкций в правотворчестве, науке и учебном процессе // Юридическая техника. 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 902-905.

201. Митюшев, Д. И. К вопросу об условиях реализации пассивного избирательного права / Д. И. Митюшев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 4. – С. 123-124.

202. Михалева, Н. А. Правовой статус кандидата, зарегистрированного кандидата и его представителей / Н. А. Михалева // Электронный журнал «Демократия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/learning/lectures/page7.html (дата обращения: 01.06. 2025).

203. Морозова, Л. А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: Материалы «круглого стола» / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 20-42.

204. Назаренко, Г. В. Категория концептуальности в уголовном праве // Правовые технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lawtech.ru/sites/default/files/2017ds1204.pdf?ysclid=m0zbojiywq133648535 (дата обращения: 15.05.2025).

205. Назаров, Д. Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России / Д. Г. Назаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 87-91.

206. Новиков, М. В. Сущность конституционных ограничений правового статуса личности / М. В. Новиков // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 9. – С. 31-33.

207. Нудненко, Л. А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права / Л. А. Нудненко // Государство и право. – 2014. – № 3. – С. 5-14.

208. Нудненко, Л. А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации / Л. А. Нудненко. – М. : Норма, 2016. – 378 с.

209. Нудненко, Л. А. Принципы пассивного избирательного права: система и взаимодействие с конституционными правами и свободами личности в России /

Л. А. Нудненко // Актуальные проблемы российского права. – 2015.– № 10 (59). – С. 53-59.

210. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. – М. : ИЗиСП, 2021. – 96 с.

211. Осавелюк, А. М. Государственный режим как способ реализации формы правления: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 1. – С. 12-16.

212. Переверзев, В. В. Юридическая конструкция как научная проблема / В. В. Переверзев // Философия права. – 2009. – № 3. – С. 113-116.

213. Перфильев, В. В. Основные характеристики природы права: общетеоретический аспект / В. В. Перфильев, К. А. Орлов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 31-37.

214. Платон. Софист 240a. [диалог] / перевод, интерпретация, комментарии и приложения И.А. Протопоповой. СПб : Платоновское философское общество, 2019. – 261 с.

215. Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков / Авторы и составители: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко / Под общ. науч. ред. Ю. А. Веденеева и И. Б. Борисова. М. : РОИИП, 2009. – 943 с.

216. Попова, А. В., Развитие и применение принципа добросовестности Судом Европейских сообществ / А. В. Попова // Российский судья. – 2005. – № 7. – С.12-15.

217. Постников, А. Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2022. – Т.26. – № 5. – С. 31-42.

218. Правовое регулирование выборов Президента Российской Федерации / под ред. С. В. Кабышева, Г. В. Минха. – М. : ООО «Формула права», 2005. – 158 с.

219. Пустобаева, Л. А. О понятии субъективного права / Л. А. Пустобаева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 47-54.

220. Романовский, В. Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России / В. Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2019. – Т. 7, № 4 (28). – С. 16-21. – Режим доступа: http://esj.pnzgu.ru (дата обращения: 05.05.2025).

221. Рясенцев, В. А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав / В. А. Рясенцев // Советская юстиция. – 1962. – № 9. – С. 7-10.

222. Садовникова, Г. Д. Избирательное законодательство в Российской Федерации: этапы становления и тенденции развития / Г. Д. Садовникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 45-53.

223. Слободчикова, С. Н. Свободные выборы в новом конституционном цикле Российской Федерации / С. Н. Слободчикова // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 2. – С. 18-21.

224. Слободчикова, С. Н. Свободные выборы как избирательный стандарт / С. Н. Слободчикова. – М : Юстицинформ, 2022. – 188 с.

225. Смирнова, М. А. Эволюция ограничений пассивного избирательного права / М. А. Смирнова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 3 (18).

226. Снежко, О. А. Пределы законодательных ограничений социальных прав / О. А. Снежко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2. – С. 34-46.

227. Советников, И. В. Злоупотребления правом в избирательном процессе / И. В. Советников. – М. : ЧеРо, 2010. – 122 с.

228. Стародубцева, И. А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах / И. А. Стародубцева // Права и свободы человека и эффективные механизмы их реализации в мире, России и Татарстане: материалы международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2013 г. – Казань: Познание, 2014. – С. 734-740.

229. Стародубцева, И. А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах / И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 25-28.

230. Стародубцева, И. А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах / И. А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 4. – С. 25-28.

231. Степин, В .С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степина. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 541 с.

232. Степин, В. С. Идея права как социокультурный феномен. В кн.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / В. С. Степин; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М. : ИГП РАН, 2019. – С. 93-112

233. Степин, В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития / В. С. Степина. – М. : Отделение общественных наук РАН, Секция философии, политологии, социологии и права, 2018. – 27 с.

234. Субочев, В. В. Законные интересы: монография / В. В. Субочев; под ред. А. В. Малько. – М. : Норма, 2008. – 495 с.

235. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М. : ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 344 с.

236. Таева, Н. Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений / Н. Е. Таева // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 9. – С. 1080-1088.

237. Тарасов, Н. Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования / Н. Н. Тарасов // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 18-25.

238. Тишин, Р. В. Юридическая конструкция права на судебную защиту / Р. В. Тишин // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 762-769.

239. Третьяков, С. В. Учение С.Н. Братуся о субъективном праве - поворотный пункт в развитии отечественной цивилистики в ном праве / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2023. –Т. 23, № 2. – С. 145-189.

240. Троицкая, А. А. Ограничение конституционных прав / А. А. Троицкая// Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/ogranichenie-konstitutsionnykh-prav-e15855 (дата обращения: 15.02.2025)

241. Углов, С. А. Эволюция избирательного права в России в XXI веке / С. А. Углов // Вопросы российской юстиции. – Выпуск 24. – С. 76-95.

242. Филиппова, С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С. Ю. Филиппова. – М. : Статут, 2011. – 317 с.

243. Фомин, А. А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность / А. А. Фомин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5(148). – С. 29-38.

244. Хабриева, Т. Я. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. – М. : Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРАМ, 2020. – 176 с.

245. Харрис, Д. Право Европейской Конвенции по правам человека / Д. Харрис, М. О' Бойл, К. Уорбрик; Пер. с англ. В.А. Власихин и др.; Науч. ред. А.И. Ковлер. – М. : Развитие правовых систем, 2016. – 1340 с.

246. Хвалев, С. А. Юридические конструкции в избирательном праве: сущность, условия реализации и виды / С. А. Хвалев // Избирательное право. – 2015. – № 2. – С. 2-7.

247. Хизов, В. Е. Юридическая конструкция как средство познания / В. Е. Хизов // Бизнес, менеджмент, право. – 2012. – № 2. – С. 133-137.

248. Цакиракис, С. Пропорциональность: посягательство на права человека? / С. Цакиракис // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2(81). – С. 57-66.

249. Цветков, В. Я. Теория систем / В. Я. Цветков. – М. : МАКС Пресс, 2018. – 218 с.

250. Челышев, М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации / М. Ю. Челышев // Гражданское право. – 2013. – № 1. – С. 33-35.

251. Червонюк, В. И. Избирательные цензы: конституционный анализ / В. И. Червонюк // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 1. – С. 5-10.

252. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 189 с.

253. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции / А. Ф. Черданцев. – М. : Норма, 2012. – 319 с.

254. Черепанов, В. А. Всеобщее избирательное право: за и против / В. А. Черепанов // Всеобщее избирательное право: за и против. Материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Выпуск 1. Отв. ред. В.А. Черепанов. – Ставрополь : АГРУС ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019. – С. 12-22.

255. Черепанов, В. А. К вопросу об ограничении пассивного избирательного права / В. А. Черепанов // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 47-54.

256. Черепанов, В. А. О проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» / В. А. Черепанов // Журнал российского права. – 2013. – № 3. – С. 84–99.

257. Черепанов, В. А. О проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» / В. А. Черепанов // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 105-111.

258. Черепанов, В. А. Право выдвижения кандидатов в структуре избирательных прав граждан/ В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 48-53.

259. Черногор, Н. Н. Концепции развития российского законодательства в параметрах академической науки / Н. Н. Черногор // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 7. – С. 96–108.

260. Черногор, Н. Н. Проблемы ответственности в теории муниципального права и практике местного самоуправления / Н. Н. Черногор. – М. : Юриспруденция, 2007. – 304 с.

261. Чижков, С. Л. Русская правовая и политическая мысль: Антология / Ред.-сост. С. Л. Чижков. – М. : Летний сад, 2013. – 720 с.

262. Чиркин, С. В. Стандарты избирательного права в позициях Венецианской комиссии Совета Европы и Европейского суда по правам человека / С. В. Чиркин, Я. И. Лебедев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 5-19.

263. Чупилкина, А. Ф. Избирательное право в контексте правового государства: законодательное регламентирование и практическая реализация / Д. Х. Шабаева, А. Ф. Чупилкина. – Самара : Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2020. – 76 с.

264. Чуров, В. Е. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России). Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008-2012. Т. 3 / В. Е. Чуров, Б. С. Эбзеев. – М. : ЗАО «Гриф и К», 2013. – С.317-385.

265. Шапошников, А. В. Правовое регулирование применения цифровых технологий на выборах: перспективы усовершенствования образовательных программ ВУЗов / А. В. Шапошников // Образование и право. – 2023. – № 7. – С. 53-56.

266. Шведова, В .В. Принципы конституционно-правовой ответственности за избирательные правонарушения: понятие и содержание / В. В. Шведова // Избирательное право. – 2006. – № 1. – С. 42-58.

267. Шериев, А. М. О сущности и содержании субъективного права / А. М. Шериев // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 4. – С. 60-63.

268. Широбоков, С. А. Юридическая конструкция участия граждан в управлении делами государства / С. А. Широбоков // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 886-889.

269. Шлинк, Б. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей / Б. К. Шлинк // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 2. – С. 57–62.

270. Эбзеев, Б. С. Государство в социокультурной системе России: непрерывность, суверенитет, базовые смыслы / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2025. – № 5. – С. 95–113.

271. Эбзеев, Б. С. Ограничения конституционных прав: понятие и пределы / Б. С. Эбзеев // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 1. – Н. Новгород : Изд-во Нижегор. Юрид. ин-та МВД РФ, 1998. – С. 6-9.

272. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2005. – 574 с.

273. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2017. – 652 с.

274. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Сочинения. 2-е, доп. и исправл., изд.Т.1 / Д. Юм. –М. : «Мысль», 1996. – 733 с.

275. Юридическая техника. Тема выпуска: «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине», 2013. –№ 7 (ч. 2). – 960 с.

276. Яшина, М. В. О злоупотреблении пассивным избирательным правом на муниципальных выборах / М. В. Яшина // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 67-69.

Комментарии законодательства и учебная литература

277. Авакьян, С. А. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы. Учебно-

методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2015. – 679 с.

278. Алексеева, М. Б. Теория систем и системный анализ: учебник и практикум для вузов / М. Б. Алексеева, П. П. Ветренко. – М. : Изд-во Юрайт, 2025. – 298 с.

279. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель; Под. общ. ред. В.И. Даниленко. Пер. с фр. – М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 574 с.

280. Вешняков, А. А. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов / С. В. Большаков, Ю. А. Веденеев, А. А. Вешняков, О. Н. Волкова. и др.; Отв. ред.: А. А. Вешняков; Науч. ред.: Ю. А. Веденеев, В. И. Лысенко, М. : Норма, 2003. – 807 с.

281. Виноградов, В. А. Конституционное право России: учебник / В. А. Виноградов, С. В. Масленникова, В. Д. Мазаев. – М. : Эксмо, 2022. – 752 с.

282. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : ИНФРА•М–НОРМА, 1997. – 298 с.

283. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. / Г. Гегель; под. ред. А. Деворина и Д. Рязанова Т.1. – М., 1929. – 367 с.

284. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права. 5-е изд., испр. и доп / Д. Д. Гримм. – Петроград : скл. изд. в юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1916. – 495 с.

285. Дмитриев, Ю. А. Избирательное право и процесс в Российской Федерации / Ю. А. Дмитриев, В.Б. Исраелян. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 957 с.

286. Дмитриев, Ю. А. Избирательное право: Учебник / Ю. А. Дмитриев, В. Б. Исраелян. – М. : «Юстицинформ», 2008. – 312 с.

287. Добрынин, Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства / Н. М. Добрынин. – Новосибирск : Наука, 2012. – 605 с.

288. Игнатенко, В. В. Словарь-справочник по избирательному праву / В. В. Игнатенко, А. В. Штурнев. – Иркутск : Иркутская государственная экономическая академия, 1998. – 400 с.

289. Игнатов, С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / С. Л. Игнатов. – М. : «Деловой двор», 2014. – 1189 с.

290. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учеб. пособие / М. С. Савченко, Т. Ю. Дьякова и др. ; под общ. ред. М. С. Савченко. – Краснодар : КубГАУ, 2015. – 159 с.

291. Избирательное право и процесс. Учебное пособие для магистров / под общ. ред. В. В. Комаровой, Г. Д. Садовниковой. – М. : Проспект, 2022 – 264 с.

292. Кененова, И. П. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях: Учебное пособие / Кененова И. П., А. А. Троицкая, Д. Г. Шустров. – М. : URSS: КРАСАНД, 2015. – 709 с.

293. Князев, С. Д. Российское избирательное право: учебник / С. Д. Князев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 447 с.

294. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд. пересмотр. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 1007 с.

295. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов / Рук. авт. колл, и отв. ред. Б. А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. – М. : Норма, 2005. – 784 с.

296. Конституционное право России: учебник для вузов / Л. В. Андриченко, Р. Ч. Бондарчук, В. А. Виноградов, и др.; под ред. В. А. Виноградова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 552 с.

297. Конституционное право: словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. – М. : Юристъ, 2001. – 559 с.

298. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: Учебник для вузов / под ред. О. И. Тиунова. – М. : НОРМА, 2005. – 591 с.

299. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 8-е (без измен.) / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург: [Н. К. Мартынов], 1909. – 354 с.

300. Кутафин, О. Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е изд. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2002. – 520 с.

301. Кутафин, О. Е. Конституционное право России. Конституционное право России. 5-е изд., перераб. и доп. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2019. – 578 с.

302. Лучин, В. О. Избирательное право России / В. О. Лучин, В. Н. Белоновский, Т. М. Пряхина и др. ; под ред. В. О. Лучина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 736 с.

303. Малько, А. В. Теория государства и права: Краткий учебник / А. В. Малько. – Саратов : Изд-во ФГОУ ВПО Сарат. ГАУ, 2003. – 118 с.

304. Матейкович, М. С. Избирательное право и избирательный процесс: учеб. Пособие / М. С. Матейкович. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. – 288 с.

305. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 293 с.

306. Нарутто, С. В. Конституционное право России: учебник / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2022. – 430 с.

307. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Спарк, 2004. – 670 с.

308. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / Отв. ред. А. А. Вешняков; Науч. ред. В. И. Лысенко. – М. : Объединённая редакция МВД России, 2007. – 860 с.

309. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В. В. Комаровой. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. – 760 с.

310. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю. А. Веденеева и Н. А. Богодаровой. Учебное пособие. – Калуга: Калужский областной фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ», 2002. – 690 с.

311. Розанов, Ф. И. Основы теории систем: учебное пособие для студентов всех направлений подготовки / Ф. И. Розанов. – Ульяновск: УлГТУ, 2024. – 239 с.

312. Сравнительное избирательное право. Учебное пособие. – М. : Издательство НОРМА, 2003. – 203 с.

313. Теория государства и права: Учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд. испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2016. – 344 с.

314. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. – 558 с.

315. Трубецкой, Е. Н. Лекции по энциклопедии права / Е. Н. Трубецкой. – М. : Т-во Типографии А. И. Мамонтова, 1917. – 227 с.

316. Червонюк, В. И. Конституционное право зарубежных стран: курс лекций: в 10 выпусках. Выпуск 5. Избирательное право / В. И. Червонюк, А. Ю. Мелехова, И. В. Калинский и др. ; отв. ред. В. И. Червонюк. – М. : Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. – 376 с.

317. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.

318. Эбзеев, Б. С. Конституционное право России. Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2021. – 224 с.

319. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. – М. : Проспект, 2021. – 649 с.

320. Khudoley D.M. The basic principles of suffrage / D.M. Khudoley // Modern science. – М. : Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – 2018. – № 4-2. – С. 49-57.

Диссертации и авторефераты

321. Авилов, Я. Д. Реализация пассивного избирательного права на стадии выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в органы государственной власти Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.2 / Авилов Ярослав Дмитриевич. – М., 2024. – 222 с.

322. Батурина, Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Батурина Юлия Борисовна. – М., 2001. – 149 с.

323. Беломестных, Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Беломестных Любовь Леонидовна. – М., 2003. – 23 с.

324. Васев, И. Н. Субъективное право как общетеоретическая категория : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Васев Игорь Николаевич. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.

325. Вискулова, В. В. Гарантии избирательных прав граждан в современной России: вопросы теории и практики : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.02 / Вискулова Виктория Вячеславовна. – М., 2013. – 524 с.

326. Володина, С. В. Многопартийность как основа конституционного строя России : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Володина Светлана Вячеславовна. – Саратов, 2015. – 180 с.

327. Волченко, В. Н. Институт пассивного избирательного права при выборах в органы государственной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Волченко Валерия Наильевна. – Ростов–на–Дону. 2004. – 229 с.

328. Дудко, И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Вопросы теории : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / Дудко Игорь Геннадьевич. – Саранск, 2004. – 379 с.

329. Жилина, М. Л. Конституционно-правовые ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Жилина Марина Леонидовна. – Екатеринбург, 2005. – 204 с.

330. Князев, С. Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.02 / Князев Сергей Дмитриевич. – Владивосток, 1999. – 507 с.

331. Ливадная, Ю. А. Конституционный деликт: понятие, состав, нормативное регулирование (сравнительно-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ливадная Юлия Александровна. – М., 2022. – 176 с.

332. Липчанская, М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.02 / Липчанская Мария Александровна. – Саратов, 2012. – 447 с.

333. Матейкович, М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. … дис. докт. юрид. наук : 12.00.02 / Матейкович Максим Станиславович. – Саратов, 2003. – 57 с.

334. Москаленко, Т. О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Москаленко Татьяна Олеговна. – М., 2012. – 32 с.

335. Орлов, Д. В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Орлов Дмитрий Викторович. – Н. Новгород, 2007. – 35 с.

336. Подмарев, А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Подмарев Александр Александрович. – Саратов, 2001. – 235 с.

337. Рассолова, Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Рассолова Евгения Шамильевна. – М., 2009. – 25 с.

338. Садовникова, Г. Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития : дис. … докт. юрид. наук: 12.00.02 / Садовникова Галина Дмитриевна. – М., 2013. – 498 с.

339. Силкина, М. М. Конституционное право граждан России быть избранными в органы местного самоуправления : автореф. … дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 / Силкина Марина Михайловна. – М., 2010. – 34 с.

340. Смирнова, А. Я. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйствующих обществ : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Смирнова Яна Александровна. – М., 2019. – 246 с.

341. Советников, И. В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Советников Иван Васильевич. – М., 2006. – 26 с.

342. Троицкая, А. А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Троицкая Александра Алексеевна. – М., 2009. – 24 с.

343. Филатова, А. О. Содержание и судебная защита конституционного права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Филатова Анастасия Олеговна. – М., 2018. – 141 с.

344. Хасанов, У. Ф. Реализация международных избирательных стандартов в законодательстве субъекта Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / Хасанов Урал Фанисович. – Уфа, 2004. – 27 с.

345. Шугрина, Е. С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления : дис. ... докт. юрид. наук / Шугрина Екатерина Сергеевна. – М., 2008. – 448 с.

Аналитические материалы, проекты нормативных правовых актов

346. Извлечение из Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г. // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. – М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 389– 394.

347. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. – М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 341-366.

348. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2017 г.) // Актуальные вопросы применения законодательства о выборах и референдумах: Сборник судебных решений. – М. : Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2021. – С. 366-389.

349. Правовые позиции Конституционного Суда Российский Федерации по отдельным вопросам. Вопросы обжалования результатов выборов (информационно-тематическое собрание правовых позиций, подготовленное Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-voprosy-obzhalovaniia-rezultatov-vyborov/ (дата обращения: 05.04.2025).

350. Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект) – М. : ИЗиСП, 2013. – 70 с.

351. Руководящие принципы правового регулирования деятельности политических партий, принятые на 84-м пленарном заседании в Венеции 15-16 октября 2010 г. [Электронный ресурс]– URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2010)024-rus (дата обращения: 06.05.2025).

352. Замечание общего порядка No 25 Комитета ООН по правам человека: Ст. 25 (Участие в государственных делах и право голоса), право на участие в государственных делах, право голоса и право на равный доступ к

государственной службе (принято 12 июля 1996 года), п. 1 [Электронный ресурс]. – URL: http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom25.html (дата обращения: 20.03.2025).

353. Elect and be elected. The right of people with intellectual disabilities to vote and to stand for elections [Электронный ресурс]. – URL: HTTPS://WWW.INCLUSION-EUROPE.EU/ELECT-AND-BE-ELECTED-REPORT-ON-RIGHT-TO-VOTE-LIMITATIONS-BASED-ON-LEGAL-CAPACITY-IN-THE-EU/ (дата обращения: 15.02.2025).

354. Filosofskie_bilety_osn-1.doc [Электронный ресурс]. – URL: https://studfile.net/preview/9566897/page:28/ (дата обращения: 15.02.2025).

Источники на иностранных языках

355. Aleinikoff T.A. Constitutional Law in the Age of Balancing // Yale Law Journal. – 1987. – Vol. 96, no 5. – P. 943–1005.

356. Alexy R. Theory of Constitutional Rights. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 462 p.

357. Balthasar A. Grenzen und Gefahren des Schutzes der Grundrechte. Wien, Sramek Publ, 2009. – 325 p.

358. Barak A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge studies in constitutional law; 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 611 p.

359. Burgi M., Degenhart C., Dörr D. and others. Handbuch der Grundrechte in Deutsch land und Europa. Band IV. Grundrechte in Deutschland: Einzelgrundrechte. Heidelberg, C.F. Műller. 2012. – 1543 p.

360. Caroline Morris. Parliamentary Elections, Representation and the Law. Hart Publishing, 2012. – 195 p.

361. Clerk F.S. Le, “The Emerging Right to Participate in Political Life, guaranteed at the Federal Level” (1975) 8/4. Indiana Law Rev. – P. 607- 653.

362. Cueto-Rua J. Abuse of Rights, 35 La. L. Rev. (1975) [Электронный ресурс]. – URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol35/iss5/3. P. 995 – 113. (дата обращения: 25.04.2025).

363. Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // University of Toronto Law Journal. – 2007. – Vol. 57. no 2. – P. 383-397.

364. Herman Sh. Classical Social Theories and the Doctrine of ‘Abuse of Right’, 37 La. L. Rev. (1977) [Электронный ресурс]. – URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol37/iss3/6. P. 747-760 (дата обращения: 25.04.2025).

365. Ishiyama J.T., Kelman T., Pechenina A. “Models of democracy” in the book by J.T. Ishiyama and M. Breuning (eds.) “Political Science of the 21st Century: a Reference guide” (2011, SAGE publications). – 921 p.

366. Jones A. Arguments in favor of political candidacy as a fundamental human right // Human Rights Law Review. – 2016. – Vol. 16. Issue 1. – P. 29-54.

367. Josso S. Le droit à candidater aux élections législatives: Un droit malmené // Revue française de droit constitutionnel. – 2013. – No 94. – P. 371-395.

368. Koch T. Der Grundrechtesschutz des Drittbetroffen. Zur Rekonstruktion der Grundrech te als Abwehrrechte. Tübingen, Mohr Siebeck Publ, 2000. – 528 p.

369. Le Clercq “The emerging federally secured right”: Lubin v Panish 415 US 709 at 716 (1974) // Indiana Law Review. – 1975. – Vol. 8, no. 4. – P. 607-653.

370. Les droits du candidat à l'élection présidentielle Wanda Mastor Dans Pouvoirs 2011/3. – (no 138). – P. 33-46.

371. Lubin v Panish 415 US 709 at 716 (1974) (и др.) // Indiana Law Review. – 1975. – Vol. 8, no 4. – P. 607-653.

372. Michael Gallagher, Paul Mitchell. The Politics of Electoral Systems. Oxford University Press, 2005. – 662 p.

373. Milena Tripkovic. Punishment and Citizenship: A Theory of Criminal Disenfranchisement. Oxford University Press, 2019. – 192 p.

374. O'Connell, R. Law, Democracy and the European Court of Human Rights // Cambridge University Press. – 2020.

375. Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the “Educated” Class? // Journal of African Law. – 2022. – Vol. 66. Issue 3. – P. 419 – 438.

376. Robertson James R., Spano Sebastian. Electoral Rights: Charter of Rights and Freedoms [Электронный ресурс]. – URL: https://goo-gl.ru/6kap (дата обращения: 13.03.2025).

377. Schneider H. Verfassungrechtliche Grenzen einer gesetzlichen Regelung des Pressewesens. – Berlin, Duncker&Humblot Publ, 1971. – 68 p.

378. Senada Zatagić. A Neglected Right. Prospects for the Protection of the Right to be Elected in Bosnia and Herzegovina. – 2022. – 212 p.

379. Sweet A.S. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. – 2008. – Vol. 47. – P. 72-164.